

ЛИТЕРАТУРНЫЙ КЫРГЫЗСТАН

1/ ЯНВАРЬ 2017

Художественный и общественно-политический
журнал писателей Кыргызстана

Издается с января 1955 г.

Главный редактор А.И. ИВАНОВ

Редакционная коллегия:

В.В. КАДЫРОВ

Б.Т. КОЙЧУЕВ

Т.Т. МУРАТАЛИЕВ

С.Г. СУСЛОВА

(зам. главного редактора)

В.И. ШАПОВАЛОВ

Представляем творения фотохудожника

Александра Федорова

На первой обложке: фотография Туя-Ашуу.

На четвертой – фотографии: скалы Кара-Жигач и озера Таш-Кумыр.

Адрес редакции:

720301, ГСП. Бишкек, ул. Пушкина, 70

Телефон 62-16-05

ПРОЗА

Геннадий Базаров. <i>Сеча. Притча</i>	5
Артем Хегай. <i>Шкатулка с зеркалами. Рассказ</i>	28
Юлия Кулешова. <i>Город для сталкеров. Высокая ставка. Рассказы</i>	44
Юрий Башманов. <i>Дезертир. Еврей. Шинелька. Рассказы</i>	65
Вячеслав Александров. <i>Друг Человека. Рассказ</i>	75

ПОЭЗИЯ

Михаил Синельников. <i>Стихи</i>	89
Анэс Зарифьян. <i>Из стихов лирических, а не сатирических</i> <i>Стихи</i>	100
Кристина Убайдулаева. <i>Стихи</i>	111

ОЧЕРКИ. ПУБЛИЦИСТИКА

Александр Камышев. <i>Нумизматы и «нумезматери»</i>	117
Сергей Дудашвили. <i>Григорьевская щель. Диво Дивное. Долина Журавлей. Заповедный уголок. Затерянный мир. Лики Алая. Мраморный замок. Ностальгия по Чумышу. Огненный город. Панорама Памира. Самая известная достопримечательность. Скалы Кара-Жигач. Эссе</i>	138
Зайнидин Курманов. <i>Афоризмы</i>	154

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. КУЛЬТУРА

Алексей Агибалов. <i>Па дэ дэ с Екатериной Максимовной</i>	159
Бахтияр Койчуев. <i>«Аль-Хаят» - благословение жизни</i>	167
Валентин Янцен. <i>В круге озмителейского притяжения</i>	170

Коротко об авторах	175
---------------------------------	-----

ПРОЗА

Геннадий БАЗАРОВ

С Е Ч А

Притча

*Ветви Сакуры
Покрылись розовым цветом
Зачем же, любуясь весной,
Ты носишь меч на боку?
(из японской поэзии)*

Батыр играл саблей

Это был высокий, красивый мужчина. Широкий в плечах, с налитыми мышцами крепкого тела, он играючи подбрасывал вверх сверкающий на солнце клинок и легко ловил на лету. Закидывал снова и, если не удавалось поймать, смеялся громко своей оплошности.

Он был один в широкой долине. Вокруг тихо, только иногда фыркал в стороне его спутанный конь...

Стройный, бритоголовый юноша скакал на коне. Это – Джигит. Не отстает от него коренастый воин с щербатым ртом. Сильные, красивые кони стелются по земле. Юноша восторженно кричал на скаку, и звонкий голос его отзывался эхом среди скал, замирая и исчезая глухим стоном в расщелинах. Джигит был счастлив, ибо он был влюблен...

Отроду одинокий, он решился на скитания, иначе не представлял себе свое существование. Помогать людям, познавать жизнь стало делом этого Странника...

Она была красива и легкомысленна. Она была завистлива и хитра, все свои пороки возводила в степень своего достоинства, но они, в конце концов, переросли в ее же трагедию...

На широкой ложе из облезлых шкур и домотканной шерсти лежала женщина. Была она не первой молодости, но была красота проглядывала во всем ее облике, в стройном и гибком теле, покоящемся на лежанке. На ее бледном, как полотно,

лице проглядывало голубоватое свечение, словно кожа на висках истончилась, а большие полуприкрытые глаза оплелись плотной паутиной морщин. Она тяжело дышала, хватая ртом гортаний, устоявшийся воздух...

– Где сын? – тихо спросила она старца, сидящего у ее изголовья.

– Помощи просит, – ответил он.

– Зачем, Господи? – прошептала она, скорее обращаясь к себе. – Это же бессмысленно...

– О, Всесильный! Помогите! – кричал мальчик в небо. Он сидел на коленях, воздев вверх худые, загорелые дочерна руки. Вопрошающий взгляд его больших, раскосых глаз, был устремлен на небо, где в зените клубился и кипел жаром яркий диск солнца...

– Неужели он не понимает бессмысленность своей просьбы, – тихо шептала женщина. – Смерть никого не разбирает... Пришел и мой час...

Старик тихо кивал головой, разминая глаза дрожащими корявыми пальцами. В дверные щели задувал суховей, обдавая лица обжигающим воздухом...

– Спаси мать, – шептали потрескавшиеся губы мальчика. – Нас и так мало. Одни старики, да дети... Помогите, Всесильный!..

Из-за холма возник одинокий всадник. Остановился и стал наблюдать за мальчиком. Всадник статен и высок. Длинные волосы на голове охвачены туго платком, а худое, резко вычерченное лицо обрамляла смоляная борода. Нельзя было сказать, что он молод, но и старить его никто не стал бы. При всей простоте своей манеры держаться и бесхитростной одежде, одно его отличало – глаза. Они подкупали непонятной силой, властью и обаянием. Понаблюдав за мальчиком, он тихо прошептал, слезая с коня: «Где просят помощи – там горе поселилось...». Мальчик обернулся на голос, увидел незнакомца и истоиво закивал головой.

– У кого просишь помощи? – спросил незнакомец.

– У Всесильного! – указал на небо мальчик и тихо добавил. – Мать умирает...

– Она умерла, – прервал его старец. Он стоял у землянки, опираясь на иссохший посох. – Крепись, мой мальчик... Мальчик стоял, пораженный неожиданным сообщением. Стоял, словно все еще не веря в случившееся, озираясь, поочередно, то в сторону покосившейся землянки, то на раскаленное в зените солнце... Стали появляться немногочисленные обитатели

зброшеннага аила. Скучилася толпа в чорным. Молчалівыя і глыбока озабоченыя, яны тупо уставіліся на незнакомца і всхліпываючага на грудзі у старіка малчыка...

– Ты ошибся, старик, – сказаў тихо незнакомец. – Твая маты жыва, малчык. Пасмотри!

Усе аглянуліся в сторону землянкі і ахнулі. В дзвярках, кутаяся в чорнае покрывало, стояла жанчына. Толпа ожыла, людзі заропталі.

– Волшебнік! – вскричал малчык і упал на колены перад незнакомцам, заплакаў, прыжымаяся к яго руцэ мокрымі щэкамі.

– Волшебнік! – раздаліся голасы в толпе.

– Я не знаю, хто ты, сыноч, – сказаў взволнавана старік незнакомцу. – Но взгляд твой говорит о доброте твоих намерений... Как тебя зовут?

– Мое імя вам нічога не скажэ, – усмібнуўся незнакомец, поднімая на ногі малчыка. – Я не помню ні отца, ні матэры. Не знаю дажэ, із какаго рода прыхожу... Добрыя людзі прыюцілі і выходзілі мяня, конем одарылі і вот я, аднокіі, бедныі страннік, брожу по свету. А Вы, отец, кто такие? Что за людзэ здэсь прыжыўся сродзі скал?

– Это остатки некогда небольшого и миролюбивого рода, – вздохнул старик. – Да вот беда, что жили мы на границе двух больших, воинственных родов Джигита и Батыра... Поссорятся они – страдает наш род. А ссорились они часто и до сих пор все гnevаются друг на друга. Растоптали наши луга, поугоняли мужчін і дэвушэк, добро по ветру пустили... Вот і прышлі мы, старыкі і дэты, в гэты скалы. Попрыталіся как ящерыцы сродзі камяей...

– Думалі, што оставяць в покое, да жажда замучыла, – тихо вставыла старуха с воспаленымі, слезящыміся глэзамы.

– Воду перекрылі! – вскричал кто-то із толпы.

– Кто? – спросыл Страннік.

– Батыр! – истошно ответыл тот же голос. – Будь проклят он сам і весь его род...

Толпа зашевелылась, зароптала. Жанчына стояла, не сводя глэз с незнакомца, прыжав к себе ещэ не успокоеннаго сына.

– Где он жывет?

– Не ходи к нему, – заспешыл старік, дотрагываяся до незнакомца. – Никто оттуда не возвращался. Жесток Батыр.

– Где он жывет? – ещэ раз спросыл Страннік.

– У красных холмов! – заголосылі із толпы, словно бо-

ьясь упустить пришельца. – И воду он перекрыл нам. Охрану поставил!

– Не сговоришься с ними, - вздохнул старик. – Боятся они Батыра...

– Ждите воду, – сказал Странник. Тронул коня и вскоре исчез среди выжженных, голых холмов...

Мрачными, бесформенными грудями дыбились скалы. Над ними мерно парит беркут, выслеживая добычу... На горизонте красные холмы, что, цепочкой растянувшись вниз, постепенно сливались с зеленой долиной. Легкий ветерок колышет стебельки цветов среди камней, где таинственно журчит родник, который прячется под валунами, сверкая на солнце.

Странник сошел с коня и долго, неторопливо пил воду из родника. Тишина. Кругом ни души, только внизу, вдоль спокойного течения реки, свертели на отдалении друг от друга воины в доспехах. Мутно сверкают в лучах солнца их тяжелые щиты, наконечники копий...

Странник долго смотрел на застывшие фигуры воинов. Они тоже заметили незнакомца, зашевелились, позванивая кольчугами и оружием. Самый старый из них вскочил на коня, поправился в седле, удобно располагая в руках щит и копье, словно предчувствуя опасность. Странник молча продолжал смотреть на них...

Палач, хладнокровно и тяжело отхлестав привязанных к столбам пятерых несчастных, отошел в сторону. Это были воины, что охраняли русло реки. Обнаженные по пояс, исполосованные и окровавленные, они представляли жуткое зрелище.

– Молоком своей матери клянусь, Батыр! – молил самый старый из них. – Не виноваты мы... Это был Волшебник... Он даже не подошел к нам...

– Чем же он вас околдовал? – резко спросил Батыр из юрты, у которой были привязаны провинившиеся воины.

– Не могу объяснить, – ответил старый. – Это нельзя объяснить...

Странник молча смотрел на застывших воинов. Те вдруг заерзали на месте. А самый старый из них уронил на землю копье и щит, потом, словно повинувшись какой-то непонятной власти сам, тоже сошел с коня на землю. Странник продолжал смотреть на них, и воины, побросав оружие, начали перекрывать речку камнями, пустили воду по старому, давно пересохшему руслу. Незнакомец оглянулся последний раз на них и пошел к своему коню. Легкая усмешка играла на его тонких губах...

– Вот так вот и уехал он, усмехаясь своей силой, – шептал старый воин. – Клянусь своей честью, Батыр! Он был Волшебник!..

– Они просто спали! – визжал и куражился вокруг привязанных юродивый. – Их подкупили. Прикажи, повелитель, палачу и он выведает у них признание!

– Пусть будет так! – крикнул из юрты Батыр. Палач снова взмахнул тяжелой плеткой над головами несчастных...

А в это время жители пещерного аила высыпали к берегу пересохшего русла, по которому, пенясь, бежала вода. Люди молча выражали свою радость, встречая стремительный поток. Сбрасывали с себя черные отрепья и шли в воду, трепетно, затаив дыхание, словно опасаясь, что это сон.

– Люди! – громко кричал мальчик. – Волшебник сдержал свое слово!..

– А-а-и! – кричал молодой всадник на танцующем под-жаром скакуне. Он ловко вращал над головой укрук (лассо), нацеливаясь на гнедого жеребца, настороженно дрожащего в табуне, готового в любой момент сорваться с места... Лихо сгоняли в кучу табун несколько всадников, прищелкивая плетками, горяча своих лошадей. Наконец табун сбился в кучу, окруженный всадниками. Молодой джигит поправился в седле, крепче сжал укрук и, резко хлестнув своего скакуна, ринулся в плотную гущу лошадей, которые враз рассыпались в стороны, и не успел гнедой жеребец опомниться, как мгновенно тугой узел аркана сжался вокруг его шеи, приковал к месту... Джигиты ликовали, проявляя свой восторг криками, но гнедой вдруг заржал, поднялся на дыбы и легко, очень легко оборвалась веревка на глазах изумленных всадников. Гнедой, почувствовав себя свободным, стремительно умчался в степь... Пораженные джигиты заметили незнакомца. Это был Странник, который молча наблюдал за происходящим. Потом он тронул коня и неторопливо проехал мимо изумленных джигитов в направлении Красных холмов. Усмешка застыла на его лице и весь он был спокоен и полон достоинства... А по долине стремительно скакал Гнедой. Дрожали на ветру его густые грива и хвост. Скакал Гнедой. Он был свободен...

Когда Странник не спеша подъехал к стойбищу Батыра, там уже стоял в куче весь народ – пожилые и молодые, женщины, воины и дети. Мелькали среди них джигиты, что тщетно пытались укротить Гнедого. Видно, успели сообщить своим о появлении странного незнакомца. Толпа встретила Странника

молча, расступилась, пропуская его к центральной юрте, где жил сам Батыр. Люди провожали взглядами пришельца, и отвратительный юродивый кружил вокруг него, что-то гнуса-ва... Самого Батыра не было видно, а у его юрты согнулись притянутые волосяными арканами к столбам провинившиеся воины, которые охраняли русло реки и повиновались прихоти Странника. Странник молча сошел с коня, не отрывая от них взгляда, и громкий вздох изумления прокатился по толпе. Люди стали свидетелями, как толстые, волосяные арканы, словно ожившие, послушно и медленно сползли к ногам, освободив привязанных...

– Дьявол! – истошно вскричал юродивый.

– Смотрите! Это он – Волшебник! – захлебнулся от переполнивших его чувств старик и упал на колени.

Народ зароптал. Зазвенело оружие и вмиг все стало тихо. На пороге белой юрты стоял сам Батыр...

Рвал ветер гриву. Гнедой стремительно скакал по долине, словно вступив в единоборство со стихией. Нависли тучи, скрылось солнце. Низко пали к земле цветы и травы под напором ветра. Гуляла пыль по долине, а Гнедой стремился вперед упорно и решительно, дугой изогнув шею...

Молчал народ. Смотрели друг на друга Батыр и Странник. Батыр – испытывающе, хмуря широкие брови. Странник – открыто и просто. Жались друг к другу пятеро «освобожденных» воинов, ожидая своей участи. Знали крутой нрав Батыра и не верили еще до конца невидимой силе пришельца. Смотрели друг на друга Батыр и Странник.

– Не принимай его! – подскочил к Батыру юродивый. – Нет, не волшебник он! Он – дьявол!..

– Проходи в дом, незнакомец, – резко перебил юродивого Батыр. – Гостем будешь...

Вдохнула, ожила толпа. Улыбнулся ему в ответ пришелец и, указав в сторону пятерых воинов, сказал: – Прости их, Батыр... Не повинны они перед тобой...

– Не слушайся! – завизжал юродивый. – Не отпускай грешных, власть потеряешь!

– Идите к женам, – нехотя махнул тяжелой рукой Батыр. Несчастные упали на колени перед Батыром и Странником, пропуская их в сторону юрту. А юродивый, катался по земле, цапая в ярости лицо свое...

Ночью, далеко в пещерном аиле, сидели у затухающего

очага мальчик и его «воскресшая» мать. Где-то жалобно взывала собака. Протяжно и долго.

– Не к добру, если собака воет в ночь... Быть несчастью, – качала головой женщина. – Как бы с нашим Волшебником чего не случилось. Не надо было его к красным холмам отпускать. Жесток Батыр...

– Но он же – Волшебник! – вскричал мальчик. – Должен быть сильнее Батыра.

– Батыр жесток, - вздыхала женщина. – Иногда, мой мальчик, злоба побеждает добро.

Вдруг стало разом тихо. Собака перестала завывать, и ветер донес зловещий звон издалека.

– Слышишь этот звон? – заторопилась женщина. – Это люди Джигита к войне готовятся... Батыр похитил девушку, что давно приглянулась Джигиту. Не простит он ему поступок опрометчивый.

Собака вновь завывала, и ветер носил ее протяжный вой над ночным аилом.

– Ох, не к добру, если собака воет в ночь, – вздохнула мать, глядя по голове задумавшегося мальчика...

Костры пылали в ущелье Черных Камней...

Воины племени Джигита ковали оружие. Глухим стоном опускались кувалды на раскаленное железо и после каждого удара снопами летели искры, растворяясь в ночи. Охапками сносились в кучу еще не остывшие клинки, наконечники копий и стрел. Пылало множество костров в ущелье, и взирал на них молча с возвышенности сам Джигит. Сидел на камне, стиснув до боли пальцами рукоять кривой сабли. Недобрым блеском отражались костры в его больших, раскосых глазах. Молчал, притулившись рядом с ним, воин с щербатым ртом...

Человек одинок, - говорил Батыр. – И вечно останется одиноким, и трудностям его не будет конца...

– Печально мыслишь, – осторожно вставил Странник. – К чему бы это?

– К войне готовлюсь, – усмехнулся Батыр. – К войне, странник.

Они сидели вдвоем в большой юрте Батыра. Обильное угощение на широкой скатерти, и прислуживал им, молодой красивый юноша. Иногда через полог просовывал лохматую голову юродивый и вновь исчезал, злорадно при этом ухмыляясь.

– Скажи, Батыр, – указал Странник головой в сторону юродивого. – К чему он тебе?

– К чему он мне? – усмехнулся Батыр и взглядом прогнал вновь показавшегося юродивого. – Меня забавляет его кривлянье... А иногда из уст этого несчастного проскальзывает истина...

– Не верь ему Батыр! – вскричал из-за юрты юродивый. – Он – дьявол, подсланный Джигитом... Сопрет твою красавицу и опозорит тебя!

– Он за мою честь страдает больше, чем за свою жизнь, – засмеялся довольный Батыр.

– Неужто ты любишь, когда льстят тебе? – заметил Странник.

– Замолчи! – вскричал Батыр, враз изменившийся в лице. Видно крепко задело его замечание Странника. Никто и никогда так прямо ему не говорил в лицо. Это было сказано так неожиданно, что молчаливый и красивый юноша застыл, держа в руках поднос с угощением. Нависла тишина, только изредка в ночи звенели доспехами сторожевые воины.

– Брат! – громко позвал Батыр, не спуская глаз со Странника. Юноша испуганно подскочил к нему, обнял за плечи.

– Смотри, пришелец! – разорвал Батыр рубашку на юноше. Ошеломленный Странник увидел на его груди уродливые метки от раскаленной подковы. Батыр смотрел на него, а в уголках больших глаз юноши накалились слезы.

– Тебе знакомы подобные метки, странник? – зло спросил Батыр у своего гостя. Тот отрицательно покачал головой.

– Тогда запомни, – тихо продолжил Батыр, отпустил юношу, которого держал за ворот. – Сейчас ты заслуживаешь самой высокой кары... Но в каждом доме есть свои устоявшиеся порядки, которые грешно нарушать.

– Если в чем-то я провинился, – слегка наклонил голову Странник. – То я прошу тебя – напони и прости...

– Благодарю, пришелец, Всевышнего, что ты гость, – ответил взволнованно Батыр. – А у нас в роду издревле чтити гостя, если только он пришел не с плохими намерениями...

Батыр еще что-то говорил, но Странник не слушал его, а наблюдал за ним. Слишком много загадочного было в этом сильном и по-настоящему красивом человеке, и его неожиданная вспышка осталась для Странника непонятной. Батыр все говорил, правда, уже не так зло и резко, гость разобрал только его последние слова: – Если ты действительно волшебник, то все поймешь... А пока за тобой будут присматривать...

Была ночь, было тихо, только сторожевые воины позванивали доспехами и юродивый плакал на пороге юрты, видно, растроганный речью своего покровителя.

– Благослови, отец! – просил на коленях у старца Джигит.
– Позор своей кровью хочу смыть!..

Старец сидел в глубине шатра, поджав под себя ноги. У входа застыли два воина и молодая женщина за шелковым пологом ребенка укачивала.

– Уж всем претит высокомерие Батыра... Сейчас же, преступив постыдства грани, смеется он злорадно надо мной! Благослови, отец! Я воинам велел оружие точить!..

Молчал старый. Слово сотканное из морщин, его лицо оставалось непроницаемым. За шатром с криками прогнали табун и заскулила жалобно собака, видно копытами поддетая.

– Донесли, что у Батыра волшебник объявился, – незаметно возник коренастый воин с щербатым ртом. – Что он рекам ход меняет и разбирает узлы глазами...

Старец встревоженно вскинулся на Джигита из-под насусленных бровей.

– Превыше всего для меня – честь рода, – твердо сказал Джигит после небольшого колебания. – Пусть тысячи волшебников будут у Батыра!..Я все же прошу благословения Вашего, отец!

– Но поговаривают, что девушка дала согласие Батыру, – тихо вставил щербатый. – Видно, волшебник ее околдовал. Трудно будет...

– Кровью возьмем! – вскричал Джигит. – Помоги, отец, мне страх свой саблею сменить и защитить устои рода!

Старец некоторое время сидел, прикрыв глаза. Потом тихо кивнул седой головой в знак согласия и жестом отослал воинов из шатра. Вскоре вскричали всадники, зазвенело оружие и снова обиженно заскулила собака...

Снова наступили тяжелые дни для обитателей пещерного аила. Высохло русло реки, и народ облачившись в черный траур, молил у неба влаги и дождя.

– Видно, беда с нашим Волшебником случилось, – шептала женщина.

– Пойду я к нему, – просил ее мальчик. – Может, ему помощь нужна?

Вдруг ветер пронес зловещий звон над молящимися, и вместе со звоном проскакали по косоугору вооруженные всадники и исчезли.

– Это люди Джигита! – вскричал мальчик. – Пойду я к нему... Может, помощь нужна!

– Да, сынок, – согласилась женщина. – Чует мое сердце, что беда с нашим Волшебником случилась.

Народ молил у Неба дождя и влаги, и зловещий звон кованных сабель висел над пещерным аилом...

– Ты спас нас от верной смерти и я должен предупредить, – говорил старый воин Страннику. – Берегись Батыра... У него крутой нрав и характер жестокий...

– Спасибо, отец, – ответил Странник. Он сидел в юрте, поджав под себя ноги, а старый воин за юртой, и разговаривали они вполголоса через стену кошмы. Было тихо, была ночь, и звезды звонко рассыпались по черному провалу неба...

– Значит, Батыр исполнил свое обещание и заключил меня под стражу? – спросил Странник.

– Да, – ответил воин. – Он не боится, но остерегается тебя. Недавно люди Джигита похитили его брата в отместку за девушку и надругались над бедным юношей – язык вырвали и клеймо прожгли раскаленной подковой на его груди, чудом его выручил от верной смерти юродивый...

– Вот почему Батыр дорожит юродивым, – заключил Странник.

– Да, Волшебник, – ответил воин. – Батыр смелый джигит, но девушка глупа.

– Какая девушка? – спросил Странник.

Воин не торопился отвечать, обошел вокруг юрты, вглядываясь в темноту.

– Извини, – тихо улыбнулся старый, возвращаясь на место. – Боялся, что нас подслушивают. У каждого рода есть люди с нечистой прихотью...

– Вы говорили о девушке, – напомнил Странник.

– Батыр похитил девушку из верхнего стойбища... Поговаривают, что она еще раньше приглянулась самому Джигиту.

– И что? Он хочет мстить Батыру?

– Нет, – качал головой старый воин. – Все из-за излишней гордыни ее...

В лощине за аилом Батыра у трех больших юрт восемь джигитов седлали восьмерых скакунов. Богатыми покрывалами, цветными попонами и резными седлами украшали они коней. Серебром отделанные уздечки позванивали на лихих скакунах, что нетерпеливо перебирали сильными, стройными ногами.

Семь нарядных красавиц стояли в отдалении, а восьмая сидела в юрте и, гордо поводя красивой головкой, слушала юродивого, который сидел, приткнувшись у порога. Рядом с девушкой находилась седая старуха – кормилица ее.

– Батыр был очень зол, – рассказывал юродивый. – Другому бы, на месте этого пришельца, не снести головы...

– Может, он и есть волшебник? – спросила девушка.

– Нет, нет! – вскричал юродивый. – Не волшебник он!

Безродный проходимец!..

– Откуда тебе знать?

– Зачем же он тогда отговаривает достойных от праведных дел? Чует сердце, что он и Батыра будет пытаться отговорить воевать с Джигитом из-за тебя, красавица. Что не стоишь...

– Замолчи! – вскричала девушка. – Если это так, то почему Батыр держит его при себе и милует еще!?

– Не мне это знать, – тарая испуганно глаза юродивый. – Только вот одно твое слово Батыру, красавица, и не снести ему, безродному, головы!

– Уйди от греха подальше! – замахала на него старуха. Юродивый спешно выполз за порог.

– Не надо крови, доченька, – зачастила старуха. – Усмири гордыню свою, согласие передай Батыру...

Молчала девушка, недобрым блеском глаза ее светились. Еще что-то бормотала неслышно старуха, суетясь вокруг нее. А девушка молчала, хмурила брови...

– Видно Батыр бессилен перед ее капризом? – спросил Странник. Он сидел по-прежнему одиноко в большой юрте. Перед ним поднос с нетронутой пищей. Странник осунулся за ночь, похудел.

– Да, ты прав, – отвечал старый воин. – Девушка очень горда. Она поставила условие, что будет принадлежать только достойному. Батыр не вправе переступить порог ее юрты, пока не победит Джигита. А это – война.

– А что Джигит?

– Тяжело будет осилить его. Джигит тоже гордый, сильный воин. Быть кровопролитию и мой тебе совет: уходи пока не поздно.

Странник понимающе кивал головой и молчал. Замолчал и старый воин. Чувствовал состояние гостя и сейчас неловко ерзал на месте, перекладывая из рук в руки тяжелое копье.

– Где живет девушка? – спросил Странник.

– Ой, не смей туда ходить! – замахал испуганно старый.
– Тому, кто осмелится там появиться, – верная смерть. Такова воля Батыра.

– Так где он ее держит? – настаивал Странник.

– В лощине за аилом, – ответил воин. Понял, что не отступит пришелец. – К ней только один юродивый вхож, якобы для увеселения, чтобы тоску, говорят, унять...

– Ии-Эй! – кричат всадники и несутся по долине. Дробят копытами землю кони, поднимая клубы пыли. Всадники припали к гривам скакунов, кричат и размахивают в воздухе плетьюми. Впереди всех скачет девушка. Она звонко смеется, подстегивая скакуна, увлекая за собой разгоряченных подруг. Несутся по долине девушки, играючи натягивают тугие тетивы своих луков, и стрелы со свистом устремляются в небо, растворяясь в его синеве...

Батыр верхом на великолепном коне взирал с откоса вниз на долину, где резвилась девушка с подружками на нарядно убранных скакунах. Они кружили по долине, смеялись звонко, подхлестывая своих коней... Батыр невольно залюбовался этим зрелищем и не заметил, как появился другой всадник на противоположной стороне. Это был Странник. Придержав коня, он тоже наблюдал за игрой девушек. Завидев, наконец, Странника, Батыр нахмурил брови, лицо его потемнело от ярости. Резко хлестнув коня плетью, он помчался в сторону стойбища. А девушка с подругами продолжали резвиться. Она была красива в тот момент, и Странник это отметил, наблюдая за ней...

– Где он?.. Пришелец где?! – вскричал Батыр, резко осадив коня у большой юрты. Старый воин испуганно вскочил на ноги.

– Сколько раз я предупреждал тебя, Батыр, – возник у юрты откуда-то юродивый. – Не верь этому безродному... Обманет он и опозорит!..

Юродивый внезапно умолк. На пороге юрты появился Странник. Старый воин облегченно вздохнул, убедившись, что его подопечный на месте. Батыр же, ошеломленный, замер на еще не остывшем коне и смотрел на Странника.

– Волшебник, – тихо прошептал он, впервые за все время знакомства с пришельцем он назвал его Волшебником... Странник молча стоял на пороге юрты, и усмешка застыла на его тонких губах...

Скакал по долине Гнедой в мареве нещадно палящего солнца...

В стане Джигита, одни оружие ковали, другие скот резали.

Умчался воин от большого шатра Джигита, видно, с поручением...

Спешил мальчик, переполненный надеждой помочь Страннику. Упорно шел вперед в сторону Красных Холмов, а перед глазами стояли жители родного аила в черном трауре, молящие у Неба дождя, и пересохшее русло реки, где только ящерицы ползали, появляясь и исчезая в глубоких расщелинах...

Молодой воин, закованный в цепи, по грудь засыпанный землей, томился в овраге. Глаза закрыты, а губы упрямо сжаты.

– Этот несчастный принес плохую весть, – говорил Батыр Страннику. – Джигит объявил нам войну и наступает с восходом солнца.

– Он же не причем, – сказал Странник. – Простой гонец и волю Джигита выполнял. Чем же он заслужил такое наказание?

– Послал бы я к Джигиту своего, – усмехнулся невесело Батыр.

– Его постигла бы худшая участь... У Джигита ум проворен на справки. Ты видел моего брата?

– Да, – ответил Странник.

– Красивый юноша – самый дорогой мне человек, – Батыр шумно вздохнул, кусая губы. – В свое время я послал его к Джигиту, только не вестью войны, а предложением мира... Что они с ним сделали!

– Знаю, – ответил Странник. – Но здесь была повинна...

– Они над ним надругались! – грубо оборвал его Батыр. – А девушку не трожь! Не твоя забота!...

– Прости, – наклонил голову Странник. – Неужто ты в отместку хочешь погубить этого несчастного?

– Не знаю, – ушел от ответа Батыр и замолчал.

Только теперь Странник начинал понимать, что не так жесток этот человек, как его привыкли принимать. Что, видимо, кроются в его душе задатки справедливости, которые находятся в постоянном противоборстве с устоявшимся чувством мести, желанием кровопролития...

Незаметно подошедший, юноша, брат Батыра, долго стоял в немом молчании, пристально глядя в плененного воина, словно силясь что-то припомнить, и вдруг в его больших глазах стало появляться выражения ужаса...

...Джигит хладнокровно сидел в стороне, а несколько воинов его смеялись и грубо рвали на отбивающемся юноше рубаху. Один из воинов калил над огнем подкову. Старался, накаливал до предела, вторые держали обнаженного по поясу

юношу, крепко стянув веревкой. Джигит был словно безразличен к происходящему, сидел в стороне и соломинку жевал...

...Среди тех, кто рвал на нем рубаху, был и этот плененный воин из племени Джигита. Юноша узнал его, резко вырвал саблю и занес над головой узника. – Не стоит! – остановил его Батыр. – Он не достоин такой легкой смерти...Участь его должна быть тяжелее...

Они медленно ушли в сторону аила, а в овраге остался воин из племени Джигита. Глаза у него были закрыты, губы упрямо сжаты... Он тоже вспомнил безгласого юношу – брата Батыра...

...вспомнил, как он держал его, отбивающегося, как прижидали его грудь раскаленной подковой, как смеялись воины и как зло, краем губ, улыбался сидящий в стороне Джигит. Вспомнил слезы в больших глазах отчаявшегося юноши...

Сбросил жеребец молодого наездника. Потешалась толпа тем, что всадник не удержался на коне. Это джигиты объезжали словленного Гнедого...

– Может, не стоит нам идти войной к Батыру? – говорил щербатый Джигиту. Они вдвоем сидели в шатре. – Говорят, Волшебника он придержал у себя и вестей никаких нет от нашего посланника... Как бы чего не вышло...

– Я клятву дал, – упрямо хмурился Джигит. – А клятве изменять нельзя.

Скачет по кругу в мыльной пене Гнедой, отчаянно бьет копытами, стремясь вырваться из сковавших его пут. Спешит в его сторону очередной наездник... В аиле Джигита народ веселился. Люди смеялись, не думая о том, что наутро их лица будут искажены ненавистью, глаза нальются кровью и руки будут обнимать уже не девушку, а бездыханное тело противника... Летел под свист и улюлюканье толпы через голову жеребца и второй наездник. Кружились со смехом вокруг него девушки и молодайки верхом на красиво убранных лошадях, гревая опозоренного плетью. Воины вновь ловили Гнедого, и вышел в круг щербатый, приближенный Джигита.

– А ну, покажи на что ты способен! – вскричал Джигит, появляясь в толпе. – Укроти, если ты мужчина!.. Не позорь свой род!..

Щербатый ловко прыгает на скакуна и, ожесточенно оттянув его нагайкой, тянет узду. Кричит толпа. Танцует Гнедой, поднимая клубы пыли, а наездник словно врос в него, только нагайка свистит в воздухе...

– Всеу свое время, – размышлял Батыр. – Время рождаться, время умирать, время любить и время ненавидеть...
Время миру и время войне...

– В пустом горшке цветок не вырастишь, – говорил Странник. – Не думаю, чтобы ты оказался прав, устроив свое и девушки благополучие на несчастье своего рода...

– Если человек теряет свое достоинство в поисках несуществующей истины – это проявление его трусости, – отвечал Батыр.

– Быть справедливым еще не значит стать трусом.

– Не ищи грани у яйца и поверь, Волшебник, что глупо искать правду у недруга, – усмехнулся Батыр.

– Ты ошибаешься, Батыр, так же, как и многие... Никакой я не Волшебник. Прав твой юродивый, только я не прохожимец, как он утверждает.

– Чем объяснить тогда, что повиновались тебе мои воины у реки и взгляд твой узлы развязывал? – взглянул на Странника Батыр.

– Человек, страстно желающий помочь людям, подобен волшебнику, – усмехнулся Странник. – Может, не все ему подвластно, но в силу своего желания он полон справедливого решения...

– Предлагая мир Джигиту, я тоже стремился к хорошему концу, но они не вняли мне и не старайся переубедить меня, Странник. Бьющего надо бить! Не ударишь, он добьет тебя!

– Если пренебречь, то унизишь его, – сказал Странник. – Нет ничего позорнее низости...

– Шакал всегда скулит, – перебил его Батыр. – Будь он сыт или голоден. Джигит, что шакал! Только напившись чужой крови, остепенится, передохнет и будет вновь искать жертву.

– И кто же жертва, ты? – спросил Странник.

– Пока нет, – ответил Батыр. – Но если девушку отдам, то я и ее погублю, и трусом окажусь, достоинство потерявшим... Лучше смерть в схватке найти, чем дольше малодушным прожить...

– Человек, обagrивший кровью землю, не стоит похвалы, – качал головой Странник. – Неужто и Джигит так думает, как ты?

– Птицы убивают друг друга, – просунул через полог лохматую голову юродивый. – Голодные вороны выклевают глаза зайцам... Деревья же тянутся к свету, чтобы его меньше досталось соседям. Будет ли так вечно?..

Батыр засмеялся словам юродивого. Смеялся заразительно и громко, смахивая рукавом выступившие на глазах слезы...

Сбросил Гнедой щербатого воина и, яростно прорвавшись сквозь плотное кольцо орущей толпы, умчался в степь.

– Это плохая примета, Джигит! – кричал в исступлении щербатый. – Откажись от войны! Меня еще не одна скотина никогда не сбрасывала!.. Откажись, Джигит, заклиную!.. Горбился в ярости Джигит, кусая губы, и потянулась рука его к сабле на боку. Вмиг замолкшая толпа ахнула, и покатилась отрубленная голова щербатого с остекленевшими глазами в пыль...

Снова мчался вперед Гнедой. Он был весь в мыле, тяжело дышал, рассекая могучей грудью раскаленный воздух...

Спешил мальчик. В кровь разбиты ноги и обвисла, истрепалась одежда от ветра и пыли, зноя и дождя. Торопился мальчик, чтобы как-то помочь Волшебнику...

Все шло к войне. Знали это и в стане Батыра.

– Не лезь в самую гущу схватки – затопчут... Растеряешься и времени не будет разобраться, где свои, а где чужие, - тихо наставлял старый воин старшего из сыновей, которому предстояло идти в свой первый бой. Мальчик, совсем еще молоденький, но по законам предков он был уже вполне достоин держать оружие.

– Возьмешь эту саблю. Она старой закалки и рукоять удобна для руки...

Ее мне еще твой дед выковал, большой мастер был. Держи, сынок. Она легка и послушна. Да, еще, - продолжал старый воин. – На саврасого сядешь. Сильное животное, если что, вынесет... Потуже подтяни подпругу, а узду отпусти в схватке. Конь опытный, во многих переделках бывал... Держись ближе к своим и не бойся, я буду рядом, - вздыхал старый, пробуя пальцем острие сабли. – Потом еще... Не наедайся на ночь, так лучше. Слышь! – прикрикнул он жене. – Не корми его слишком на ночь...

Женщина слегка кивнула, соглашаясь, поглаживая по головам двух других сыновей, что сидели, прижавшись к матери, и, не скрывая зависти, смотрели на старшего брата, который стоял посреди юрты, облаченный в тяжелую, не по размеру, кольчугу...

Пылал закат. Ярко освещенные последними лучами солнца, сверкали холмом вершины гор. Подул ветер, и тучи плотной завесой начали обкладывать небо.

– Ты – Человек. Твой добрый дух всегда с тобой... Ты – Человек, созданный Всевышним для свершения великих дел

людских, для людского благополучия. Не мути чистый родник, не мни цветы. Приемли доброе и возненавидь зло... Ты – Человек будущего и помни о нас, рабах божьих, преклонивших колени пред Ним! – шептала старуха-кормилица девушки. – Так всегда молился твой покойный отец, доченька. Он был мужественным воином и человеком добрым. Смилуйся, дочь моя! Сделай так, чтобы завтра солнце взошло как всегда и люди проснулись бы в радости, а не в тревоге за свои жизни... Покорись Батыру, пресеки кровопролитие! – просила старуха. Девушка молча надевала на себя мужскую одежду, крепила кинжал к широкому ремню. Она волновалась, словно решила на какой-то поступок, ведомый только ей одной.

– Я опозорена! – резко возразила она. – Если Батыр побойтся отвоевать меня у Джигита, значит, опозорена!.. Сейчас я поеду к Джигиту и дам свое согласие лучше ему, зато буду принадлежать достойному, чем жалкому трусу Батыру!

Она резко откинула полог юрты и замерла. Перед ней стоял юродивый.

– Не торопись, красавица, - осклабился он. – Достойней Батыра трудно отыскать...

Девушка грубо отшвырнула юродивого в сторону и снова остановилась. Ей заслонили выход двое дюжих воинов из племени Батыра. Засмеялся злорадно юродивый, а девушка в бессильной ярости забилась на груди кормилицы...

И жуткий крик прорезал ночь. Все же вырвал юноша, брат Батыра, язык у плененного посланника Джигита и, как подкошенный, сам полетел вниз с оврага от сильного удара Странника, который неожиданно появился рядом. Летел отмищенный юноша вниз по откосу, хрипя восторженно горлом...

- Поистине нет предела человеческой жестокости! – подсакал Странник к Батыру, который сидел задумчиво у костра.

– Твой брат послушался тебя и дара речи лишил несчастного!..

– Он просто отомстил за честь поруганную свою, - усмехнулся Батыр, глядя на полыхающие языки пламени. – Это только начало... Жестокость предстоит тебе еще увидеть.

– Как быстро ты меняешь ход своих сужний, - качал головой Странник и тяжело сошел с коня.

Сверкнула молния, исполосовав черный провал неба, и сильные раскаты грома заполнили все вокруг. Порывами налетел ветер, и дождь полил, как из ведра, – щедрый, стремительный...

Скачут среди камней всадники, табун гонят и пленных на привязи волокут. Всадники кричат, размахивают плетками, подгоняя табун и огревая ими пленных. Шум ветра и дикая брань похитителей, раскаты грома и стоны пленных бродят эхом в каменных изваяниях...

– Смотри, Батыр! О каком же достоинстве может идти речь, когда люди травят друг друга, унижают, не задумываясь о ближнем! Когда неисчислимы жертвы человеческого тщеславия и забыты законы мудрой справедливости, – возмущенный Странник показывает на несчастных пленных в дожде.

– Во всякой мудрости, много печали, – перебил его Батыр. – Побеждает сильный, а струсись... Смотри, Волшебник, что будет с тобой!.. Тебя так же привяжут и погонят за лошадьми, а вместе с тобой и меня, всех нас погонят! Если не они, так мы их погоним!.. Смотри и любуйся!..

Скакал в ночи Гнедой. Хлестал дождь и паром исходил от разгоряченного тела его...

Подгоняемый сильными порывами ветра, спешил мальчик. Скользил по мокрой глине...

Захлебывался жадно в дожде плененный воин Джигита. Стекали струи по окровавленным губам...

Молился юродивый, и юноша, брат Батыра, стоял рядом, словно ожидая своей участи. Смотрел в ночь большеглазо и клинок держал в руке, по которому алой струйкой кровь стекала...

Молчал Странник, молчал и Батыр. Исчезло видение, стоном угасающим ушло в пространство... Костер догорал и слабыми искрами потрескивал на холме, где они стояли. Далеко перекинулись воины, которым не спалось тоже в эту ночь перед боем. Вылавливали лошадей в табунах, позванивая доспехами...

– Люди приходят, люди уходят – только земля остается веками, – нарушил молчание Батыр. – И не к чему твои наставления, Волшебник.

– Если бы все так рассуждали, то не стоило бы рождаться на свет божий, – ответил Странник.

– Чего ты хочешь? – спросил Батыр.

– Что я хочу? – усмехнулся Странник. – Видеть силу человека в разуме его, когда содеянным он мог гордиться, а не умением лишь махать оружием и распинать святые чувства ближнего – значит, и свое осмысленное и сокровенное начало, ибо в порыве злобы и тщеславия преступает он границы справедливой мудрости!.. А в ненавистной прихоти

теряет и свое человеческое значение... Такой поступок я не расцениваю возвышением достоинства. Он подобен чванливому выкрику, который угасает при первом же порыве ветра... Странник замолчал и устало привалился к крупу своего коня. Ночь была тихая, только среди табуна изредка перекрикивались воины, и где-то среди юрт молодая мать тихой песней усыпляла ребенка...

– Ты слышишь песню? – обратился Батыр к Страннику.
– Вот так я в детстве вместе с колыбельной впитал чувство воинской отваги... Пойми, я – воин, но любовь моя к девушке до того сильна, что совесть меня сейчас нисколько не гложет в связи с предстоящей битвой с Джигитом.

– Нет прекрасней чувства любви, – заметил Странник. – Но и условий в ней не должно быть...

– Поступок твой достоин похвалы, Батыр, – говорила девушка из-за занавеси. – И смелостью большой ты наделен... Но знал ли ты, что с детства я сосватана была Джигитом?

– Да.

– И что обычай преступил?

– Да...

Что гнев Джигита ты навлек своим поступком?

– Я знаю, что Джигит – достойный воин и убежден, что с ним мы сговоримся...

– Любому разговору он саблю предпочтет и горе, если струсишь перед ним. Мое условие, Батыр: я буду принадлежать тому, кто победит в жестокой схватке. И если кто-нибудь проявит малодушие... Клянусь, мырза! При мне кинжал покойного отца... Уйду я в мир иной и честь девичью сохраню...

Батыр молчал, стоя на коленях перед ней. Сквозь занавесь прозрачную он видел девушку, и в жар бросало воина от красоты и близости ее. Весь облик девушки решимостью был полон, а тонкими пальцами она сжимала рукоять кинжала. Рядом находилась старая женщина – кормилица ее.

Все же отпустил Батыр гонца Джигита. В слезах тот приближался к стану своему, и, страшным криком нарушая ночной покой стойбища, упал в истерике гонец к ногам Джигита. Забился головой и скалил зубы, открывая рот, где вместо языка торчал кровавый обрубок. Вскричал Джигит и сгреб несчастного в охапку, и плакал вместе с ним. При ярком пламени костра он видел лица воинов своих. Они молили о мести, готовые кровью смыть позор...

– Она бежать пыталась, – сказал Батыр Страннику, не скрывая раздражения. – Хотела опозорить мое имя! Теперь подавно вызов я приму Джигита. Пусть кровью завоюю я ее признание, но буду отомщен вконец перед ее гордыней... Странник, молча выслушав его, направился к своему коню. Светлело небо на востоке, задымились очаги. Порывы ветра донесли тревожный гул и дробный топот лошадей.

– Джигит? – посмотрел Странник на Батыра.

– Да, – кивнул тот и мигом вскочил на коня. И тут же стали собираться на холме воины Батыра. Они появлялись со всех сторон и плотным кольцом становились вокруг него – крепкие, сильные и молчаливые, с бесстрастным выражением на лицах, словно предстоящая сеча для них ничего не значила. Словно они знали, что были рождены, чтобы принять смерть в очередной схватке... – Куда, Волшебник? – спросил Батыр у Странника, который тронул своего коня. – Тебе не хочется увидеть доблесть моих воинов?

– Я не хочу видеть их смерти, – горько усмехнулся Странник. – Поеду навстречу твоему врагу и попытаюсь убедить его. Возможно в нем сознанья больше, чем слепой отваги...

– Вчера ты гостем был моим, – остановил его Батыр. – Сегодня же пленником оставлю здесь, чтобы ты узрел, о чем мы спорили с тобой всю ночь... Прости, но спутать я велю сейчас, и на откос тебя поднимут, чтобы видел ты, как могут разрешать споры достойные. Дай слово только, что не будешь мешать волшебством своим, когда расправу будем мы чинить над ними.

– Мешать я никому не собирался, – грустно усмехнулся Странник. – А волшебство мое бессильно перед вами... Ты не послушался меня и помощи моей не захотел принять. Я способен помочь лишь тому, кто нуждается и хочет получить ее...

– На всякий случай все же тебя привяжут...

– Глаза ему Батыр! – вскричал юродивый. – Не завяжешь, околдует!

– Оставьте зрячим. Пусть видит, как могут умирать за честь свою мои джигиты, – махнул рукой Батыр и медленно тронул коня. Молчал Странник и не сопротивлялся, когда двое дюжих молодцов стали стягивать ему руки за спину. Только горькое сожаление отражалось в его больших глазах...

Клонилась седая женщина в черном к земле. Она истово шептала молитву и все немногочисленные обитатели пещерного аила молились, и ветер шальной гулял, вьюном кружил, обжигая лица горячим воздухом...

В неистовом крике схлестнулись два рода – Батыра и Джигита. Зазвенело железо. В безумном храпе захлебнулись кони, и первые всадники, пронзенные стрелами, тяжело падали, свисая и путаясь в сбруе и стремянах...

Все это видел Странник с откоса, куда он был доставлен. Рядом егзил юродивый, не сводя взгляда со своего покровителя.

Крики воинов, звон сабель, топот копыт – слилось воедино, смешалось в клубах пыли. Дерутся отчаянно, жестоко. Рубят с плеча, сопровождая каждое движение, взмах душераздирающими воплями. Мечется в густой пыли старый воин, отбивается за двоих, за себя и за сына, который испуганно жмется к нему... Упала под всадником лошадь, но он отчаянно отбивается пешим, ловко играя саблей от напиравших на него противников. Бьются два племени. Заржала лошадь и стремительно помчалась в степь, волоча за собой уже бездыханное тело хозяина. Рвутся навстречу друг к другу в дикой ярости Батыр и Джигит...

Все это видел Странник. Рядом же, в каком-то припадочном волнении юродивый трясся...

Прижав истекающего кровью сына к груди, старый воин отчаянно стал пробиваться вперед, прокладывая дорогу саблей. Но вырвавшись из общей свалки, рухнул на землю со стрелой в спине. И громко вскричали сражающиеся. Прорвались, наконец, друг к другу Батыр и Джигит. Зазвенели их сабли, дыбились кони. Глядя на них, еще с большей яростью бросались воины друг на друга. Падали раненые и мертвые, метались испуганные кони, путаясь и поднимая пыль... Отбиваясь тяжелыми щитами, напирали друг на друга Батыр и Джигит. Вдруг резко метнул саблю Батыр, и она застыла в груди Джигита, и тут же сам же, смертельно раненый, стал медленно сползать с коня. Кто-то истошно закричал, кто-то пытался его поддержать, но он уже мутнеющими глазами видел, как на откосе юродивый просил о чем-то Странника.

– Помогите, Волшебник! – забился в истерике юродивый. – Выручи Батыра!..

Молчал Странник, и сквозь прищур больших глаз видел, как один из воинов, подняв на руки уже мертвое тело Батыра, что-то кричал, как лошадь понесла безжизненного Джигита и как разлетались по долине уже отчаявшиеся воины...

Молчал Странник, уронив голову на грудь с зажмуренными до боли глазами. Плакал надрывно юродивый и стихло все сразу, только ветер носил пыль по мертвой долине. Плакал

юродивый, а Странник мотал головой, словно сожалея о чем-то невозвратимом...

Предчувствуя что-то недоброе, спешила девушка на взмыленном коне. Платок сбит, волосы рассыпаны. Показалась впереди лошадь без хозяина, заметила скачущую девушку и умчала обратно. Она выскочила на пригорок и резко остановила коня... Перед ней была мертвая долина – бездыханные тела и туча ворон. Девушка медленно стала спускаться вниз... Крепко сжал в руках саблю молодой воин, словно боясь расстаться с ней. В груди стрела в запекшейся крови, рот широко раскрыт, видно так и умер с проклятьем на устах. Молча ехала девушка по долине. Обожженная юрта. Здесь же, молодуха в разорванном платье. Видно крепко над ней глумились – порезана вся, кровью истекла. И снова воин, пригвожденный пикой к земле, и вокруг мертвые, замолкшие навсегда – порезанные и перестрелянные. Низко над землей вороны кружили. Остановилась девушка. В глазах изумление, растерянность. Понуро опустил голову конь...

– Проклятая! – раздался истошный крик. Девушка испуганно обернулась, встрепенулся конь.

– Пусть покарает тебя бог! – влачилась в ее сторону старуха – кормилица ее, – За твою гордыню, проклятая! Старуха приблизилась, упала на колени и разрывая платье на груди, забилась в истерике: – За сотни невинных жертв, умри в мученьях! Чтобы твои глаза не видели радости и душа твоя сгорела в огне!...

– Замолчи, старая карга! – взвилась девушка.

– Никогда! Никогда не замолчу! – еще пуще зашлась старая и стала волосы рвать на себе.

– Замолчи, иначе я убью тебя! – выхватила саблю в слезах девушка.

– Убей!.. Только это заставит меня замолчать... Убей, как убили их! Смотри и любуйся! – показала старуха на мертвые тела. – Вот что случилось с живыми! Зачем мне старой жить, ради чего?.. Заруби меня!..

Ударила саблей коня девушка и умчалась в слезах к горам, а старуха еще долго кричала, катаясь по земле среди мертвых и ветер носил ее стон по долине...

Далекий, призывный крик, вывел из оцепененья молчащего Странника, который тяжело подняв голову увидел мальчика бредущего в их сторону. Обмякший юродивый тоже привстал с места.

– Волшебник! – кричал мальчик. – Я за тобой пришел!..

Оставшиеся в живых и раненые поднимали головы и изумленно смотрели на мальчика, который звонким голосом оглушал гнетущую тишину, нависшей над долиной.

– Он здесь, мальчик! – вскричал юродивый.

И мальчик увидел Странника привязанного на откосе и рядом лохматого юродивого, который пытался кричать, размахивая руками. Остановился мальчик и пристально взглянул на плененного Странника и на глазах у изумленного юродивого сползли послушно, словно ожившие, волосяные веревки к ногам Странника, который благодарно взглянул на мальчика и вмиг исчез, словно его не было в помине, лишь веревка осталась в пыли...

– Волшебник! – не своим голосом вскричал юродивый, бросился на колени перед мальчиком. – Спаситель наш!..

И потянулись со всех сторон к мальчику люди – старики и женщины, воины и дети. Их было много, они падали ниц перед Мальчиком, просили помощи, оглушая долину громкими криками...

...И подскакал к откосу Гнедой и видел он, как внизу по долине длинной вереницей шел народ за Мальчиком. И еще слышался голос юродивого, он ковылял рядом с Мальчиком и о чем-то пел...

Артем ХЕГАЙ

ШКАТУЛКА С ЗЕРКАЛАМИ

Рассказ

«Дерево держится корнями, а человек семьей». Чинара убедилась – эта любимая мамина поговорка правдива. За что еще человеку держаться? Не за что. А без семьи и незачем. В свое время мама только об этом и твердила. Помнится, она даже принесла как-то из парка зеленовато-коричневые шарики, покрытые пушком – орешки. Сказала: «Знаешь, откуда имя твое взялось? У нас в Кыргызстане так зовется восточный платан. А это, вот, семена его. Видишь? Будем их дома держать – может и у тебя семена появятся. Мы с отцом ждем, так ждем! Ведь ты старшая. Пора уже».

Орешки платана в родительском доме сначала пылились на подоконнике. Затем перекечевали в мутную вазу на комод – долго лежали среди карандашей, сломанных точилок, полупустых блистеров с просроченными таблетками. А следом и вовсе куда-то закатились. Пропали.

К тридцати восьми годам Чинара – незамужняя, бездетная – все-таки держалась. Сначала ударилась в науку, даже стала завкафедрой в родном университете. А потом у младших братьев появились дети: стала с ними возиться – отлегло.

В какой-то момент Чинара убедила себя, что и в родительской семье можно найти утешение. Как вдруг, три дня назад, грянула дурная весть: у мамы при обследовании обнаружили плохую болезнь. Совсем плохую.

Нынешним вечером Чинаре предстоял визит к одному из самых квалифицированных врачей столицы: следовало пока-

зять ему все мамины анализы. Разумеется, с пустыми руками такие визиты – срочные, вне очереди – нигде не приветствовались. Надо было подготовиться.

- Чинара Сапарбековна!

Вздвогнув, женщина подняла взгляд от книги. Несколько десятков глаз удивленно следили за ней. Кто-то из студентов тихонько зевнул.

- Да-да. Продолжаем. Вот вам такая история: на базаре торгуют два продавца. Оба честны. Но между ними все-таки есть разница. Первый честен, потому что понимает: обманывать – невыгодно. Иначе лишишься доверия, покупатели перестанут подходить, выручки не будет; потом еще товар залежится и пропадет. Итого окажешься в накладе дважды. А второй торговец честен, просто потому что считает это своим долгом. Его так родители воспитали. Видите разницу? Так вот, по Канту, во втором случае действует категорический императив. И только такие поступки мы можем считать по-настоящему нравственными.

Пока студенты прилежно записывали, Чинара обвела взглядом аудиторию. Чуть слышно цокали лампы дневного света под потолком. Скрипели ручки, было душно. Весеннее глубинно-синее небо заглядывало в окна.

- Ребята, мне выйти надо. Кыдралиев, садись на мое место. Бери книгу и читай вот отсюда, где я отметила. А вы конспектируйте. Я завтра проверю.

Закрывая за собой дверь, Чинара понимала, что на этом лекция по этике однозначно завершилась. Студенты переписут от силы страницы две, а потом все забросят и примутся болтать. Однако мысли о маме не отпускали – вести пару и дальше в таком состоянии она просто не могла.

Проходя фойе, Чинара задержалась у старенького трюмо, которое с незапамятных времен ютилось возле будки охраны. Оглядела себя, хмыкнула: знакомые часто приписывали ей интеллигентный, но очень строгий вид. Женщина поправила дульку из смоляно-черных волос. Тонкие бледные губы немного обветрились. Она порылась в карманах, разыскивая помаду. И только теперь вдруг заметила возле трюмо непрозрачную пластиковую урну с прорезью на крышке. Рядом висело объявление

ние. «Коррупции пик ведет страну в тупик!» – гласил заголовок.

Чинара стала подкрашивать губы, а сама между делом почитывала объявление. Суть его сводилась к тому, что теперь студенты могут анонимно пожаловаться на преподавателей, если те начнут вымогать взятку. Вот только в объявлении не было указано, куда отправятся анонимки, кто именно их прочтет. В напряжении Чинара убрала помаду.

Учебная часть – заставленная столами, офисными стульями, заваленная бумагами и папками – казалась сосредоточением всех насущных дел в университете. Из-за напускной важности, солидной медлительности работы здесь на первый план всегда выступали личные отношения. Словно под айсбергами из бумажных кип текут невидимые, но могущественные потоки. Чинара верила, что уже давно научилась мастерски управлять такими подводными течениями, а потому любила заглядывать сюда.

Сейчас тут были только две молоденькие лаборантки – Алтынай и Бермет. Обе сидели за компьютерами и бойко стучали по клавишам. Скорее всего, общались с подружками в социальных сетях. Бермет оторвалась от экрана:

– Здравствуйте, эже.

– Здравствуйте, Чинара Сапарбековна! – Алтынай, улыбаясь, поднялась из-за стола. – Как поживаете? Ой, у вас прическа новая? Вам идет!

– Здравсте, девочки. Да, Алтыша, спасибо. – Женщина легонько потрясла ворот серого платья, чтоб остудиться. – У вас здесь так душно.

– Я окно открою! – Алтынай тотчас потянулась к заедающей ручке пластиковой рамы; потом вдруг сделалась испуганной: подошла, заговорила тише. – Чинара Сапарбековна, тут новая преподаватель заходила – Гульзат.

– Да, утром ее видела. Так. И?

– Ну, она ругалась. У одного студента пропусков много, а в зачетке... по ее предмету подпись стоит. Вот она и пошла к нам в учебную часть – разбираться, кто поставил. Доказывала, что вообще ничего не берет ни с кого. И не будет брать никогда. Кричала. Айка уже все утро в туалете сидит – плачет. Боится, что ее теперь уволят или там вообще...

Чинара с утомленным вздохом опустилась в одно из кресел:

– Ай, никто ее не уволит. Лучше скажи, ты про Гульзат что-нибудь знаешь? У нее здесь какие-то знакомые есть?

Алтынай растерянно оглянулась, потом развела руками:

– Эже, я только слышала, что у нее муж есть и ребенок маленький. А про знакомых я ничего такого не слышала. Чинара Сапарбековна, я не знаю.

– Ладно. Позови эту Гульзатку сюда. Сама с ней поговорю.

– Мм... Прямо сейчас позвать?

– Ну да, сейчас. Ничего страшного – отвлечется немного от своих дел! Или мы настолько важные, что уже к завкафедрой и на минуту нельзя подойти?

Виновницей беспокойства оказалась совсем хрупкая девушка в очках. Трудно было даже представить, как она ругается. Чинара ей улыбнулась:

– Гульзат, мне сказали, сегодня здесь небольшой конфликт произошел?

– Да, эже, как раз хотелось...

– А вы не беспокойтесь. Это дело теперь будет под моим личным контролем, – перебила женщина. – И я вас позвала не за этим. Вот что: наша уважаемая Бахтыгуль Алымовна в декрет вышла. Поэтому теперь вместо нее будете преподавать логику вы. Учебный план, пожалуйста, разработайте поскорей. Это надо срочно сделать. – Видя, что собеседница хочет что-то сказать, Чинара жестом остановила ее. – Сейчас-сейчас, я еще не договорила. Четвертый курс... не помню... кажется, вы у них куратор?

– Да. Эже, я только...

– Вот спасибо, что напомнили. У них ведь практика! Обзвоните, пожалуйста, всех. Списки составьте подробно: кто, куда идет. И так далее. Гульзат, с этим тоже затягивать не надо. Вы же знаете, как с нас требуют?

Молодая преподаватель, так и не сумев вставить ни слова, вскоре вышла. Под взглядами лаборанток Чинара проплыла к дальнему столу, принялась с невозмутимым видом копаться в офисном органайзере в поисках ручки, которая на самом деле была ей сейчас совершенно не нужна. От удовольствия

на щеках проступил легкий румянец – он очень шел Чинаре, разбавляя строгость лица, придавал насыщенности, жизни.

Она снова прокрутила в памяти весь разговор с Гульзат, припомнила ее внешность. «Молодая совсем. На вид – не больше тридцати! Недавно устроилась, а уже ругаться ходит, правила свои хочет устанавливать. Не берет она... Принципиальная... Ну, посмотрим. Сейчас если не поймет, надо будет еще прижать ее немного. Придавить».

– Девочки, я в фойе урну заметила. Не знаете, кто поставил?

– Не-е-ет, Чинара Сапарбековна. Не зна-а-ем.

Прихватив свои вещи, женщина направилась к выходу, но напоследок остановилась возле стола Алтынай. Сделала сухое лицо:

– Все, Алтыша. Видишь? Разобрались. Скажи Айке, чтоб не плакала.

По дороге в бухгалтерию Чинара невольно думала о лаборантках, ставших свидетельницами ее маленького триумфа. Ей особенно нравилась Алтынай. «Хорошая девочка. Уменьшечка». Даже этим ласковым прозвищем «Алтыша» она неизменно подчеркивала свое особое расположение. Зато молчаливая, замкнутая Бермет ей совсем не нравилась, о чем можно было время от времени той напоминать. Причина этой нелюбви крылась в давнем случае: Чинара однажды зашла в учебную часть в тот момент, когда девушки обсуждали моду. Бермет как раз признавалась, что очень любит берёзовый цвет. «Господи! Берёзовый... Не бирюзовый, а именно берёзовый! Она даже разницы между этими словами не видит».

В бухгалтерии Чинара расписалась за получение зарплаты. Пересчитала: шесть тысяч двести сомов. Расстегнув сумочку, достала деревянную шкатулку с причудливой резьбой на крышке. Эта была ее самая любимая вещица – подарок отца: много лет назад он привез ее с зарубежных соревнований. Особенность шкатулки состояла в том, что ее дно, все четыре стенки с внутренней стороны и даже крышка были зеркальными. По замыслу в ней следовало хранить деньги – для преумножения.

Вот и теперь всю зарплату женщина положила внутрь. Да только лежать ей там было недолго: Чинара уже решила, что

сегодня же передаст все деньги через братишку родителям. «В этом месяце у отца с мамой за одно только отопление счет аж на две тысячи вышел! На что жить им? На пенсию что ли?.. Все правильно – человек держится семьей».

За дверью бухгалтерии Чинару подкараулили студенты. Едва она вышла, как со всех сторон вдруг надвинулись, гомоня, возбужденные лица:

– Чинара Сапарбековна! Мы хотели сдать сегодня! Можно?

– У меня все конспекты есть, я переписал! Посмотрите, вот!

Столпившимся студентам Чинара сначала сделала «страшные» глаза, потом картинно оглянулась на оживленный коридор, цыкнула:

– Ребята, вы что, раньше зачеты никогда не сдавали? Это так не делается. Не посреди коридора же! – Она мельком заметила, как из красной зачетной книжки в чьих-то руках выглядывает уголок купюры. – Так. Слушайте. Вы этот зачет мне должны были еще на прошлой неделе сдать. Все ясно? Теперь я буду разговаривать только с вашим старостой. – Женщина посмотрела поверх голов, примерно оценивая, сколько здесь человек; смягчила голос. – Зачетки ему сдайте, все сдайте. И после обеда пусть ко мне зайдет. А сейчас, пожалуйста, пропустите, я спешу очень.

Толпа студентов поутихла, по-особому подобралась, на разгоряченных лицах зажглись понимающие улыбки. Человеческий вал отхлынул – Чинара с высоко поднятой головой двинулась по коридору.

Во время обеда она спустилась в столовую, взяла тарелку борща и несколько тощих пирожков с компотом. Устроившись в уголке, жевала, поглядывая на других преподавателей и галдящих студентов за столиками.

Когда остался только компот, позвонила подруге – заведующей кафедрой лингвистики. Поболтали. Та привычно жаловалась на крошечную зарплату, а Чинара в который раз доброжелательно намекнула: «Смелее надо быть, смелее». На самом деле она переживала не только за благосостояние подруги, но и за свое. Ведь, не будь завкафедрой лингвистики такой трусихой, как удобно было бы проставлять оценки студентам друг друга!

Мелкими глоточками допивая компот, Чинара опять мы-

сленно вернулась к маминой болезни. Сомневаться не приходилось: какое бы лечение ей ни назначили, дешевым оно не будет. Значит, следовало приложить все усилия к тому, чтобы попасть в приемную комиссию по заочникам. Поток студентов должен идти через Чинару, а не мимо.

После обеденного перерыва Чинара занялась главным: в папку с планом работы вложила заранее приготовленный сливочно-белый конверт и отправилась к декану. По дороге на второй этаж женщина задумчиво покусывала тонкие губы, с сомнением поглядывая на свою ношу.

Правильно рассчитать – в зависимости от ситуации – толщину такого конверта было целым искусством. Оскорбительно тонкий – не возьмут. Подозрительно толстый – вызовет вопросы. И всякий раз приходится опираться лишь на интуицию, ведь никто этому искусству не научит.

В приемной деканата Чинара перекинулась парой слов со знакомой методисткой. Чуть замешкалась перед темной дверью с табличкой «Декан Осмонова Роза Женишбаевна» – еще раз убедилась, что конверт лежит в папке и только после этого постучалась.

В кабинете стояла давящая тишина. От уличного шума это место ограждали двойные пластиковые рамы, звук шагов поглощал толстый ковер. Даже сам воздух, точно боясь потревожить здешний покой, стоял душной заводью.

– Проходи, Чинара. Присаживайся, пожалуйста.

– Роза Женишбаевна, здравствуйте! Как вы поживаете? Как внучата?

Декан, сидевшая за огромным столом, вместо ответа лишь покивала с довольством. Малоподвижная, грузная, с пышно взбитым седым каре она казалась еще полнее и старше, чем была на самом деле. На смуглой коже промеж ее густых бровей чернела крупная бородавка – из-за этой бородавки она напоминала неведомое индийское божество.

– Погоди. Мне тут надо закончить.

Пожилая декан вдумчиво читала какой-то документ. Вот она поставила размашистую подпись и, наконец, взглянула на подчиненную поверх тоненькой золотой оправы очков. Чинара оживилась:

– Извините, что беспокою, но к нам скоро заочники посту-

пать будут. Мне, вот, хотелось бы в приемную комиссию попасть. И я вам учебный план заодно принесла на утверждение. Вы, пожалуйста, взгляните, Роза эже.

Папка легла в морщинистые руки, унизанные массивными золотыми перстнями. Еще несколько минут божество просматривало учебный план.

– Роза Женишбаевна, там внизу – в фойе – урна стоит. Я только сегодня утром заметила. Вы случайно не знаете, откуда она взялась?

– Из главного корпуса. Я так думаю.

По тому, как брови сдвинулись к бородавке, Чинара уяснила: декан ничего не знает, и раздосадована появлением урны наравне с остальными.

Вот начальница вернула папку, поправила на груди золотой кулон.

– Чинара, к нам проверка идет из министерства образования. Ко вторнику им стол накрыть надо. С коллектива деньги на это собери – сомов по двести. Учебные планы, отчеты, журналы, – в такт каждому слову декан легонько стучала ногтем по столу, – все проверь еще раз. Особенно ведомости. Там кое-где надо оценки подправить.

– Конечно, Роза эже. Обязательно проверю.

– Ну, все, ступай. Делай свои дела, Чике. – Начальница улыбнулась. – А то в приемной комиссии времени-то свободного у тебя уже не будет.

Из деканата обрадованная Чинара направилась в аудиторию, где ей сегодня предстояло провести еще одну пару. На ходу заглянула в папку с учебным планом – конверта внутри не было. Да, многие дела можно было устроить вот такими конвертами. Но также ценилось и доброе отношение. А потому умилительное «Чике» из уст декана – это дорогого стоило!

Чинара достала сотовый телефон и набрала номер.

– Да, Алтыша, это я. Пожалуйста, всем преподавателям передай: к нам комиссия едет. Надо стол накрыть, поэтому деньги сдаем. По сколько? – Ей вдруг припомнилась Гульзат. – По триста сомов. Роза эже так сказала. Пока.

Чинара мелко покивала: «Вот и посмотрим, как долго Гульзатка – с ее-то зарплатой – продержится». С этими мыслями

она вошла в шумную аудиторию. Поздоровалась со студентами и сделала вид, будто начинает готовиться к лекции:

– Шестая пара у вас, значит?.. Ну что, ребята, устали?

– Ой, да, Чинара Сапарбековна! Очень устали! – с восторгом загалдели студенты наперебой – они прекрасно знали, что означает подобный вопрос.

– Но ведь скоро экзамены. Какой-то материал вам все-таки дать надо, – будто бы засомневалась женщина. – Ладно. Сделайте ксерокс вот этой книги с сорок шестой по пятьдесят третью страницу. Минут пятнадцать посидите еще, а потом можете идти. Только по одному, не всей толпой. И тихонько.

– Спасибо, Чинара Сапарбековна! Конечно! Мы вообще тихо-тихо будем!!!

Зайдя на кафедру за вещами, Чинара вспомнила поговорку: «Говори там, где слушают, воду лей туда, где впитывается». Если уж сами студенты не хотят учиться, то кто она такая, чтобы их заставлять?

Вечером Чинара переступила порог медицинского учреждения. За небольшую мзду одна из медсестер согласилась помочь:

– Накиньте этот халат. Я вас проведу как сотрудницу. Только сразу предупреждаю: если врач не захочет принимать, тут уж извиняйте.

У кабинета дожидались своей очереди шестеро человек. Медсестра внимательно оглядела их, потом сверилась со списком:

– Кто следующий сейчас?

– Я. Жумагулов. По записи.

– Перед вами вот эта женщина зайдет.

Люди на скамьях недовольно загудели:

– Все же по записи. Куда еще лезут?

– Своих вперед проводите, да?

Чинара поправила халат на плечах и холодно бросила:

– Каких еще своих? Я сюда работать устраиваюсь.

Пациенты сразу угомонились, заиндевав от ее тона.

Видя, что дело улажено, медсестра ушла. С Чинарой осталась только враждебная подозрительность окружающих.

Опыт подсказывал: именно теперь нельзя показать слабость. Потому она стала в упор изучать людей.

Мужчина, три старухи, тощая девица с айфоном и старик. Примерещилось: в их манере держаться, в выражениях лиц – на всем лежит гнетущая печать болезни. Тусклость. Надломленность. Чинаре даже в мыслях невыносимо было ставить маму в один ряд с ними, представлять ее сидящей на одной из здешних скамей. «Нет, мама у меня совершенно другая – она живая, яркая! У нее все будет по-другому! Не так как у этих!».

Чинара почувствовала, что сейчас заплачет – прямо посреди коридора, на виду у пациентов. Тогда станет ясно: ни на какую работу она сюда не устраивается. А следом у нее отнимут место в очереди – такие удавятся, но отнимут.

Чтобы не дать врагам этого шанса, Чинара отвернулась к стене, где висел красочный плакат на тему ВИЧ-инфекции. Строчки прыгали перед глазами, смысл прочитанного терялся. Женщина уяснила только одно: заболевшему человеку ВИЧ постепенно отключает иммунитет.

Как вдруг на пороге показался пациент. Чинара оттеснила его плечом, так не терпелось ей оказаться внутри! Только закрыв за собою дверь, она поняла, что из-за волнения запомнила имя и отчество врача.

Тот сидел за столом, что-то писал. Усы и ежик волос его уже наполовину были седыми. Он поднял вопросительный взгляд на Чинару:

– Сейчас на очереди должен быть Жумагулов. Он не пришел?

– Нет, пришел. Просто я проконсультироваться хочу. У меня срочно.

– А вы думаете, у людей за дверью – у них не срочно?

Вместо ответа Чинара передвинула на середину стола заранее приготовленные деньги и прозрачную папку с маминими анализами.

– У нас только по записи. – Врач посуровел. – Выйдете.

– Нет, подождите. Если этого мало...

Она достала шкатулку с зеркалами и отдала всю зарплату. Собеседник по-прежнему хмурился. Что ей оставалось? На дне узенькой сумочки плотно-плотно лежали собранные сегодня зачетные книжки. Но вынуть деньги из них украдкой было не-

возможно. Женщина все-таки заплакала. Беззвучно – просто слезы зашевелили лицо. Пришлось вытащить всю стопку ярко-красных книжечек на свет. Из каждой Чинара принялась доставать купюры – одну за другой:

– Пожалуйста, посмотрите анализы. Это моей мамы. Я доплачу. Я еще доплачу. Только посмотрите. Байке. Пожалуйста.

Она говорила это и не смела поднять глаз от стола.

– Эже. Сейчас же все это уберите. – Но, видя, как дрожат ее пальцы, мужчина смягчился. – Уберите, иначе я ничего смотреть не буду.

После короткой заминки Чинара неловко сгребла деньги и зачетные книжки обратно в сумочку. Обессиленная и притихшая села в кресло напротив.

Пока она вытирала лицо, врач занялся содержимым прозрачной папки.

– Плакать не надо. Болезнь вашей мамы – это не приговор еще. Главное: успеть вовремя обратиться. А так многое лечится сейчас. Лучевая терапия есть, химиотерапия. Новые таргетные препараты появляются, – он замолчал, продолжая внимательно изучать содержимое папки.

– У нас в роду все здоровые были всегда. Никто не болел. Мы про эту болезнь даже не знаем ничего. – Чинара спрятала в руках платок. – Откуда вообще в мире такой пик ее взялся? Почему теперь все болеют?

Врач, продолжая перебирать справки, рассеянно покивал:

– Ну, я вам сейчас могу только общие вещи рассказать о раке.

Чинара дрогнула – ей не хотелось ни слышать, ни произносить это слово.

– Обычно опухоль выращивает внутри самой себя обширную кровеносную систему, чтобы получать как можно больше питательных веществ для роста. И чем больше она становится, тем сильнее влияет на близлежащие здоровые ткани – повреждает их и сдавливает. – Мужчина отложил часть справок в сторону. – В эти же ткани она старается и проникнуть, а, кроме того, метастазирует даже в самые удаленные части организма. Ну и, конечно же, рак учится обманывать иммунитет, учится ускользать от его внимания.

Врач сложил все обратно в папку и пододвинул к Чинаре:
– Знаете, заболевание вашей мамы обнаружилось на самой ранней стадии. Это дает возможность сделать хороший прогноз! Но затягивать в любом случае не стоит, поэтому на следующей неделе, пожалуйста, приводите маму сюда – сделаем еще пару анализов. И будьте так добры, эже, не надо здесь деньги предлагать! Как положено, вставайте в очередь, договорились?

Вскоре Чинара вышла из кабинета. По ее заплаканному виду пациенты обо всем догадались – в спину тотчас полетели упреки. Но это было неважно.

Теперь, когда появился план, на душе сразу же стало легче. Чинара даже приободрилась: «Вот и славно, что врач денег не взял – больше на мамино лечение останется. И время сейчас не для слез, а для действий!».

Она вернула халат медсестре и с облечением выбралась на улицу.

Сидя в золотистом свете кафе на уютном диванчике, Чинара дожидалась братишку Сейтека. Он – как и положено самому младшему сыну в семье – жил с отцом и мамой. Встречу в этом кафе Чинара назначила, чтобы передать деньги родителям. Только вот Сейтек запаздывал.

Наконец, он подошел. Целуя Чинару в щеку, сказал:

– Простите, эже. Там на Советской такая пробка! Все маршрутки стояли.

– Ничего-ничего, Сейтек! Присаживайся! Ай, так рада тебя видеть!

– Эже, как у вас дела? Как работа идет? Все нормально?

– Да что я; ты лучше про маму расскажи – как она там? Как отец? Переживаю за них постоянно! Об одном только и думаю.

– Все в порядке, эже. Они держатся. Мне кажется, атаке даже больше, чем мама расстроился. Ну, когда результаты обследования узнал. А она сама хорошо себя чувствует. Сегодня стирку устроила, потом боорсоки жарила.

– Боорсоки? – Тугой ком вдруг вырос у Чинары в горле, однако она не подала виду – широко улыбнулась братишке. – Ай, как же я хочу ее боорсоков поесть! Зайду к вам на выходных обязательно.

Сделав заказ, Чинара снова обратилась к Сейтеку:

– Но ты про себя-то ничего и не рассказал! Как у тебя учеба?

– Вот, недавно психология началась. Преподаватель так рассказывает интересно! Знаете, эже, говорят, сейчас «мозги промывают» всем. Оказывается, правда. Самое главное – людям критическое мышление отключают. Этим в политике, в рекламе и в СМИ занимаются в основном.

Чинара вскоре перестала вникать в суть рассказа, но по-прежнему с удовольствием слушала братишку. Глядела на него. Статью Сейтек был весь в отца-спортсмена, зато лицом больше пошел в маму – это сочетание мужественности и мягкости всегда будило в Чинаре желание обнять братишку, крепко прижать к себе и расцеловать в обе щеки. Но уже нельзя было слишком баловать его или сюсюкать – это ведь рос мужчина.

Когда ужин закончился, Сейтек ненадолго отлучился в уборную. Чинара – успокоенная разговором, благодущная в сытости – откинулась на спинку диванчика и улыбнулась в пространство кафе. Ей хотелось помечтать: о том, как мама выздоровеет; о счастливом будущем Сейтека. Но что-то незойливо мешало, точно ей теребили сам разум.

Оказалось, от приятных мыслей отвлекает шум телевизора. Высоко на стене – чтобы посетителям было видно – мерцал всеми красками широкий плазменный экран. Сейчас показывали ток-шоу: в блистательной студии, перекрикивая друг друга, горячо спорили женщины.

– Да что же за бесстыдство такое? Позор!

– Все говорят: за грехи отцов расплачиваются дети. Не только! Родители тоже расплачиваются за проступки детей! Молодая ошиблась – покачала головой и дальше пошла. А мать из-за этого годами терзаться будет!

– И как только совести еще хватает людям в глаза смотреть?!

Чинара утомленно поморщилась: кому интересно, кто да в чем виноват? Значение имеют только последствия, с которыми приходится иметь дело.

Помахав рукой, она подозвала официантку:

– Вы не могли бы звук у телевизора сделать немного по-

тише? И счет, пожалуйста, принесите. Мы только чай допьем. Заказывать уже не будем.

Звук вскоре убавили, к тому же переключили канал. Теперь на экране виднелся старенький профессор. Этот благообразный старичок в дорогом темно-синем костюме рассказывал, приветливо глядя в камеру:

– Именно тогда впервые и было замечено, что состояние души непосредственно влияет на состояние тела. Например, кто у нас обычно страдает близорукостью – не видит вдаль? Те, кого тревожит будущее. Вот это как раз и называют психосоматикой. Но! – Профессор с большим значением поднял палец над головой и застыл так; затем рассеянно почесал висок. – В наш просвещенный век мы столкнулись с принципиально новым явлением. Это социосоматика. Иными словами, существует тесная взаимосвязь между нынешними проблемами в обществе и тем, чем именно болеет современный человек. Вы, например, никогда не задумывались, почему в наши дни, учитывая масштабы коррупции, наблюдается такой пик...

Чинара не стала дальше слушать, потому что подошел Сейтек. Когда он устроился на диванчике напротив, она достала свою зарплату, сверх того добавила из шкатулки с зеркалами. Часть отложила в счет ужина, а остальное протянула братишке – когда деньги оказались в его руке, она мягко придержала ее: накрыла обеими ладонями, будто согревая от холода.

– Отцу с мамой передай. Скажи, что я очень люблю их. И знаешь, отсюда себе пятьсот сомов тоже возьми, Сейтек, хорошо? Ты же у нас эрке!

– Эже, спасибо вам большое! Конечно, я передам.

Отпустив руку братишки, Чинара, улыбаясь сквозь слезы, принялась наливать ему душистый зеленый чай в пиалу.

Чинара отказалась от предложения Сейтека проводить ее до дома. Очень уж захотелось пройтись, побыть наедине с собой и своими мыслями.

Над Бишкеком синел весенний вечер – с первыми звездами, с колыханием голых ветвей под еле теплым ветром. Женщина неторопливо шла в сиянии фонарей бульвара Дзержинского. Как всегда бывает ранней весной, ветер по-особому

приятно оведал лицо, веял живой талой водой, робкой свежестью. Чинара дышала всей грудью.

Впереди показалась пара с ребенком. Малыш в пухлой синей куртке сидел на корточках посреди газона – высматривал что-то среди островков прошлогодней травы. Тем временем, пара беседовала, устроившись на скамье неподалеку. Чинара пока не слышала их разговора, только наблюдала.

Вот девушка протирает стекла очков, потом долго комкает в руках белый платок. Говорит прерывисто, плечи ее вздрагивают. Мужчина, приобняв свою спутницу, легонько поглаживает ее по запястью одним только большим пальцем. Успокаивает. И вот она унимается. Склонив голову, смотрит, как малыш раскапывает темную землю палочкой.

Не дойдя до пары, Чинара остановилась. Под светом фонаря она распознала Гульзат. Должно быть, рядом сейчас – ее муж. А на газоне играет сын – мальчик лет шести-семи на вид.

Чинаре стало неловко. Будто заглянула к семье через замочную скважину. А может, плакала Гульзат как раз из-за сегодняшних неприятностей на работе? Окончательно смутившись, Чинара спешно свернула на соседнюю аллею.

Когда Гульзат с мужем и ребенком остались далеко позади, Чинара сбавила шаг. С щемящей тоской поглядела на сырую брусчатку, плывущую под ногами.

Ей не нужен был ни этот мужчина, ни этот чужой ребенок. Но было нужно, чтобы кто-то так же гладил ее по запястью в парке. Чтобы самой так же всматриваться взглядом-оберегом в маленькую фигурку посреди газона. Ничем, ничем этого нельзя было заменить. Не утолить ничем другим.

Как вдруг Чинаре под ноги упало что-то маленькое, темное – подскочило на брусчатке и бросилось прямо на подол серого платья. Женщина испуганно остановилась. Однако существо тотчас скользнуло вниз и осталось лежать у самых носков ее туфель в неподвижности.

С опаской она пригляделась в свете ближайшего фонаря: это оказались прошлогодние орешки платана – сразу два на коричневом черенке. Должно быть, ветер сбросил их.

Чинара достала из сумочки пустую шкатулку с зеркалами. Хмыкнула: что ни положи внутрь, там ведь все отражается

во всем. И впервые на дно шкатулки вместо денег легли орешки платана. Чинара захлопнула со стуком крышку – над столицей прокатился первый весенний гром.

Юлия КУЛЕШОВА

РАССКАЗЫ

Город для сталкера

Любые совпадения – всего лишь совпадения

– Вот список городов-призраков бывшего Союза. Куда отправимся? – Леонид вопросительно посмотрел на собравшихся товарищей. Кто-то лениво потягивал пиво, кто откровенно зевал, пристроившись на плече Лысой Эн, единственной девушки в их компании.

– Ну, парни, решайте. Вот, смотрите, в Припяти и Чернобыле мы были, в Промышленном, Алыкели и Арсу-Булаке тоже...

– Твою мать, Лён! Да мы уже везде побывали! – не выдержала Лысая Эн, сбросив со своего плеча посапывающего Джона. Тот совсем не расстроился, тут же облюбовав в качестве подушки колено Руслана.

– И везде одно и то же, – сонно закончил за неё Нихпет. Как и в случае с Лысой Эн его настоящего имени никто не знал.

– Только в Припяти более-менее интересно. Да и то – благодаря тем куклам, что натаскали туда другие сталкеры до нас. Можно подумать, там своих игрушек мало. А все остальные города... Отстой. Везде одна и та же история, одни и те же типовые постройки. Трагедии – никакой. Сначала заводы

работали, городок процветал, а потом лавочку прикрыли и все уехали пытаться счастья в других населённых пунктах, более удачливых и ещё не загнивающих. Всё. Никакой интриги. А хочется... а хочется...

– Романтики? – хихикнул Руслан, поддав коленом в висок Джона.

– Да ну тебя, – отмахнулся рукой Нихпет.

Леонид задумчиво постукивал пальцами по столу. В комнате повисла гнетущая тишина, которую разбавляло только мерное жужжание компьютера в углу. На Леонида, как на самого главного здесь, было устремлено сразу несколько пар глаз. Даже Джон наконец разлепил веки, словно почувствовав важность момента. Лысая Эн уже начала беспокойно ерзать на своём месте, когда Леонид неожиданно очень тихо заговорил:

– Есть одно место... его нет в этом списке... Зелёный город. Так когда-то его называли. Раскидистые деревья с роскошной листвой мирно соседствовали в нём с высотными зданиями. Во дворе каждой многоэтажки непременно были палисадники, за которыми следили и ухаживали...

– Слушай, давай ближе к телу! – не выдержал кто-то.

Леонид разочарованно вздохнул, обводя тяжёлым взглядом присутствующих. Взъерошил пятерней короткие сальные волосы льняного цвета, увернулся от брошенной в него зажигалки Лысой Эн и, словно нехотя, продолжил таким тоном, каким обычно рассказывают страшилки ночью у костра:

– Какая беда постигла этот город, никто не знает. Нет никого, кто мог бы об этом рассказать. Все его жители таинственным образом исчезли. Никто из немногочисленных сталкеров, отважившихся посетить этот город, не вернулся назад. Никто... – тут он запнулся и продолжил уже не так плавно. Голос, прежде ровный, выверенный даже, теперь гнулся и только что не дрожал. – Мой брат тоже. Не вернулся. Он. Это... три года назад. Я должен был пойти с ним... быть с ним... там... Но авария... Да, я попал тогда в аварию. Прямо перед отъездом. И не смог. А в том городе... Там телефоны... они не работают. Нет связи. Вообще никакой. Слово что-то глушит все сигналы. Радиации там нет. Что-то другое. Такое же незримое, но... Там опасно. Должно быть очень опасно, раз никто не вернулся. Мой брат... он тоже... И другая группа... потом. Тоже. Никто.

– Кто-то или что-то сожрало их плоть и поглотило душу, - замогильным голосом протянул Нихпет, нисколько не про-никнувшись историей Леонида. Или же не пожелав показать виду, что ему страшно. Всё то время, пока Леонид говорил, все молчали, глядя на него во все глаза. Страх и жажда новых острых ощущений смешались воедино в их лицах.

– Короче, Лён, собираемся и едем выяснять всё на месте. Может, там нереально круто и твой брат просто не хочет возвращаться. А исчезновение жителей – это прикольно. Глядишь, выброс адреналинчика хоть в этот раз произойдёт.

Все воодушевлённо переглядывались, довольно потягивались, разминая затёкшие мышцы. Леонид молчал и старался не смотреть на них, чтобы ненароком не выдать того, что творилось у него в душе. Они не должны догадаться. Не должны, ведь если они узнают правду, если узнают, что брат его не ездил туда... Они ему просто не поверят и посчитают сумасшедшим. Никто не пойдёт за ним. А если он никого не приведёт с собой, то ни малейшего шанса вернуться живым оттуда у него не будет.

Выбор... у него его просто нет. Его тянет туда. Как бы он не хотел поставить точку прямо сейчас, забыть обо всём, стереть тот кошмар из памяти и не возвращаться к нему, он не может. Каждую ночь он просыпался в поту и заходился в беззвучном крике, зажимая рот кулаком, словно это могло помешать страхам выйти наружу. С каждым таким пробуждением Леонид всё острее понимал – Город зовёт, и он не имеет права не ответить на этот зов.

К городу они добрались на закате. Последние километры показали настоящим адом. Разбитое дорожное полотно, казалось, вытрясет из желудков всю еду. Джон время от времени жаловался на то, что его укачивает. Лысая Эн возмущённо цыкала, но машину, старенький чёрный Паджеро, всё же останавливала по первому требованию, и увалень Джон тут же мчался в кусты. Чем ближе становился город, тем скуднее была растительность у дороги. Выжженная солнцем степь, потрескавшийся асфальт и горячий воздух, звенящий от пения насекомых. Что-то в этом концерте невидимых певцов показалось Леониду подозрительным. Уж слишком радостно-приветливым и одновременно

угрожающим был мотив. Затылком Леонид ощутил холод, от которого по коже прошли мурашки, хотя зной и не думал спадать. Остальные, похоже, ничего не почувствовали. Руслан слушал музыку в наушниках. Нихпет копался в карманном персональном компьютере, когда, наконец, в плывущей дымке раскалённого воздуха перед ними показался Город. В свете заката бетонные коробки зданий казались залитыми кровью. Чёрные глазницы домов вопросительно уставились на путников, словно оценивая противника.

– Что за?.. – возмущённо начал Нихпет.

Леонид криво усмехнулся.

– Сеть пропала? Поздравляю. Мы на месте. Будешь пробовать звонить во внешний мир?

Нихпет фыркнул и достал мобильник. После некоторых манипуляций зашвырнул ни в чём неповинный аппарат вглубь машины.

– Ну, и? Убедился?

– Мёртвая зона. Так даже интересней.

Джип резко затормозил. Руслана вырвало из музыкальной нирваны. Он ошалело уставился на товарищей, неторопливо вынимая из ушей вакуумные наушники. Лысая Эн выдала многоэтажные конструкции сплошь нецензурного содержания.

– Дальше пойдём пешком, – сухо информировала она товарищей, – машина не проедет по таким улицам.

Больше всего Леониду, который увлекался фильмами ужасов, дорога сейчас напоминала истерзанное долгими пытками тело. Вывернутые рёбра вздыбленного асфальта местами переходили в зияющие чернотой рваные раны. По грязно-серой коже, покрытой запёкшейся коркой закатной крови, расползлись опарыши старых газет, выцветших пакетов из супермаркетов. Разлагающиеся трупы автомобилей, брошенные прямо на дороге, сочились ржавчиной. Местами уцелевшие окна витрин и домов скалились кривыми острыми зубьями. И на всём этом был слой жёлтой пыли. Её частички кружились в воздухе, создавая рябь в глазах. Оседали на слизистой носа, глаз, въедались в кожу. Мёртвый город источал едкий, сладковатый запах.

Джон беспрестанно чихал, потирая кулаком покрасневшие веки. Лысая Эн с Русланом натягивали на лица респираторы, вместе с тем понимая – толку не будет. Будь здесь какая-либо

химическая дрянь, она уже проникла в их организм. Радиации здесь нет, как сказал Леонид; а если и была бы, никакие респираторы им не помогли бы. Собственно, они и в Припять мотались без какой-либо радиационной защиты – в надежде словить больше ощущений, пощекотать нервы. А респираторы... с ними фотографии на фоне убитых зданий получаются более крутыми. Нихпет, вооружившись фотоаппаратом и изредка почёсываясь, уже увлечённо щёлкал позировавших ему Эн и Руслана.

– Вас не настораживает отсутствие птиц? – вполголоса поинтересовался Леонид.

Нихпет беззаботно передёрнул плечами.

– А откуда им здесь быть, если тут полностью отсутствует растительность? Нет зелени – нет насекомых. А нет насекомых, нет и птиц. Питаться-то им нечем. Круговорот веществ в природе, или как там это называется? Может, место для ночлега подберём? Скоро совсем темно станет. Да и с дороги отдохнуть надо.

Но насекомые в городе были, это Леонид знал точно. Или от долгого нервного напряжения у него начались слуховые галлюцинации, потому что в неживой тишине бетонных нагромождений ему слышались едва различимые потренькивания, отдалённо напоминающие стрёкот цикад.

Переночевать решили в первом попавшемся доме. И только Джон категорически воспротивился этому. Не подействовали даже уговоры Лысой Эн. Она припоминала ему ночёвки в Припяти, говорила, что страшнее радиации могут быть только люди, а здесь их, «по ходу» нет. А если есть, то, тем более, лучше держаться вместе. Но Джон здравых доводов не слушал, упрямо повторяя, что будет спать в машине. Только нужно было, чтобы кто-нибудь составил ему компанию. «А то иначе скучно будет», - опустив голову, бубнил Джон, почёсывая кудрявый затылок.

Нихпет горел желанием осмотреть город. Для первой ночи он согласен был и на этот двухэтажный дом, во дворе которого скрипели порыжевшие качели с облупившейся краской.

Лысая Эн с Леонидом уже заносили в здание спальные мешки. Руслан невозмутимо докуривал сигарету и смотрел в

оконные проёмы без стёкол. Респираторы опять покоились в рюкзаках. Время от времени мельтешащие лучи фонарей в руках Леонида и Лысой Эн выхватывали округлые столы, покрытые полинявшей зелёной тканью, игровые автоматы и ряды мохнатых от пыли бутылок на полках.

– Казино, – прочёл Руслан ржавые буквы над входом.

Видимо, когда-то они перемигивались весёлым светом, завлекая азартных посетителей сыграть партию-другую. Сейчас же из них торчали оборванные провода, кое-где свисали остатки гирлянд.

– Эй, Рус, – окликнул парня Нихпет, – пойдёшь с Джоном в машину? Вишь, как трясётся от страха. Тебе же всё равно где спать?

Руслан флегматично кивнул.

– Вот и ладненько. Всё, пошёл обустроиваться.

Джон всё это время старательно делал вид, что не слушает товарищей. Деловито копался в умершем телефоне, разглядывал кнопки на его панели, вслух сокрушаясь о том, что не подумал взять с собой сменные батареи –хоть музыкой отвлечься от мрачных мыслей, табуном лезущих в голову, одна другой хуже. Руслан удобнее перехватил рюкзак и полез на переднее сидение джипа, привычным движением вставив вакуумные наушники в уши. Он батареи не забыл.

Сон никак не шёл. Джон ворочался и так и эдак на заднем сидении автомобиля, взбивая рюкзак на манер подушки. Только вместо перьев, или, на худой конец, скомканной ваты, в «наволочке» защитного цвета были консервы, компас, швейцарский нож, пороховые факелы и прочие такие нужные в хозяйстве, но абсолютно не мягкие вещи. Да и это, в сущности, было мелочью. Невыразимо сильно чесалось тело. Временами казалось, что по нему кто-то ползает. А ещё где-то в районе мозжечка поселилось необъяснимое чувство страха. Так жутко Джону не было даже во время ночёвки в заброшенном детском садике Припяти, в компании старых игрушек, кукол с глазами навывкате, а то и вовсе без глаз, со скатавшимися в мочалку волосами, треснувшими чумазыми лицами, заводской румянец с которых почти сошёл.

Впереди мирно дремал Руслан, как обычно, отгородившись от реальности музыкой.

Он-то, небось, не забыл взять с собой сменные батареи, вот, и спит себе спокойно, с завистью подумал Джон, как вдруг об окно над его головой что-то шлёпнулось. И ещё раз. Джон отчётливо услышал скрип ладошки, съезжающей по стеклу. Страх перетёк из мозжечка куда-то в желудок и там свернулся тугой пружиной. В дверь пнули. Сначала несмело, робко. Потом застучали более настойчиво, требовательно. Джон покрылся холодной испариной и зажмурил глаза. Хотелось, как в детстве, накрыться с головой одеялом и провалиться в спасительный сон, убедив себя, что монстров не существует. Даже если они проснутся на порог.

– А, может, это просто Лысая Эн? – попытался успокоиться Джон, – забыла что-нибудь в машине и, вот, вернулась.

Теперь стучали со всех сторон. А потом принялись раскачивать и саму машину. На крыше запрыгало сразу несколько пар ног. К этим ударам извне примешивался барабанный бой собственного сердца. Он с такой силой отдавался в ушах, что Джону казалось, что он вот-вот оглохнет.

И тут заворочался на своём месте Руслан. От неожиданности Джон едва сдержался, чтобы не закричать, но вовремя закрыл себе рот рукой, почти до крови прикусив пальцы.

– Надо бы отлить. И покурить, – сонно пробормотал Руслан, нашаривая ручку двери.

– Не ходи! – зашипел Джон, всё также зажмурившись, – не ходи! Рус! – его имя он почти пропищал, боясь криком выдать своё присутствие... Кому?

– А? Чего?

– Неужели ты не слышишь? – просипел парень, вцепившись в куртку товарища.

– Да что с тобой? О чём ты? Друг, тебе тоже надо отлить. Переполненный мочевого пузыря провоцирует кошмары. Чтобы ты проснулся и дал ему свободу.

– Тише! Говори тише. Ай, – взвизгнул Джон, когда нечто снаружи прочертило каким-то острым предметом линию по окну. С десяток-другой ладошек в это время продолжали молотить по машине. Чьи-то пальцы с силой дёргали ручки двери.

– Прекратите... пожалуйста... перестаньте, – шептал

Джон, а Руслан, разом проснувшись, тряс его за плечо, пытаясь привести приятеля в себя. В лобовое стекло чем-то таранили. От очередного удара Джон резко открыл глаза и захлебнулся криком ужаса, застрявшим где-то в середине груди. Горло издавало только булькающие звуки и хрипы. Пальцы до боли в костяшках сжали руку Руслана, тот непонимающе разглядывал побледневшего товарища.

А через окна на Джона смотрели десятки пар глаз на мертвенно-серых детских лицах. Толпа подростков в рваных лохмотьях обступила джип. Двое из них, перехватив в руках третьего, таранили им лобовое стекло, не отводя взгляда от закоченевшего в страхе Джона. Собственно, сам «таран» время от времени поднимал голову, проворачивая её при этом на своей тонкой шее, и посылал парню издевательскую полуулыбку-полуухмылку.

– Так, ладно, – Руслан осторожно отцепил от себя Джона, – я пойду, покурю, пройду к нашим. Посмотрю, как у них дела.

Остаться в одной компании с внезапно спятившим другом ему не хотелось. Стоило позвать кого-нибудь на подмогу.

– И в туалет мне надо.

Всё происходящее напоминало Джону страшный сон – и хочется закричать, и не получается. Даже пальцем не шевельнёшь – дикий, животный страх сковал тело. Всем своим существом он мысленно молил друга, чтобы тот не выходил из машины, не открывал ни в коем случае дверь, ведь тогда... тогда ИХ больше ничто не будет удерживать! Что им от него надо? Почему Руслан не видит их?!

Запах разлагающихся тел хлынул в салон. Он всё же не послушал и открыл дверь. Секунд десять после ухода Руслана было тихо. Джон даже успел понадеяться, что всё это и впрямь было просто сном, когда вдруг на обшивке кресла перед ним показалась детская рука с обгрызенными, почерневшими ногтями, а следом за ней вынырнула голова мальчика лет девяти. Всклокоченные вихры пыльного мышиного цвета, присыпанная жёлтой трухой, землистая кожа, покрытая оспинками и потрескавшиеся почерневшие губы, растянувшиеся в улыбке.

– Привет, – сказал он вжавшемуся в кресло Джону. – Ну, я так не играю. Не хочешь здороваться? Сейчас мы тебя расшевелим.

Тут же в машину ринулись остальные дети. От запаха мертвечины и земли у Джона щипало в носу, сворачивало дыхание. Застрявший было крик, наконец, прорвался наружу, затопив собой всё возможное пространство.

Взрыв хохота в ответ. Холодные, едва прикрытые обрывками тряпья, тела липнут к нему. Пальцы ощупывают сверху донизу, дёргая за волосы, насильно открывая глаза. Ногти карябают кожу, оставляя пощипывающие дорожки, тут же набухающие кровью. Десятки жадных ртов присасываются к ним, обжигая ранки своим холодным дыханием. Его держат со всех сторон. Он тонет, увязает в этой смрадной куче - не в силах выбраться, захлёбываясь обуявшим его ужасом, исчезая, растворяясь в звонком детском смехе. Тонкие ручки качают его – вверх и вниз – словно на качелях. На ржавых качелях. Надсадно скрипят. Стонут. Жалобно плачут. Теперь это их качели. И новенький с ними.

Сон всё не шёл к Нихпету. Казалось, старик Морфей навечно заблудился в дебрях чужих дворов. Под правой лопаткой постоянно что-то кололо. Нихпет уже раз десять изучил пол под своим спальным мешком, но ничего, кроме пыльного ковра, не заметил. Леонид мирно посапывал по соседству. Лысую Эн так вообще не было слышно. Нихпет встречался с ней одно время и помнил, как его пугала её способность спать всю ночь в одной позе, и, казалось, даже не дыша. Порой он слушал её сердце, чтобы убедиться, что девушка рядом с ним скорее жива, нежели мертва. Вот и сейчас ему захотелось проверить.

– Ань? Аня, – собственный шёпот показался Нихпету чудовищно громким в одуряющей тишине. – А, ниипёт, – пожал плечами и отрешённо уставился в потолок. Собственно, в этом «ниипёт» и выражалась вся показная жизненная позиция Нихпета. Ему всегда хотелось быть хладнокровным, невозмутимым, равнодушным, пусть внутри его и раздирали противоречия, горло чесалось от невысказанных слов, и на деле всё выходило совершенно иначе.

Проклятая правая лопатка никак не давала сосредоточиться на сне, а теперь ещё и по ногам кто-то ползать начал. Нихпет

попытался было не обращать внимания, но не удалось. Тело зудело. Нестерпимо хотелось почесаться. Выругавшись, Нихпет рывком расстегнул спальный мешок и обомлел от увиденного. Его ноги были сплошь покрыты движущейся, копошащейся массой. Дрожащей рукой он нащупал фонарик, включить свет получилось лишь с третьей попытки – пальцы не слушались. Луч выхватил ряды странных насекомых, похожих на светло-коричневых пауков с крыльями как у мух. Ещё секунд пять Нихпет ошалело разглядывал их, а потом закричал.

– А! Уберите! Уберите! Снимите это с меня!

Он пытался стряхнуть с себя странных тварей, но они словно приклеились к нему: заползали под одежду, в уши, изучали лапками самые чувствительные места его тела, прокусывая кожу крошечными жвалами, пробуя на вкус долгожданную пищу. Нихпет катался по полу, надеясь их раздавить, но меньше паразитов не становилось. Казалось, что его атакуют всё новые и новые полчища насекомых. Они стекались к нему ручейками из всех углов комнаты, падали с потолка, отвоёвывая себе пространство на коже Нихпета. А он уже не слышал, как хлопала его по щекам Лысая Эн, как тормозил Леонид. Он не чувствовал их рук, сгорая в захлестнувшей его тело боли, ощущая, как его пожирают заживо; пальцы превращаются в листья и тут же болезненно желтеют, покрываются сначала сетью морщин, а потом расползаются на волокна, исчезая в жадной пасти мелких насекомых; нутро сворачивается в тугой комок от жуткой боли, истекая мутным соком с примесью гнили; корни ещё цеплялись за землю, а в бока, спину вгрызались зубья бензопил, топоры высекали целые пласты ещё живой, но уже отмирающей плоти.

Руслан заканчивал свои дела, когда услышал, как кричит в машине Джон. Через пару секунд заорал Нихпет. Рассудив, что в доме есть ещё и Леонид с Лысой Эн, он помчался к джипу.

Джон больше не кричал, как и Нихпет. Но на душе у Руслана было беспокойно.

Все четыре дверцы авто открыты настежь. Тишину нарушали лишь причитания Лысой Эн, доносившиеся из дома. Руслан заглянул в салон и в ужасе отпрянул: на заднем сидении, за-

стыв в неестественной позе, полулежал Джон. Остекленевшим взглядом он уставился в лобовое стекло. Лицо превратилось в восковую маску страха и боли. Скрюченными пальцами Джон вцепился в водительское кресло, словно в попытке вырваться.

Сбившееся дыхание Руслан смог восстановить не сразу. Из горла рвался крик, но разум настойчиво повторял, что вопить глупо. Полезнее всё изучить, чтобы быть готовым к... к чему?

В кармане джинсов нашёлся фонарик. Руслан направил свет на некогда живого приятеля. В том, что тот по какой-то причине умер – не было сомнений. Под ногти тела... почему-то теперь Руслан уже не мог назвать Джона по имени... как-то сразу друг стал просто телом... под ногти которого забились частички кожи и крови. На руках Руслан заметил процарапанные бороздки. Лицо также оказалось испещрено полосками не успевшей свернуться крови.

– Да что ж это такое? – выдохнул Руслан.

Рыдания Лысой Эн в доме становились всё громче и громче, действуя на нервы. В стенания девушки вплетались и другие звуки, которых раньше не было слышно. Какой-то назойливый, с угрожающими нотками, стрёкот... цикад? Воздух звенел, вибрировал сгустками чего-то непонятного и оттого ещё более страшного. Спина заныла, будто кто её взглядом сверлил. Нервно сглотнув, Руслан медленно обернулся, мысленно приготовившись встретиться хоть с самим Годзиллой.

Никого. Только пустынная дорога, покрытая гниющими остатками бывшей здесь некогда цивилизации, да высотные здания недобро ухмылялись беззубыми дверными проёмами.

Руслан тряхнул головой, сбрасывая наваждение, и победил в дом – туда, где голосила Лысая Эн.

– Что? Что у вас стряслось? Там... в машине... Джон... он умер...

– Вадим, – надрывно редела Лысая Эн, прижимая к себе голову Нихпета и раскачиваясь над его телом, – миленький, вставай. Вадим! Это всё ты виноват! – скинулась она, обратив наконец внимание на Леонида - он стоял у стены и безучастно

наблюдал за манипуляциями Лысой Эн. Понимал всю их тщетность. Пульса не было. Он уже проверил. Никаких видимых повреждений, только расцарапанная в нескольких местах кожа.

– Что с Джоном? – бесцветным голосом поинтересовался он у Руслана, игнорируя упрёки Лысой Эн.

– По всей видимости, то же, что и с ним, – тихо ответил тот, осветив фонариком Нихпета и склонившуюся над ним девушку. – Перед тем, как... это случилось... Джон... он просил меня, чтобы я не уходил. Всё твердил о ком-то. Он видел кого-то, и этот кто-то его пугал. Точнее, по его словам, их было несколько...

– Нихпету тоже чудилось что-то. Он кричал, чтобы мы сняли с него... Но не было на нём никого! – Леонид машинально взъерошил свои волосы. – Он просто катался по полу, пытался стряхнуть с себя что-то. А потом затих...

– Это ты! Ты во всём виноват! – Лысая Эн наконец оставила безучастное ко всему тело Нихпета и подлетела к Леониду. – Ты притащил нас сюда! Ты расписывал как здесь здорово, и теперь... теперь... – рыдания сотрясали её, мешая выплунуть в лицо стоявшего перед ней парня новую порцию обвинений, – это всё из-за тебя! Из-за тебя! Вадима больше нет! Нет! Это ты его убил! Ты! – внезапно её лицо просияло, – о, Боже, как же я сразу не догадалась?! Ты специально всё подстроил! Мы все здесь погибнем, а ты вернёшься домой и заработаешь лавры бессмертного сталкера! – на смену рыданиям пришли приступы смеха, от которого Руслану становилось не по себе.

Он никогда не видел Лысую Эн в подобном состоянии и даже не догадывался, что она могла питать к Нихпету такие сильные чувства. Для него вообще удивительна была столь бурная реакция, пусть и на смерть друга. Они бывали вместе в стольких городах, и ни разу Лысая Эн не закатывала истерик, а тут... Нерешительно парень тронул её за плечо. Она тут же сбросила его руку, успокоившись так же неожиданно.

– Мы все погибнем. Все. Я это чувствую, – равнодушно бросила она в стену позади Руслана и Леонида, – и ничто нас не спасёт. Это место... оно выпивает нас... город... вы слышите, как он пульсирует? С каждым ударом он сжимается, не оставляя шанса... сначала я думала, что мне кажется, но... но теперь я уверена – здесь есть что-то... я постоянно слышу голоса...

Господи, да я даже вижу, как подрагивают стены! Этот город живой. Он живой, - она понизила голос до свистящего шёпота. – А мы мертвы. Скоро все будем мертвы.

– Эн, хватит, – порывистым движением Руслан притянул девушку к себе, провёл руками по длинным, шелковистым, слегка волнистым волосам, – и почему тебя прозвали Лысой?

– Из зависти, наверное, – прошептал Леонид и, помолчав некоторое время, добавил, – так что будем делать дальше?

– Уедем отсюда, – ответил Руслан. Эн вопросительно подняла глаза, – да, Нихпета мы возьмём с собой, как... как и Джона.

Джип не заводился. Бак был полон бензина, но двигатель категорически отказывал. После часа копания во внутренностях машины, Леонид авторитетно заявил, что всё исправно. Поломок не было. Почему джип стоит как вкопанный, он не понимает.

– Может, всё дело в этой жёлтой пыли? Труха какая-то, – пробурчал себе под нос Леонид, изучая подкапотное пространство, – ею тут всё забито. Хм... а если приглядеться, то похоже на крошечные частички насекомых... неужели ещё не всё? Я надеялся, что...

– Пошли пешком, – равнодушно пожал плечами Руслан, – главное, выйти за пределы города, а там, думаю, мы сможем на чём-нибудь уехать. Дойдём до трассы. За телами вернёмся вместе со спецслужбами – пусть они сами разбираются, что здесь происходит. Я поговорю об этом с дядей. Эн, ты идёшь?

Девушка стояла посреди дороги и смотрела в чёрный провал между сгорбившимися домами. Временами кулаки её судорожно сжимались и разжимались. Руслан подошёл к ней и заглянул в удивлённо распахнутые глаза.

– Эн? Ты в порядке? Эн? – он потряс её за плечо, но она даже не моргнула. – Эй, очнись! Да что с тобой? Эн? Так, слушай меня внимательно. Даже если ты там что-то видишь, пойми – этого нет на самом деле. Там ничего нет. Эн! Да очнись же ты! Лён! Кончай возиться с машиной! Помоги мне! Надо увести Эн!

– Он смотрит на меня, – побелевшими губами прошептала девушка.

– Кто смотрит? – спросил, подбежавший Леонид.

– Конь. Чёрный конь. Вы, что, не видите его?

Вместо ответа Руслан и Леонид потащили её по направлению к выходу из города, но Эн не сводила взгляда с дороги.

– Я всегда любила лошадей. В детстве мама отдала меня в конноспортивную школу. Мне там нравилось. Но как-то я упала с лошади, и она чуть меня не затоптала. Я люблю их, но боюсь. А этот... он такой красивый. Я хочу на нём прокатиться. Да пустите же! – не ожидавшие столь резкого движения конвоиры не смогли удержать девушку, и она пустилась от них наутёк.

Туда, к коню. Он даст себя потрогать! Он мчится навстречу. Копыта отбивают дробь по потрескавшемуся асфальту, чёрная грива развеивается, а вороная шкура мерцает в лунном свете. Но глаза... его глаза... Почему в них так страшно смотреть? Эн больше не хочет к нему. Из угольно-чёрных глаз на неё глядит сама бездна, из раздувающихся ноздрей вырываются клубы дыма, а от самого коня несёт серой и гарью. В воздухе кружатся снежинки пепла, оседая на коже, забиваясь в нос, рот, вызывая приступы удушья. Эн падает. Встать нет сил. Кашель выворачивает наизнанку, глаза слезятся, тело нестерпимо чешется. Сильные руки хватают её, поднимая с земли, но она не чувствует этого. Ей кажется, что она скоро оглохнет от лошадиного ржания, а над ней встаёт на дыбы вороной конь, объятый пламенем. Копыта сверкают металлом подков. Как зачарованная девушка смотрит на них, даже не делая попытки повернуться...

– Эн! Эн! Очнись! – Руслан хлопал по щекам девушку, скрючившуюся на земле. Тряс её за плечи, делал искусственное дыхание и непрямой массаж сердца. Светил в безучастные зрачки фонариком, понимая тщетность своих стараний, но продолжал снова и снова. Надеялся нащупать пульс, но его не было. Из живого человека Эн, буквально в одно мгновение, превратилась в мёртвую куклу.

– Оставь её, – раздался над головой голос Леонида, – ты ей уже ничем не поможешь.

– А ты, я смотрю, и не старался, – впервые за долгое время Руслан не смог сдержать злость. До восхода солнца было ещё далеко, но он мог отчётливо различить странно умиротворённое выражение лица Леонида.

– А зачем? Это бесполезно, – спокойно ответил тот, – Эн

была права. Мы все погибнем. Этот город ещё никого не отпустил, кроме... Я знаю, что будет следующим в программе. И догадываюсь, кто будет следующим. Впрочем, выбор невелик. Да и, в сущности, неважно, кто умрёт первым – ты или я.

– Что? Что ты несёшь? Что за бред?!

– Ха. Это даже интересно. Выходит, первым буду я. Я их уже вижу.

– Кого ты видишь? – севшим голосом спросил Руслан Леонида, вглядывающегося вдаль.

– Их.

– Я... я не понимаю...

– Один раз этот город уже отпустил меня. Второго шанса решил не давать. Помнишь, я рассказывал вам его историю? Но вы не дослушали. Вам подавай экшена и адреналина. Причём, сразу. Ну, так вы его получили. Сполна... Что-то медленно они идут. Опять чего-то отвалилось, что ли?..

– Лён, ты...

– Не перебивай меня, я и сам собьюсь. О чём это я? А, да, о городе. Так вот... Зелёный город. Его называли так когда-то, потому что деревьев здесь было много... как слаженно маршируют... я один остался в живых. Тогда. Город пощадил только меня. Брат... он погиб вместе с другими. Многие перебили друг друга же... Гляди, у крайнего рука упала! Гниют понемногу... Всё... всё началось, когда в городе появился новый мэр. Конечно, проблемы были и до него. Но с ним как-то всё сразу... взорвалось. Жадный был человек. Никто его мэром не выбирал. Сам пришёл, сам сел в кресло. Из всего пытался получить выгоду. Захотелось ему казино открыть, скажем. Так он не мучился с его постройкой, а просто отобрал здание у сирот. А качели оставил – вдруг, кто из подвыпивших клиентов захочет покататься на них. Дети голодали, скитались по улицам, а мэру было мало полученной прибыли... Видишь эту девушку? Правда, красивая? Была... смерть и её не пощадил. Я с ней встречался когда-то... так вот... О природе вообще мало кто думал. Деревья засыхали, их жрали паразиты. Зато вдоль дорог были наставлены урны с чахлыми цветами в них. В одном из городских парков уже давно шла массовая застройка домов. Незаконная, по мнению горожан, законная по документам. Но там... там была конноспортивная школа. Хозяин никак не хо-

тел отдавать участок. Конюшню сожгли. Вместе с лошадьми. А кладбище... удивительно, почему он додумался до этого в последнюю очередь? Возле главного базара было старое кладбище. На нём давно уже никого не хоронили, вот мэр и решил расчистить площадь и построить на месте упокоения что-нибудь полезное, типа заправки, торгового центра или казино. Чтобы земля, значит, даром не пропадала... Ты думаешь, кто это сейчас к нам подходит? Они.

– Но... как?

– Как такое возможно? Те, кто в верхах... они захотели больше денег... и согласились на постройку в городе биологической лаборатории по изучению всяческих опасных вирусов. Но обстановка в стране была нестабильной. И как-то взорвались там все склянки с препаратами. Потом пошёл дождь, а вместе с ним в город хлынули мертвецы с кладбища. Первым делом они двинулись к мэрии – митинговать. Требовали вернуть им землю. Потом взяли штурмом здание и растерзали всех, кто там был, включая мэра. А люди в это время уже грызли друг друга. Иногда в буквальном смысле. У каждого был свой сорт галлюцинаций, даже у животных. На кого-то отравленный воздух действовал быстрее, на кого-то чуть медленнее. Мутировавшие насекомые съедали деревья, а после принимались за людей. Убежать никто не пытался из города. Кроме меня. Он отпустил меня. Зачем? Я... уже и не знаю. Помню, Город просил о чём-то, но... но я забыл. Замотался и забыл. А теперь... я здесь... Господи, хоть бы это было не больно. Привет.

– Лён. Там никого нет. Лён, ты меня слышишь? – Руслан хватал приятеля за руки, но тот только отмахивался от него, как от назойливой мухи. С улыбкой на губах Леонид шёл вперёд, раскинув руки, будто готовясь к объятьям со старыми друзьями.

И тут Руслан услышал слаженный топот ног, перемежавшийся с гулким чавканьем. Время от времени по асфальту что-то стучало и побряхтывало. Но там никого не было! Не было, чёрт возьми! По спине пробежался холодок, ноги стали ватными, а звук невидимой шагающей толпы всё нарастал.

Руслан стоял и поражённо смотрел, как Леонид то подпрыгивает, то падает, то снова встаёт, и снова падает, рвёт на себе волосы, раздирает кожу, заходится криком так, как будто... как будто его раздирают на части.

– Ничего этого нет, – вполголоса повторял Руслан, – ничего нет. Там никого нет. Всё это не правда. Так не бывает. Этого нет.

Он говорил и двигался к выходу, переступая через трещины в асфальте, стараясь не слышать воплей Леонида, не обращать внимания на возникающие то тут, то там расплывчатые фигуры людей. На его глазах город оживал: загорались давно погасшие светофоры, скрипели ржавыми дверцами автомобилей, извивались электропровода, повисшие было на столбах...

– Нет. Ничего этого нет. Мне только кажется, – кто-то заглядывал ему в лицо, но Руслан не останавливался, проходя сквозь преграду и ощущая в этот миг холод внутри себя. Какая-то детская ручонка с обгрызенными ногтями предложила ему пакетик клея, а девочка, обнажив в призывной ухмылке гнилые зубы, задрала подол платья на своём сине-зелёном бедре.

– Нет. Ничего этого нет. Это галлюцинации, – он шёл, не оглядываясь, а позади уже вставали на ноги те, с кем он приехал в этот город. Вместе с другими мертвецами они тащились за ним следом безмолвной армией, не нападая, ожидая приказа.

Руслан мотал головой, прогоняя шум из ушей. Смотрел на алеющее небо, на маячивший впереди выход.

Ещё чуть-чуть, ещё немного, и наваждение пройдёт. Только не поддаваться. Не ощущать запаха разлагающегося города. Не видеть, как тянутся к нему чьи-то руки, обвитые проводами. Не слышать, как шепчут одни стены: «Оставим его себе», а другие им отвечают: «Нет, он нужен нам там. Пусть расскажет нашу историю. Люди должны знать, что может случиться... с каждым городом». Он должен идти, просто идти вперёд. И помнить. Помнить, чтобы рассказать другим.

Высокая ставка

- Сыграем?

- На что?

- На твою душу.

- Опоздали-с. Проиграна давно и после смерти отойдёт.

- Кому же?

- Да вам, милейший сударь. Неужто не помните? Обещали показать весь мир, разложили карты на карте, чертили на мне маршруты будущих путешествий, рисовали перспективы грядущих открытий, предрекали несметные богатства, но бросили на полпути, так и не добравшись до заветного острова.

- Ты, верно, безумна? Я впервые вижу тебя.

- Лжёте, сударь. А давайте и впрямь сыграем? Вы ведь любите играть желаниями? Только на этот раз моими картами, а не краплеными вашими. Играть будем честно, без мухлежа.

- Хм... И на что же? Душу твою я всё равно получу, раз уж обещана она мне.

- Да сдалась вам эта душа? Мне так ваша совсем не нужна, даже будь она у вас. Сыграем на раздевание. Кто останется без одежды, тот выполняет любое желание победителя. Мне от вас многого и не надо – лишь долговой вексель на мою душу. Вам, верно, проку нет в такой игре. Но и терять нечего. А я... не каждому ведь выпадает шанс отыграться.

- Не боишься проиграть?

- А если так, то что с того? Мне шанс, пусть и призрачный, вам – мгновения без скуки. Играем? Но только честно.

- Будь по твоему.

Лживое пламя свечей искажает силуэты в комнате. Тени деревьев, глядящих в окно, вытягиваются и будто ползут по стенам. А над столом склонились двое – мужчина и женщина. Рубашками верх летят на выщербленную деревянную поверхность карты, расстегнут ворот белой рубашки мужчины, чей облик являет собой воплощение хладнокровия, хоть и сдвинуты к переносице чёрные брови, и хищно трепещут крылья носа. Проигранные сапоги, жилет вместе с сюртуком уже лежат у ног женщины – её лицо всё ещё прекрасно, несмотря на давно

отцветшую юность, в плавных движениях сквозит врождённое благородство, столь неуместное для яркого наряда продажной девки, в который она одета. А на щеках, сквозь слои пудры, проступает лихорадочный румянец.

- Твой платок, - прерывает затянувшееся молчание мужчина, - на нём кровь. Ты больна? От тебя несёт смертью. Она скоро пожалует за тобой. Взмахнёт косой, и ты падёшь к её костлявым ногам. А твоя душа отойдёт ко мне навсегда – без права на отыгрыш. Но я могу изменить твоё будущее. Могу вернуть молодость, даровать бессмертие, отдалить миг утраты твоей души. Да что тебе с неё? Так, фикция лишь...

- Не трепись. Давай, вскрывайся. Что там у тебя? Опять проиграл, - потрясённо выдыхает она. – У меня флэш, а у тебя...

- А у меня всего лишь трипс. Скверное дело, – язвительно посмеиваясь, отвечает он, - так что мне снимать?

- Снимай рубашку, - после секундного размышления говорит женщина, оглядываясь в поисках воды. Здесь жарко. И как она раньше не замечала? Тяжесть июньской ночи обрушивается на неё стрекотом цикад. Сквозь открытые ставни не долетает ни дуновения ветерка, словно вязкий туман, невидимый глазу, окутал трактир, а, может, и всю землю. И нет никого в целом мире, только дьявольски красивый мужчина напротив, медленно расстегивающий пуговицы своей рубашки, неотрывно глядя при этом в глаза замершей женщине. Чуть улыбаясь, он неторопливо стягивает рубашку, и в ночной тишине явственно слышится скольжение тончайшего шёлка по атласной коже. Мгновение, и сорочка оказывается на полу.

- Играем дальше? – изогнув бровь, вопрошает он. – Где ты научилась игре в покер? – сдавая карты, интересуется он.

- Матросы обучили, - следя за полётом спрятавшихся королей, валетов, дам и карточной челяди, отвечает она.

- А хочешь, - говорит он, - я сделаю так, что ты станешь женой уважаемого в городе человека? У тебя будут слуги, свой дом, ребятишки народятся? Я могу сделать так, что у тебя будет безупречная репутация. Только представь, окружённая любящими домочадцами, в красивых, богатых нарядах...

- Хватит болтовни. Играем, - отрезает она, стараясь не смотреть на то, как чувственно он облизывает пересохшие губы, как змеятся по плечам рассыпавшиеся пряди блестящих чёрных

волос. Даже в легкомысленном платье ей жарко так, как будто на ней накинуто, по меньшей мере, три шерстяных платка, тех самых, дареных одним влюбленным в неё матросиком.

- Я могу вернуть тебе родителей. А противного дядюшку убрать вовсе, - как бы невзначай бросает он.

- Вскрывайся, - отрывисто бросает она. И снова удача. Фортуна на её стороне. В сердце кольнуло нехорошим предчувствием, но женщина мысленно отмахивается от него. А в следующее мгновение заходится в безудержном, лающем кашле. На застиранном платке, что она подносит ко рту, расцветают новые алые пятна.

- Жизнь уходит из тебя. Каждая минута имеет свою ценность. Подумай, я всё ещё согласен прекратить игру, - откинувшись на стуле, он расстёгивает брюки, испепеляя её взглядом. – А помнишь, как ты хороша была, когда я повстречал тебя? Подобна только что распустившемуся цветку. Я с упоением вдыхал аромат твоей невинности, - поднявшись, он снял брюки, оставшись в одном исподнем, - ты бесстрашно шагнула за мной в пропасть и теперь также бесстрашно стремишься достигнуть её дна. Подумай хорошенько. Я могу исполнить любое твоё желание, только прекрати игру. Хочешь, я уничтожу всех твоих злопыхателей? Сделаю тебя главной куртизанкой? Ты станешь фавориткой самого короля, а поэты будут слагать в твою честь оды. Что значит бессмертие души по сравнению с наслаждением на земле?

- Хватит! Хватит того, что я поверила тебе один раз, - новый приступ кашля сотряс её.

- Ставки слишком высоки. Вдруг ты проиграешь всё? Именно сейчас, когда я предлагаю тебе это всё? К чему этот азарт, если можно получить всё сейчас и не рисковать дальше? Твоя душа уже в закладе у меня. Тебе не выиграть. Так зачем же рисковать?

- Сдавай карты, - шепчет она. Её колотит крупная дрожь, на лбу выступила испарина. Жар сменяется ледяным холодом, когда мужчина чуть подаётся вперёд. Пламя свечи бросает красноватый отсвет на его белоснежную кожу, обрисовывая рельефность мышц. В измученном тяжёлым недугом теле женщины рождается жар, другой жар. Он клубится внизу живота, заставляет сгорать в сладостной истоме.

- Прекрати эти штучки, - выплёвывает она зло. Ей, опустившейся на самое дно, стыдно за себя, со свою несдержанность, за свою слабость. А он посмеивается.

- А хочешь, я подарю тебе незабываемую ночь любви со мной? Я буду ласкать тебя так, что ты забудешь обо всём. И эта ночь покажется тебе бесконечной, сплошь сотканной из наслаждения. Последний раз предлагаю, прекрати игру, и получишь это, получишь... меня.

- Вскрывайся, - хрипит она сквозь кашель и застывает в немом ужасе, когда он показывает свои карты. – Флеш-рояль, - обречённо срывается с её губ.

- Аха-ха, ты так и осталась наивной, глупой девчонкой. Неужто ты думала обыграть меня? Меня?! Признаться, я удивлён твоей игрой. Но никакая Фортуна не поможет тому, кто сел за стол со мной. Карты – моя стихия. Я – тот самый азарт, что живёт в ваших ничтожных душах. Играть честно было увлекательно, но не продуктивно. Карты сами подчинились мне. А ты потеряла всё. Что же мне взять с тебя?

- Я знала... что скоро... умру... но я смогла... смогла не поддаться вновь на твои уговоры, - едва слышно говорит женщина, падая на пол. Кашель не даёт ей дышать. Вновь и вновь исторгает её горло рваные, лающие звуки. Платок, который она судорожно сжимает в кулачке, уже весь красен от крови. – Спасибо... – в перерывах между приступами кашля шепчет она, - спасибо... что... вернул мне душу...

- Как вернул? – в его голосе неподдельное изумление, - я же выиграл!

- Ты... проиграл. Был уговор: играть честно. А ты нарушил. Значит...

Юрий БАШМАНОВ

РАССКАЗЫ

«О событиях, описанных мной в этих коротких рассказах, поведали мне их очевидцы. Я постарался сохранить все так, как было на самом деле.»

Автор

Дезертир

Война врывается в киргизское село Бар-Булак первыми похоронками. Просторы голубого Иссык-Куля время от времени оглашали вопли и стоны несчастных матерей, потерявших своих ненаглядных сыночков. Белоснежные вершины гор, окаймляющие озеро, были немymi свидетелями стонов убитых горем жен, лишившихся кормильцев.

Акыбаев Мукамбет после каждого черного свидетельства, пришедшего в родное село, шел к председателю колхоза и требовал отправить его на войну, убеждая башкарму, что он отличный охотник, взрослый мужик, и он сможет отомстить фашистам за смерть своих земляков.

Утомленный бессонными ночами и вечными проблемами, председатель устало говорил: «Мукамбет, умереть за родину легко, секунда – и все проблемы сняты, и ты навечно герой в сердцах людей. Гораздо труднее работать в дали от фронта, пасти овец, кормить бойцов, одевать их в нашу киргизскую шерсть, зная, что никто тебе за это не то что награду не даст, даже спасибо не скажет. А после войны еще всю жизнь упрекать будут: выжил, отсиделся в тылу. Отпущу я тебя на фронт, а кто будет кормить армию и снабжать ее шерстью? Бабы? Они от одного волчьего воя падают в обморок!»

Мукамбет опускал голову и молча уходил.

Но как-то холодной осенью, когда очередной женский крик взорвал тишину родного края, Мукамбет не выдержал. Он собрал родственников и соседей, попросил у всех прощения, как смог, запинаясь, прочитал намаз, и уехал на призывный пункт в рыбацкий поселок Балыкчи.

От заезжих казахов Мукамбет слышал рассказы о бескрайних степях, расположенных западнее Тянь-Шаньских гор, но то, что он увидел в окно вагона, поразило его до глубины души. Бескрайние казахские степи, разглядывая которые, невозможно было ни за что уцепиться взглядом, сменили березовые и сосновые леса, которыми встретила его Россия. В голове джигита, выросшего в Иссык-Кульской котловине, со всех сторон окаймленной снежными вершинами, просто не уместались размеры его великой родины под названием Советский Союз. Он не мог понять, почему люди уничтожают друг друга, когда на земле столько места. Почему какой-то далекий непонятный немец убивает его односельчан? Почему на такой большой земле немец не нашел себе места для жизни? Если у него мало земли, почему он не попросил? Мукамбет бы с радостью поделился своими пастбищами и лесами, накормил бы бешбармаком и боорсоками всех немцев, лишь бы его родственницы и соседки не выли над похоронками своих близких.

В Оренбурге эшелон с новобранцами разгрузили.

Призывников привезли в воинскую часть, обрили налысо, помыли в бане и переодели в военную форму. Мукамбет в школе учил русский язык, но почему-то кроме слов Сталин, Родина и Москва, он ничего не запомнил. Вернее, пока учился, он знал много русских слов, но за двенадцать лет после школы он не встретил ни одного русского, и все остальные слова забылись.

Большинство призывников были молодые сибиряки, парни 18-20-ти лет. Все они отличались высоким ростом, уверенностью в себе и каким-то внутренним спокойствием. Небольшой рост Мукамбета и безбородое азиатское лицо как бы равняли по возрасту сибиряков с тридцатилетним киргизским джигитом, но жизненный опыт и мужская сила, созревшая в Мукамбете, невольно подчеркивали его старшинство.

Когда Мукамбет на стрельбах из 50-ти возможных очков выбил 49, уважение переросло в почитание. Мукамбету про-

стили полное незнание русского языка и потянулись к нему сослуживцы за помощью во всех солдатских вопросах.

Сильнее всех к нему прильнул маленький, белокурый солдатик из Омска по имени Сережа. Два самых низкорослых бойца из взвода стали неразлучной парой. Сережа пытался научить Мукамбета русскому языку, а киргизский джигит делился с ним своими жизненными навыками. Когда окончился курс молодого бойца, всех новоиспеченных солдат погрузили в вагоны и повезли на фронт.

Полк, в который определили Мукамбета, готовился к первому за всю войну серьезному наступлению. Весь вечер перед атакой политрук что-то яростно говорил бойцам, он часто выхватывал из кобуры пистолет и бросал в притихших воинов какие-то угрожающие слова.

Мукамбет не понимал, о чем шла речь, он даже не знал, что такое атака и что завтра будет его первый бой. Но по настроению солдат и по речи политрука ему было ясно, что завтра он сможет отомстить немцам за смерть своих земляков. Его душа наполнилась спокойствием и уверенностью. Он знал, что не посрамит свой род, он не сомневался, что земляки будут им гордиться.

Мукамбет с Сережей очистили от снега маленькую ложбинку, накидали в нее еловых веток, расстелили на них плащ-палатку, улеглись и накрылись шинелями. Было не очень холодно, градусов пять мороза, но Сережа весь трясся как осиновый лист. Мукамбет прочувствовал его тревогу, прижал светлую, голубоглазую Сережину голову к своей груди и начал тихо петь киргизскую песню. Парень успокоился и уснул.

Мукамбет не спал всю ночь. Звериным чутьем он почувствовал приближение великой смерти. Он не боялся ее, он был сильным и знал, что выстоит. Но вот этот спящий белокурый мальчик... Мукамбет не знал, как его спасти.

Когда бежали в атаку, Мукамбет, как и все, во все горло кричал «Ура!», но в отличие от сибиряков он не бежал прямо во весь рост на пулеметные очереди, он пригибался, петлял, он чувствовал смерть, он ее обманывал. Горы научили его уворачиваться от лавин и камнепадов. По возможности он прикрывал Сережу, заставляя его при разрывах мин моментально падать на землю.

Очередная мина разорвалась слишком близко, с ловкостью барса Мукамбет припал к земле. Сережа не успел. Минным осколком ему разорвало брюшину.

Когда Мукамбет поднялся, Сережа стоял с раскрытыми до предела голубыми глазами и держал в руках свои внутренности. В детских бездонных глазах не было ни ужаса, ни страха, был только один мучительный вопрос: «Дядя Мукамбет, что теперь делать?». Мукамбет бросил винтовку, бережно уложил Сережу на снег и начал засовывать дымящиеся паром кишки в брюшину. Через какое-то время подбежал фельдшер, распаковал аптечку и начал наспех, коряво зашивать брюшину голубоглазому пацану. Сережа не стонал, не плакал, он во все глаза смотрел на Мукамбета и молчаливо спрашивал: «Я умру?».

Мукамбет бережно гладил его по щекам и по-киргизски, как мог, успокаивал. Подошли солдаты из отряда заграждения. Начали орать: трус, дезертир! Это потом до Мукамбета дойдет смысл этих слов. Иначе бы за такое оскорбление он задушил бы заградителей руками. Мукамбет не знал русского языка, он не знал тонкостей воинской дисциплины. Он не знал, что солдат, бросивший в бою винтовку, подлежит расстрелу.

Когда фельдшер заштопал Сережин живот, он с яростью накинулся на заградителей. Он достал свой пистолет и начал доказывать, что этого азиата нельзя расстреливать. Фельдшер кричал им:

– Вы что, не видите, он не трус, он просто не понимает, что происходит. Он ни одного слова по-русски не знает. Убьете его, совершите великое преступление!

Под натиском фельдшера смершники отступили. Внимательно взглянув в лицо Мукамбета, старший вернул ему военный билет.

Мукамбет освобождал Будапешт, Прагу. Войну закончил взятием фашистского логова. Мукамбет оставил свою роспись на рейстаге. Полководец Талбухин выписал личную благодарность киргизскому джигиту за мужество и отвагу.

Когда он возвратился в родное село Бар-Булак, весь китель его был увешан боевыми наградами. Сережа тоже выжил в великой бойне всех времен и народов.

Когда через много лет после войны два фронтовых товарища сидели на берегу киргизского озера, Сергей спросил

Мукамбета: «Послушай, киргиз, почему ты в первом бою, рискуя жизнью, остался со мной, русским? Тебя ведь чуть не расстреляли за дезертирство».

Мукамбет грустно вздохнул и ответил: «Да глаза твои напомнили мне наш Иссык-Куль, вот я и окунулся в родную синеву на минутку».

Еврей

В семидесятые годы в Советском Союзе набрала силу волна политического антисемитизма. Под давлением мировых держав правительство страны позволило советским евреям возвращаться на свою историческую родину. Получалось, казалось бы, весьма странно: из самой лучшей в мире страны, созданной для счастья человека, добровольно уезжают ее граждане, уезжают прямо в объятия сурового капитализма. Трудно было объяснить колхозникам и сталеварам, что на земле есть места, где люди могут быть счастливее, чем в Советском Союзе.

Политологами и пропагандистами был применен испытанный веками философский прием: если не можешь разрешить проблему – посмейся над ней. Советская интеллигенция считала за правило хорошего тона при встрече обмениваться парой анекдотов про пархатых жидов. В пролетарской среде эти анекдоты тоже были широко распространены, но в ней еврей был таким же обобщенным существом, как Василий Чапаев и поручик Ржевский. Анекдот, в котором еврей на субботнике попросил у начальника лопату с мотором, а тот возмутился: «Где ты видел лопату с мотором?». На что еврей ответил: «А где Вы видели еврея с лопатой?» - этот анекдот воспринимался пролетариями весело, но совершенно беззлобно.

Каждый Ваня, Джолдош, Гиви знал, что у Изю можно занять три рубля до получки, и во время процедуры займа ты не будешь унижаться, как проситель, это Изю, опустив глаза, робко тебя спросит: - А ты когда сможешь отдать?

Мы сидели в бытовке и доедали свой пролетарский обед, который нам положили с собой заботливые жены и матери.

Когда у нас уже осталось по последней картошке, яйцу, и

огурчику, в бытовку вальяжно ввалился самоназначенный юморист и острослов Кочетков дядя Саша. Дядей он был только для меня, мне было тринадцать лет, для остальных он был как-то даже презрительно: Кочет.

Дядя Саша, предвкушая наши аплодисменты, улыбаясь сальной улыбочкой, произнес:

- Хотите самый короткий анекдот? Еврей устроился на работу такелажником!

Все хмуро доедали остатки обеда и совершенно не реагировали на выпад остряка. Я не знал, что такое – такелажник, и на всякий случай улыбнулся. Видно, во мне еще не загасили Адамовскую кровь потомки Рюрика и Чингисхана. Дядя Саша, не дождавшись общего восторга, начал пояснять: - Вы что, не поняли? встречал в своей короткой жизни, Еврей – грузчик?

Дядя Миша, наш бригадир, самый спокойный и выдержанный человек, которого я встречал в своей короткой жизни, вдруг покраснел, его изуродованный фашисткой пулей рот перекосила страшная гримаса. «Слушай, что я тебе, гнида, скажу, – угрожающе произнес он. - За время войны передо мной прошла не одна тысяча людей, из всей этой огромной человеческой массы разных возрастов и национальностей только двоих расстреляли перед строем за самострел. Чем больше я тебя узнаю, тем больше я уверяюсь в том, что будь ты с нами на передовой, ты был бы третьим, кого бы я расстрелял перед строем. С удовольствием. А теперь, мразь, послушай, что такое еврей.

- На нашу роту наступал немецкий батальон. Мы были вымотаны боями, у нас почти не осталось боеприпасов, а они поливали нас минами и снарядами без меры. Немецкие автоматы не замолкали ни на минуту. У них было три танка. «Тигры». А у нас кончались патроны, и у нас половина роты была выведена из строя. Последними снарядами из уцелевшей пушки мы зажгли два танка. И всё. Шансов на спасение у нас не осталось. Все мы это поняли, и живые начали смотреть друг другу в глаза, ища поддержки и оправдания за свою преждевременную смерть. Немецкие танкисты остановились метров за двести до наших окопов и, полностью осознавая свою безнаказанность, начали творить танец смерти. Они поворачивали танк на месте, крутили башней, и планомерно расстреливали наши позиции.

Один снаряд разорвался в окопе, поблизости от меня. Осколками мне посеколо грудь, я не мог двигаться, но все понимал и видел. У нас в роте был один молодой еврейчик. Снарядом, ему оторвало ногу. Он извивался на дне окопа, а я благодарил судьбу, что умру практически без мучений. В какой-то момент я увидел его глаза. Его взгляд ошеломил меня и вернул к жизни. Я почувствовал, что мой однополчанин страдает не столько от боли, сколько от того, что не может больше мстить. Я вспомнил его историю.

В начале войны всю его семью вместе с ним расстреляли бендеровцы в «Бабьем яру» под Киевом. Опьяненные десятками тысяч убитых женщин и детей, мерзкие выродки украинского народа плохо сделали свое дьявольское дело. Нашего еврейчика не добились. Ночью, под страхом смерти, украинские женщины откопали среди трупов нашего парнишку. Когда он немного оправился, перешел линию фронта и после долгих скитаний оказался в нашей роте. Последнее, что я запомнил перед тем, как потерял сознание, это то, как с лихорадочным огнем в глазах он ползал по окопу и вытаскивал из вещмешков убитых гранаты. Потом мне рассказали, что было дальше. Когда остальные просто ждали конца, еврей, мы даже не знали его имени, пополз в сторону «Тигра». Трудно даже представить, как он, тяжело раненный, прополз двести метров. Раздался взрыв. «Тигр» загорелся, и перестал поливать нас огнем. Ободренные подвигом мальчишки, оставшиеся бойцы без приказа выскочили из окопов и побежали в атаку.

Через три месяца командир дивизии привез нам из госпиталя безногого однополчанина, того самого мальчишку-еврея, и перед строем вручил ему звезду Героя Советского Союза.

Дядя Миша немного помолчал, а потом тихо закончил: -

- Если ты, убудок, еще хоть раз скажешь при мне плохое слово о евреях, я тебе перегрызу твою поганую глотку.

- Извините, мужики, - это он уже обратился к нам.

Шинелька

Молодой командир противотанковый артиллеристской батареи Комиссаров Толик со вздохом получил у старшины свои первые офицерские погоны. Он, конечно, сильно гордился своими первыми звездочками, с нетерпением ждал момента, когда пришьет погоны на китель и шинель. Шинель, вот что вызвало его глубокий вздох. Зима сорок третьего выдалась очень суровой. Спасались от стужи бойцы вокруг небольших костерков и переносных камельков. Шинель у Толика была поношенная, прожженная во многих местах. Он долго уговаривал строгого интенданта выдать ему новую, но старшина был не преклонен, уверял, что шинель у Комиссарова добротная, а прожженные дыры он может залатать. Когда командир батареи собрался уходить, интендант вдруг смягчился, достал из мешка тонкую ватную фуфаечку и протянул её повеселевшему воину.

- Во время боя шинель мешает вести огонь, а телогреечка – то, что надо. Владей.

Первый боевой приказ в новом звании Комиссаров получил под утро следующего дня. К добываемым под Сталинградом немецким дивизиям по приволжским степям рвались танковые соединения вермахта. Часть, в которой служил новоиспеченный лейтенант, получила приказ выдвинуться в степь и занять оборонительный рубеж.

Установив на позициях свои противотанковые орудия, молодой командир достал из кармана шинели самодельную зажигалку и, зажав её в замерзших ладонях, зажег слабое, трепещущее на ветру пламя. Двадцатилетний лейтенант улыбался, слабый огонек согревал ему не только руки, он отогревал его скованную войной душу. Эту зажигалку подарил Толику его давний друг, с которым он окончил ускоренные курсы артиллеристов, а потом принял свой первый бой.

С другом он попал и в свой первый госпиталь. У Толика ранение было полегче, чем у друга, и когда он выписывался из госпиталя, тот подарил ему зажигалку и наказал беречь её до конца войны. После войны он обещал приехать к нему в гости и проверить, цел ли подарок. Приятные мысли о друге и

мирном времени разогнали страхи от предстоящей схватки с немецкими танками.

В это время поступил приказ выдвинуться вперед еще на пять километров. Не согласованные действия разных подразделений разорвали линию обороны, и батарея Комиссарова оказалась под угрозой окружения. Быстро отступая из вражеского полукольца, она остановилась на окраине какого-то села.

Забежав в крайнюю хату, чтобы проверить, есть ли там люди, Комиссаров увидел на вешалке новый офицерский полушубок.

Хата была пуста. Обрадовавшийся воин быстро сбросил с себя дырявую шинель и оделся в добротную овчину.

В это время с улицы раздавались тревожные крики:

– Немцы, танки, командир, бежим!

Комиссаров выскочил из хаты и изо всех сил понесся по широкому тракту вдогонку за убегающими бойцами. Сзади раздавались грохот и лязганье гусениц немецких «Тигров». Полушубок был слишком тяжел для бега, он отнимал последние силы у молодого лейтенанта. Сбросить его не хватало решимости. На войне это, считай, подарок судьбы. Нет. Лучше умереть.

Мысль о смерти тут же пронзила мозг. Если попаду в плен, расстреляют только за одну фамилию, перед расстрелом все равно отберут полушубок, немцы мерзли еще сильнее наших. В двадцать лет умирать из-за полушубка? Да пропади он пропадом, Комиссаров сбросил пахнущую овчиной драгоценную обузу и, облегченный, стремительно понесся вдогонку за своими пушкарями. За деревней батарея с разворота заняла огневой рубеж и беглым огнем остановила наступление противника.

Двое суток шел бой за село, двое суток в перерывах между обстрелами молодой лейтенант трясся в милостиво выделенной старшиной тонкой телогреечке, с тоской вспоминая свою дырявую шинельку. Тосковал Толик даже не столько по шинельке, сколько по подаренной другом зажигалке, в спешке оставленной в кармане брошенной шинели. После освобождения села их собравшуюся часть расквартировали в пустующих хатах.

Когда Толик зашел в выделенный ему батарее дом, на полу в прихожей валялась его дырявая шинелька. В её кармане лежала столь ценная для Комиссарова зажигалка. Через

неделю разжившийся обмундированием старшина выделил Комиссарову новую шинель. Улыбнувшись, Толик отказался.

Война пощадила молодого командира противотанковой батареи Комиссарова Толика, он прожил насыщенную жизнь и часто, вспоминая о войне, рассказывал своему сыну не о геройствах, за которые получал воинские награды, а об офицерском тулупе, дырявой шинельке и о драгоценном солдатском подарке – сделанной из гильзы снаряда зажигалке.

Вячеслав
АЛЕКСАНДРОВ

ДРУГ ЧЕЛОВЕКА

Рассказ

В нашем случае, Человеком был доктор нашей «Спартакской» альпинистской экспедиции Саша Горохов. Высокий, божественно сложенный красавец с густой шевелюрой и смуглой кожей, цвет которой намекал на испанскую кровь. Судя по отзывам его пациентов, доктором он был хорошим. Но по причине неумности характера, тяги к путешествиям и приключениям он сменил не одно место работы, пройдя путь от ведущего кардиолога московской клиники до рядового врача скорой помощи. Не последнюю роль в этом играли его приятельские отношения с «зеленым змием».

Каждый год героическим усилием воли Саша разрывал цепи рутины московской жизни и удирал на месяц–два в горы на Тянь-Шань, где честно отработывал срок врачом в спасательной службе или экспедиции. А уж альпинистская экспедиция всегда предоставляла неисчерпаемые возможности для врачебной практики широкого профиля, от срочной реанимации при отеке легких, до удаления больных зубов обычными слесарными плоскогубцами. И, главное, успевал сделать для души еще и парочку восхождений.

Другом же Человека, как положено, была собака. Саша был собачником. Настоящим Айболитом. Везде его постоянно сопровождала собака: в квартире, на прогулке, в горах. Исключение составляла только работа. Но собачий век, к сожалению, краток, десять–двенадцать лет. Когда очередной Друг уходил из жизни, Саша тоже уходил. В запой. Но когда появлялся новый щенок – жизнь вновь обретала смысл, и все возвращалось на круги своя.

Вот так, в нашей экспедиции на пик Победы и появился не-

обычный участник. К этому времени новый мохнатый воспитанник Саши подрос и превратился в шестидесятикилограммового красавца сенбернара, классического коричнево-белого окраса, с величавой неспешной походкой и презрительным взглядом. Его родословной мог бы позавидовать любой аристократ: до двенадцатого колена все – чистокровные швейцарцы, победители международных выставок и соревнований по спасению людей из лавин. Имя у него было не из ряда Шариков или Арчибалдов. Саша долго придумывал ему настоящее горное имя. Но все было не то. Для альпинистской общественности был объявлен конкурс собачьих кличек. Проблема заключалась в том, что чистопородные щенки обязательно должны называться на определенную букву по имени собачьего отца. Как на грех это была буква О. Не назовешь же хорошую горную собаку Орлом или Олигархом, как советует Интернет. Неожиданно конкурс выиграло имя Он-Тор. Ледник так называется на Тянь-Шане, в Каракольском ущелье. Наградив собаку таким уникальным горным именем, наш Айболит успокоился. Конечно, этот швейцарский пес-красавец, аристократ и добряк, сделался всеобщим любимцем.

И вот для него наступило время первого путешествия в горы. Да не куда-нибудь, а на Центральный Тянь-Шань, к пику Хан-Тенгри. Саша очень надеялся, что его воспитанник покажет свои способности и выучку с лучшей стороны. Первым испытанием был перелет вертолетом из Пржевальска на ледник Южный Иныльчек.

Перед полетом Он-Тор, на торжественной линейке, был принят в штат спасательного отряда альплагеря «Ала-Тоо» в качестве горноспасательной лавинной собаки. Лично начспсом Женей Подымовым ему был надет на спину спецрюкзак с большим красным крестом и аптечкой. Он-Тору рюкзак очень нравился, и пес дефилировал в нем между палаток альплагеря, как модель «от-кутюр» по подиуму. Казалось, жизнь прекрасна и удивительна.

Аэропорт Пржевальска встретил нас роскошным бюстом Иосифа Виссарионовича Сталина. Однако подпись под памятником утверждала, что это никто иной, как Николай Михайлович Пржевальский. Но сходство было настолько сильным, что у авиапассажиров закрадывалось сомнение в собственной адек-

ватности. Итак, погода стояла прекрасная, лётная. Как говорят пилоты, видимость – миллион на миллион. Техники суетились, заправляя вертолет и проверяя матчасть. Наличный состав команды загружал через раскрытые створки машины экспедиционный скарб. Володя Бирюков, тренер нашей экспедиции, уточнял с командиром вертолета Владимиром Петровичем Сергиенко план полета.

Из города подъехала последняя машина с экспедиционным грузом. В кузове, на вершине горы из альпинистского снаряжа, возлегал наш красавец Он-Тор. Ребята торопились. Они живо откинули задний борт и стали звать пса, чтобы тот спрыгнул и дал разгрузить машину. Но Он-Тор, лежа в позе китайского Мандарина, презрительно глядел на метавшихся под ним обезьянок в образе людей. Он был выше этой суеты. Никакие уговоры, посулы и угрозы не действовали на нашего героя. Наконец, на сцену этой трагикомедии вышел главный режиссер. Наш славный Айболит царственным жестом отстранил статистов со сцены и сказал:

– Ребята! Учитесь, как нужно обращаться с животными! Никакого насилия, только полный контакт с собакой! Он же обученный пес.

– Он-Тор! Ко мне! На грудь!

Наверное, вчерашний хмель не полностью покинул буйную Сашину головушку, и он громко похлопал себя по груди. Он-Тор, как воспитанная и преданная хозяину собака, немедленно встал на лапы и сделал прыжок, который вызвал бы зависть даже нашего прима-балерона Николая Цискаридзе. Шестьдесят килограммов натренированного собачьего тела обрушились с двухметровой высоты на худощавую грудь нашего Айболита. Тот остался цел только потому, что, как ядро, врезался в груды спальных мешков, которые еще не успели погрузить в вертолет. Он-Тор, успешно приземлившись на своего хозяина, встал, отряхнулся, победно взглянул на окружающих, подошел к ближайшему дереву и торжественно задрал на него лапу. Потрясенный от пяток до корней волос доктор, горестно обхватив голову, спрятался в салоне вертолета и затих. А Он-Тор же, с независимым видом возлегал в тени аэропортовской чинары, наблюдая за погрузкой.

Наконец, вертолет, в нарушении всевозможных летных

инструкций, был затарен под потолок, створки захлопнуты. Народ заполнил своими телами узкую щель между потолком и грузом. Картина салона претендовала на название «Кошмарный сон инспектора по технике безопасности». И только у дверей было оставлено комфортабельное пространство для Он-Тора. Но наш четвероногий участник почему-то не торопился занять это уютное место. Видно, уловив своим гиперчувствительным носом что-то недоброе, пес подозрительно-недоверчиво по-сматривал на вертолет.

Петрович скомандовал запуск двигателя. Это действие было сродни репетиции симфонического оркестра. Тонко начали скрипки, затем к ним присоединялись трубы. Это заработал вспомогательный компрессор АИ.

Пес привстал.

Сработала свеча зажигания, и АИшка с грохотом бронзовых тарелок, выстрелила огненным шаром паров керосина в воздух, напоминая огнедышащего Дракона.

Пес начал лаять на наглеца своим прекрасным шалепинским басом. Запели тромбоны, мягко переходя в запуск основного компрессора. Бортмеханик потянул ручку крана, и баритонными регистрами зажужжали шестеренки редуктора.

Он-Тор откровенно припал к земле лапами, сверля глазами соперника. Постепенно начали вращаться лопасти Дракона, зовя за собой басы-геликоны.

Наш герой стал предательски пятиться, покидая передовые позиции, одновременно и на все времена покрывая позором славное имя Святого Бернара.

Айболит выскочил из вертолета и стал звать собаку. Но Он-Тор категорически не соглашался занимать свое VIP-место в вертолете. Впервые в своей жизни он встретил зверя, который вел себя так нагло и лаял громче него.

Лопасты набрали обороты, и в воздухе зазвучал голос мочугега органа.

Саша отбросил свои интеллигентские замашки и попытался просто запихнуть испуганного пса на борт. Но лапы Он-Тора словно вросли в землю, как у Сфинкса – стража пирамиды Хеопса. Никто за тысячелетия не смог сдвинуть его с места. Положение стало пиковым. Это был крайний рейс вертолета на Иныльчек. Завтра машина улетала во Фрунзе на профилактику.

Винты ревели. Орган с форте перешел на полное фортиссимо! Дракон бил копытами и рвался в небо.

Оглушённый и униженный сын швейцарских Альп, признав свое поражение, позорно повернулся к противнику задом и рванул прочь по аэродромной полосе, где в конце крутились чаши радаров, вечно ищущих удачу в небесных высях. А ее-то и не хватило нашему герою.

Ловить испуганную собаку было глупо и бесполезно. Саша стоял как оплеванный. Предательство друга было ударом ниже пояса. Рейтинг Он-Тора, как служебной собаки, упал до критической отметки. Бирюк выскочил из вертолета и под ревущими винтами что-то прокричал доку в ухо, вскочил назад и захлопнул дверь.

Командир вертолета, дирижер этого вертолетно-симфонического оркестра, взмахнул палочкой, дал шаг винта, и машина пошла вверх. Все сошлось в этом порыве: и слаженная работа механизмов машины, и звуки, которые издавал каждый винтик, каждая деталь вертолета. Все сошлось в мощной симфонии полета.

Под тенью розетки винтов мелькнули одинокая фигура Айболита и рыжая шкура нарушителя аэродромных правил – сенбернара, неуклюжим аллюром скачущего вдоль взлетно-посадочной полосы.

На ледовом аэродроме Южного Иныльчека в ответ на наш молчаливый вопрос Бирюк выдал информацию:

- Завтра из Пржевальска выезжает группа иркутян на Майда-Адыр. Они заберут Сашу с собакой. Ну а там до нас по Южному Иныльчеку топать пять дней. Выбора не было, сами видели.

- Это как у пограничников или ментов, собак проверяют на выстрел. Если пес испугается, спрячется или убежит, то на службу не берут. Какой бы хороший он ни был. Вот и Он-Тор. Видать, у него какая то генная несовместимость с вертолетом. Это природа. А против нее не попрешь! – философски заметил командир вертолета. А Петрович знал, что говорит. Навидался он на своем летном веку, как ведут себя в экстремальных ситуациях и люди и собаки.

Первое время пролетело незаметно: хлопоты по установ-

ке лагерей, первые акклиматизационные выходы. На шестой день снизу от ледника Дикого появилась странная процессия: пятеро заурядных альпинистов и за ними импозантная фигура доктора, в застиранной пуховке, с нестриженной бородой и киргизским колпаком на голове. За ним печально плелся Он-Тор, который представлял собой жалкое зрелище: тело, схуднувшее килограммов на десять, свалывшаяся шерсть, и хромота на все четыре лапы. От шикарного вида нашего аристократа остался лишь один презрительный взгляд. Пеший треккинг от Майда-Адыра до Хан-Тенгри оказался жестким экзаменом для спасательной собаки.

Первые двадцать километров после Майда-Адыра были увлекательной прогулкой: хорошая горная бульдозерная тропа, теплое солнышко, множество дичи – пичужки, зайцы и сурки, за которыми весело гонялся Он-Тор. На этом лафа закончилась. Впереди возлежал гигантский ледник Иньльчек, ростом в 62 километра. Тропа пошла по морене, постепенно делясь и разбегаясь в разные стороны, переходя на лед. Вот здесь-то и была западня. Лето было теплым, и ледник стоял голым. Мягкий пушистый снег, по которому обычно в рекламных роликах бегают спасательные собаки в Швейцарии, испарился. И лед был не такой, по которому катаются чемпионы Олимпийских игр. Не гладкий и не зеркальный. Он состоял из кальгаспоров, таких изящных ледяных лезвий, которые образуются из льда при неоднородном его таянии под беспощадным азиатским солнцем. Эти когти дьявола с хрустом ломались под жесткими подошвами альпинистских ботинок, но жадно впивались в мягкие подушки лап собаки. Здесь и начался печальный путь нашего героя на Голгофу. Он быстро захромал на все четыре лапы, а затем за ним потянулся кровавый след. Саша срочно обработал и перевязал собаке раны. Смекалистые иркутяне, из команды болельщиков Он-Тора, сочинили ему сапоги из консервных банок, примотали их бинтами к лапам, сверху надели теплые носки и все это закрепили липкой лентой. В таком виде пес стал похож на боевого коня средневекового рыцаря. Он цокал консервными банками по леднику, издавая звуки кавалерийского эскадрона на параде по Красной площади в Москве. Металлические подошвы скользили по льду. Ребята

подсаживали его на подъемах и страховали при спусках по бесчисленным ледовым увалам и гребням.

Это только с вертолета кажется, что ледник Иныльчек ровный, как стол. А морены создают впечатление первоклассных автострад, которые проложил сам Господь Бог при сотворении земли. Но при ближайшем знакомстве с этим природным феноменом, оказывается, что ледник состоит из нагромождений льда, камней и бездонных трещин.

А над безжизненными ледово-каменными пространствами буквально ниоткуда возникали громадные черные Вороны – разведчики. Стервятники попарно внимательно разглядывали с высоты нашего героя, оценивая его упитанность на предмет использования его в качестве центрального блюда - «Сенбернар натуральный, свежемороженый», на банкете в честь победы Иныльчека. Но громкое цоканье копыт Он-Тора и сверканье ледорубов Иркутян, его преданных поклонников, показывали, что бой не окончен и черные предвестники беды, исчезали в никуда.

Одним словом, только на шестой день караван прибыл к базовому лагерю на Южном Иныльчеке. Он-Тор рухнул возле кухонной палатки, как подрубленный дуб, и проспал двое суток. Здесь же был собран международный «конвульсиум» – так окрестил это собрание Бирюк. Медицинские светила, в лице доктора белорусской команды Эдика Липеня и российского – Саши Горохова поставили диагноз и приступили к лечению больного. Они размотали грязные обмотки, сняли металлические копыта, промыли раны и намазали лапы секретным чудодейственным бальзамом из Белоруссии. За это время процесс приема пищи происходил следующим образом. Обслуживающий персонал заботливо подавал ему чашку с водой или кастрюлю с похлебкой. Больной, не шевеля телом, поднимал только голову, плюхал ее в кастрюлю с едой, потом оттуда раздавались звуки глубинного насоса и камнедробильной машины одновременно. Когда голова поднималась, совершенно чистая миска убиралась. Голова опять занимала спальное положение. Начспас высотного базового лагеря Вернер Бошман сделал срочный заказ на пошив комфортабельных горных спецсапог типа Берцы для служебной собаки. Здесь же представитель Киргизии,

токарь и по совместительству сапожник-любитель Гриня, снял мерку с лап пациента.

Через три дня наш боец встал на лапы, обутые в стильные Берцы от Грини и стал знакомиться с природой и аборигенами. А они представляли собой зрелище, достойное объектива хорошего фотографа. Базовый лагерь туристской компании «Тянь-Шань» обосновался на теплой морене под пиком Горького на высоте 4000 метров. Морену обтекала громадная туша ледника. Но, несмотря на заоблачное расположение, в солнечный день температура здесь поднималась до плюс пятнадцати градусов. В такие дни базовый лагерь был похож на восточный базар: яркие разноцветные палатки, разбросанные по увалам морены – все создавало праздничное настроение. Народ высыпал на воздух, используя каждую минуту хорошей погоды. Деловой гомон стоял над лагерьем: кто латал порванные куртки и спальные мешки, кто менялся снаряжением, гремя стальными кошками и карабинами, кто дебатировал, делясь грандиозными планами покорения местных вершин. Сибиряки возлегли на спальных мешках, ловя максимальное количество солнечной энергии, падающей на их бледные тела. Горячие испанские парни уже готовили на примусе экзотическое каталонское блюдо. Запах стоял убойный. Вокруг них вились всякие подозрительные личности, пытаясь попасть в число участников пиршества путем подкупа повара бутылкой высококачественного красноярского самогона.

Неожиданно общий гомон затих, как будто на базар пришел хозяин-базарком или на сцену вышла прима-балерина. Со стороны медпункта, слегка прихрамывая, на площадку у столовой вошел Он-Тор. Даже не вошел, а явился. Величаво и торжественно он встал посреди площадки. Доброжелательно оглядев присутствующий контингент, густым басом пес произнес:

– Гав! – в переводе это означало: вы клевые ребята, горы большие, мне здесь нравится! Этим он произвел неизгладимо благоприятное впечатление на иньльчекских аборигенов. С этого дня он стал звездой экрана, примой подиума и всеобщим любимцем в одном лице.

Но хорошая погода на Иныльчеке на вес золота. На следующий день с утра из лагеря потянулись группы любителей

острых ощущений. Кто на горы – Хан, Победу, Военных топографов, Погребецкого, кто – в обзорный трекинг по леднику. Опустел и наш «Спартаковский» лагерь. Мы ушли на Победу, а с нами ушел и доктор. Одиноким Он-Тор грустно обходил пустые палатки, инспектировал вертолетную площадку, осматривал территорию у столовой. Там его всегда ожидал самый теплый прием кухонной команды.

На счастье Он-Тора, его услуги горно-спасательной собаки в этот сезон не понадобились. Горы не использовали лавины в качестве смертельного оружия. Но это же обстоятельство огорчало Айболита. Он мечтал о том, что его воспитанник блеснет своим нюхом и выучкой в поиске и спасении людей из лавин. Тогда пес будет не просто любимцем публики, но и покажет, что не зря ест свой хлеб.

Тем временем дипломатические отношения сенбернара с ледником перешли в фазу вялотекущего перемирия. Изредка оно прерывалось недружественными выпадами. Он-Тор выходил на ледник для проводов или встречи лагерных групп. Свое неуважение к ледовому монстру он выказывал естественным образом. Задира лапу на ледово-каменный гриб, торжественно орошал его и с чувством хорошо выполненного долга трижды гавкал в поднебесное пространство, ожидая получить одобрительное эхо от величественных вершин.

Иныльчек не оставался в долгу. Однажды кухонная команда заметила, что Он-Тор очень пристально разглядывает на морене двух непонятных созданий. При ближайшем рассмотрении в бинокль фантомы оказались огромными Воронами. Теми самыми агентами Иныльчека! Эти крылатые остроглазые мусорщики, раскопали помойку от старой экспедиции тридцатых годов и громадными клювами пытались раздолбать поржавевшие банки тушёнки. Но жест в те времена делали на совесть. Банки сминались, но отдавать высококачественный продукт, предназначенный советским альпинистам, каким-то залетным стервятникам не хотели. Однако Вороны попались упертые и настойчиво продолжали клевать магнитогорское железо. Не зря же они залетели в такую даль.

Он-Тор возмущенно гавкнул на высокогорных бомжей. Видимо, этот лай на безмолвных ледяных просторах Вороны приняли за глас небесный и соображаловка стервятников за-

работала на форсаже. Один из них схватил банку железными когтями и взмыл вверх. Набрав в высоту метров сорок, он бросил ее вниз, целясь на выходы скал у помойки, но промахнулся. Банка ударилась о лед, сплюсчилась и осталась целой. Ворон спустился за очередной банкой, а другой кладоискатель оставался внизу и, похоже, корректировал банкометание. Это напоминало настоящую спланированную боевую операцию по обнаружению и захвату склада с провиантом. С третьего захода банка ударилась о скалу и лопнула. Вороны собрались устроить шикарный банкет. Но, не тут то было! Он-Тор не мог стерпеть такого наглого поведения стервятников на подотчетной ему территории. Он ринулся в бой. Благо фирменные Берцы от Грини спасли его лапы от ледовых ножей Иныльчека. Сенбернар, как торпеда влетел на археологическую помойку, готовый в пух и перья распотрошить врага. Однако Ворона не зря считают мудрым. Один из диверсантов с добычей в когтях полетел к каменному островку посреди ледника, чтобы продолжить банкометание по добыче провианта. Другой взмыл над помойкой с боеприпасом в когтях и пытался поймать в прицел живую мишень « а'ля Сенбернар». Но, несмотря на свой солидный вес и размеры, пес ловко крутился, проводя противоракетные маневры, и банка грохнулась о скалу и разбилась. Он-Тор с удовольствием слизал с камней качественную советскую тушенку и облизнулся. Враг был посрамлен.

Наше возвращение Он-Тор отпраздновал бурными объятьями с хозяином. Теперь Саша, после пика Победы был худшим килограммов на десять. А собака, благодаря стараниям пищеблока и благодетелей, набрала лишних десять килограммов. Когда счастливый пес, встав на задние лапы, передними обнял Сашу и облизал его, ослабевший доктор просто рухнул на каменистую морену.

В этот сезон Победа опять показала свой жестокий нрав. По классическому маршруту В.Абалакова на вершину последовательно взойшли команды Новосибирска и Красноярска. И на спуске, на высоте 6500 метров, сорвавшись на ледовом склоне, погибает сильнейшая связка В. Афанасьев – Р.Хусаинов. Их тела находит идущий вверх, доктор белорусской команды Эдик Липень. На следующий день на этом же месте срывается и по-

гибает сильнейшая связка Красноярцев – Валерий Беззубкин, Роза Беззубкина и Володя Милько. И снова их тела находит и хоронит в ледовой трещине команда Белорусов. Так и лежат они там, в звенящей тишине, наши замечательные друзья. И тела их сохранятся бесконечно долго. Очень холодно там и сухо. Идеальные условия для мумификации...

А почему не сняли? Не похоронили, по человечески? Все очень просто. Снятие тела с такой высоты 6500 метров и в таких условиях – снег, ветер, мороз, крутой склон 50 градусов, сама по себе технически очень сложная и дорогая операция. Она требует сильных, высокопрофессиональных спасателей. Но, главное, – это очень высокий риск. При проведении трансспортировочных работ может погибнуть еще несколько человек. Родственники и друзья погибших не хотят рисковать жизнями других людей. Вот поэтому на Победе нашли свое последнее пристанище около пятидесяти человек. Прекрасная и Жестокая Победа!

И нашим ребятам досталось не слабо. Команда шла параллельным маршрутом через пик В. Пшавела. Мужики по радиостанции слышала все переговоры команд на северном склоне. Но помочь чем-то не было никакой физической возможности. А морально... Идти по своему маршруту, когда почти на глазах гибнут товарищи, очень тяжело.

Август уже был на исходе. По утрам лужи звенели льдом. Альпинисты потянулись вниз в долину, к ласковому Иссык-Кулю. Сезон шел к концу. Вместе с ним приближался и тот день, когда нашему герою предстоял обратный путь. Доктор становился все печальней. Шестидневная прогулка по леднику с собакой в обратном направлении, даже в комфортабельных Берцах, совсем не казалась ему заманчивой. А мысль о том, что «верные друзья» через два часа лёта будут сидеть в пивнушке Пржевальского аэропорта с видом на бюст знаменитого путешественника и потягивать восхитительное пржевальское пиво, накрывала нашего Айболита зеленой тоской.

Вертолет делал два-три рейса в день. Его звук долетал по ущелью до наших ушей минут за десять до его подлета к лагерю. Этого хватало, чтобы дойти по тропе к посадочной площадке, которая носила гордое и громкое название «Аэродром пика Горького».

На каждый взлет и посадку подтягивалась свободная от восхождений праздная публика. Это было прекрасное шоу. Посадка и взлет груженого вертолета на высоте 4000 метров на такую площадку были верхом мастерства горного пилота. Вертолет в управляемом падении заходил на площадку, пилоты ловили воздушную подушку, и машина зависала над красным крестом, выложенным из мелких покрашенных камней. Винты рубили воздух буквально в десяти метрах от склона. Командир плавно опускал машину на площадку. Из вертолета выскакивал бортмеханик, осматривался и давал добро на окончательную посадку. Если это был пассажирский рейс, то для экономии топлива и времени пилоты не выключали двигателей. Посадка клиентов происходила в пожарном порядке, отработанными годами. На борт влетали рюкзаки и баулы с нехитрым альпинистским скарбом. Потом резвым сайгачьим аллюром под крутящимися винтами народ заскакивал в вертолет и располагался на бортовых сиденьях в салоне. Бортмеханик захлопывал дверь, командир добавлял оборотов и вертолет проваливался в обрыв. Потом выходил в поле зрения над ледником и, набирая скорость, уходил вниз к благам цивилизации.

Саша, конечно, пытался подружить Он-Тора с огнедышащим Драконом или, по крайней мере, уговорить на временное, двухчасовое перемирие, достаточное для обратного перелета. Но любви и даже взаимности добиться не удавалось. Когда вертолет высоко пролетал над лагерем, обиженный пес громко лаял на него. А если машина заходила на посадку над лагерем, то вредные гены брали свое, и он просто покидал поле боя и прятался в кухонную палатку.

Эвакуационный, «Спартакровский» рейс оказался грузовым. Вертолет был затарен из Майда-Адыра разборными финскими домиками, которые на следующий год должны были поднять комфорт в Базовом лагере на недосыгаемую высоту. Поэтому после посадки двигатель был выключен, задние створки открыты, и весь народ разгружал панели домов. Бирюк нашел для Саши попутчиков из соседнего лагеря, для пешего путешествия в Майда-Адыр. Откормленный и довольный Он-Тор, в стильных альпинистских Берцах и Айболит, с рюкзаком и трагической физиономией, выдвинулись из лагеря. Тропа с Голгофы к райским кушам Иссык-Куля пересекала аэродром. На обратный

перелет груза для вертолета было не много. Все продукты были съедены, веревки остались висеть на маршрутах. После высотных восхождений даже самые широкоформатные спортсмены стали обладателями фигур фотомоделей. Ребята закидывали в вертолет похудевшие рюкзаки. В это время печальный караван любителей путешествий по льду, камням и бешеным речкам торжественно шествовал мимо вертолета. Саша попрощался с отлетающими мужиками и замкнул процессию. Он-Тор, ожидал Сашу на краю морены. Он принципиально не замечал своего заклятого врага и как будто осматривал предстоящий скорбный путь по леднику. Бирюк прощально помахал рукой, и командир дал запуск. Опять запели скрипки компрессора

Пес резко встrepенулcя.

АИшка, эта пасть дракона, выстрелила огненным керосиновым облаком. Гром небесный прокатился по вершинам Тенгри-Тага. Вселенский оркестр грянул Иныльчекское форто! С пика Победы покатались грандиозные лавины. С плеча Горького слетел мощный камнепад, с вершины Чапаева грохнулись глыбы льда и разбились о скалы в мелкую пудру.

Неземные силы вселились в нашего героя. Мощными прыжками Он-Тор бросился на врага. Вселенский вой компрессора уже не пугал его. Словно неуправляемая ракета, по пути он сбил с тропы оторопевшего Айболита, перемахнул через гору финских стройматериалов, нырнул под вращающиеся винты, отбросил от дверей бортмеханика и, как бомба, влетел в салон. Распихав пассажиров, пес улегся на сиденье и, заняв при этом три пассажирских места, положил свою счастливую слюнявую башку на колени оторопевшей поварахи. Народ безмолвствовал. Винты уже набрали обороты, когда запыхавшийся Айболит ввалился в вертолет. Его лицо источало вселенское счастье.

И это была двойная победа Он-Тора. Во-первых, в брюхе огнедышащего Дракона оказалось очень даже комфортно. Во-вторых, эта страшная, громоподобная огнедышащая железяка послушно и бережно несла Он-Тора в своем чреве над жестокими ледяными валами Иныльчека к благам цивилизации. И если прибавить сюда главную победу нашего героя, победу над собой и над растреклятыми генами, то чистый выигрыш заслужил наш славный Он-Тор. Лучший друг Человека.

ПОЭЗИЯ

Михаил СИНЕЛЬНИКОВ

КАПА

* * *

Моё коньцарство, страна коньборства,
Страна верхоконного злого упорства
Во все времена.
И девочка хлещет наездников плетью
И страстно несётся к иному столетию...
Моя ли страна?

Ведь в северном городе бронзовы кони.
Недаром на Юге от этой погони
Укрылась семья.
И тусклое небо далёко, далёко,
И гулкотабунные степи Востока –
Отчизна моя.

Мне скачки в младенческой снились истоме,
Я видел, как мальчика на ипподроме
Сажают в седло,
И трогает сердце родимая грива,
И сдвинулось время, и вихрем порыва
Лицо обмело.

Однажды в детстве

В пустынном доме
Был заперт я,
И вся в истоме
Душа моя.
Припав к решётке,
Гляжу в окно,
Черты нечётки,
Кругом темно.
Блеснули горы
Невдалеке,
Уснули воры
На чердаке.
Чадила лампа,
И зыбь ковра,
Как рябь эстампа,
Была пестра.
Замкнули двери
Отец и мать,
И нежной пери
Я мог внимать.
Необычайна,
Как речь без слов,
Сквозила тайна
Из всех углов.

Стрекоза

Страна бурьянов,
Где стрекоза
Стрекочет, глянув
Во все глаза.
О, этот синий,
Зовущий взор,
Зелёных линий
Резной узор!

И что дороже,
И что милей
Прозрачной дрожи
В тиши полей!
Осиротело
Журчит вода...
- Ты улетела!
Скажи, куда?
Трава глухая,
И в ней – дитя...
Будь с ним, порхая
И тарахтя!
К тому ребёнку
На берегу,
Тебе вдогонку
Всю жизнь бегу.

Пыль

*То мельница, то соловей...
Афанасий Фет*

То черепаха прочь пошла,
По гравию стуча,
То беркут расплеснул крыла,
То – в пене алыча.
То расцветающий урюк,
То слившийся в одно
И разрастающийся звук
Базара и кино.
То репродуктор говорит,
То жар и темнота,
То серебро и лазурит
Ферганского хребта.
То драный пёс, то ссыльный князь,
То случай, то судьба,
То надписи арабской вязь,
То пыльная арба.
И эта пыль начальных дней,
Мятущаяся мгла,

Всей жизни прожитой сильней,
И всё ещё тепла.

* * *

Пожалуй, расскажу, как выжить в урагане:
С артелью печников скитайся по Мугани,
Не то, что символизм, а грамоту забудь!
Решишься – сам в Норильск плыви на ледоколе,
Вольнонаёмный труд прими по доброй воле.
Не хуже Енисей и долгий санный путь.

Иль по степям беги, ешь сусликов – не фыркай,
Ты будешь сундуки и колыбели с дыркой
Строгать без устали – судьба твоя проста.
И, если повезёт, стань в Бухаре таджиком.
Укромных много мест в отечестве великом,
Но только успевай переменять места.

А хочешь, поезжай хоть в мой Джалал-Абад,
Где в споре кетменей и сточенных лопат
Арычная вода бежит на огороды.
Где я из школы шёл, виденьями объят.
Влюблённый, трепетал от счастья и свободы.

* * *

В рыхлом русле камни грубы,
В крупной гальке островки,
И невидимые трубы
Вторят рокоту реки.

Завывая, ветер дует.
Будто в царстве белых гор,
Войско духов негодует
И трубит в ущелье сбор.

Грустно так и одиноко
Было в отрочестве мне.
Проносила мощь потока
Много щёбня по волне.

Я ль в том мире злом и снулом
Знал, как будет жизнь долга!
Прибегал я, полный гулом,
На глухие берега.

И влекла меня пучина,
И на отмелях пустых
Я заплакал беспричинно
И сложил свой первый стих.

В отцовском столе

Письма здесь за стопкой стопка
Придавили полувек,
А под ветошью коробка
С резкой надписью «Казбек».

В этом доме не курили,
Разве кто-нибудь занёс,
Но – лишь запах цепкой пыли,
Малость целых папирос.

Жизней канули окурки,
И картинка так стара –
Скачет всадник в чёрной бурке,
Блещет белая гора.

Это времени лавина
И влетевший в пепел лет
От Кулиева Кайсына
Неожиданный привет.

Капа

С тайной мыслью о злом дровоколе
Там орешины горных щелей,
Может быть, содрогаясь от боли,
Гонят свой перламутровый клей.

Топором или барсовой лапой
Мимоходом пораненный ствол
Защищается радужной капой,
Красотою недужной зацвёл.

Эти радуги – все от недуга.
Купят в Лондоне ценный наплыв,
Все оттенки небесного луга
В изощреньях своих применив.

Так случается с диким орехом,
Так забвенья струится раствор
Из души, переполненной эхом
Голосов и серебряных гор.

Гул

Воплощённое время горланит, орёт,
Завывая, бренчит и бренчит,
Веселит и печалит густой народ,
Отзывается стуком копыт.

Нет, не ведал об этих краях Манас,
Только беркут над ним парил.
Этот гул надрывался и землю тряс,
Бесприютным так долго был.

О, не сразу нашлась для него страна,
И столетья среди степей
Сеять стрелы пришлось и терять стремена,
Но пришёл сюда Семетей.

Чтобы ветер с вершин камыши согнул
Перед лебедью Ай-Чурек...
Грубокаменный катится ровный гул
Перейдённой тысячи рек.

Саякбай Каралаев

Хрипло кашлянув, пролаяв,
Чтобы голос не угас,
Начинает Каралаев
Неисчерпанный «Манас».

И очнулись от дремоты
Эти струны и колки,
Потекли водовороты
Нескончаемой реки.

Мчится в огненной метели
И с бесчисленным врагом
Он воюет две недели
В нетерпении тугом.

С вереницей междометий,
Для которых сносу нет,
Из неведомых столетий
Выбирается на свет.

Сам ещё в заветной были,
У своих бурлящих рек,
Но спешат автомобили
В этот будущий Бишкек.

Но сонливый день покуда,
И по улицам бредёт,
Как волшебника причуда,
Милый фрунзенский народ.

И шумит зелёной чащей,
Веет степью кочевой
Этот голос дребезжащий,
Зарастающий травой.

Автобус

Вся в николаевских полтинах,
Текла, когда автобус вёз,
И трепетала в кольцах длинных
Живая россыпь чёрных кос.

От прядей, вымытых айраном,
В пути спирало дух, пьяня.
Карга с мешком, старик с бараном
Сурово стиснули меня.

Не кончатся поездки эти,
Ведь сердце в тот далёкий год
Сдавили женщины и дети,
Весь поглотил меня народ.

Сквозь времена и разговоры
В непрекращающемся сне
Всё еду, еду, еду в горы,
Взбираясь к новой крутизне.

Озеро

Синева твоя и воля
Посреди прибрежных гор –
Не глоток ли алкоголя
И с душою разговор!

Наважденье от колдуний
Над изменчивой водой –
Юной в блеске полнолуний,
В бурю грозной и седой.

Поплыви, и вдруг привстанут
И посмотрят с высоты,
И огнём багряным грянут
Златоглавые хребты.

Вот последняя граница
И награда, и притин,
Где решил похорониться
Путешественник один.

И, простясь с имперской силой,
Опростев в родном краю,
Дряхлый беркут над могилой
Топчет древнюю змею.

Джалал-Абад

И что-то вымолвить желая,
И немотой поражена,
Соседки внучка пожилая
Рукою машет из окна.

Прощай, исток моей печали,
Круговорот минувших душ!
Вернуться суждено едва ли
В их золотеющую сушь.

Куда-то жар дневной умчало,
Сгустилась гари пелена,
И жизни выпито начало,
Но жажда не утолена.

* * *

По скалам взойди и постой над раздолом,
И взглядом простор обними!
Вот снова холмы, где под вихрем весёлым
Я бегал с другими детьми.

Немного узнал я о жизни и смерти,
Вернулся на это плато,
Где ветер остался; в его круговерти
Мелькнувшие годы – ничто.

И я отпускаю воздушного змея,
И пусто и сладко в груди,
Как будто взмывает душа, не старея,
И всё у неё впереди.

* * *

А вот и мостик, за которым
Её проулок, старый дом,
И ходят камни под напором
Реки в стремленье молодом.

И за дворцом наркобарона
Внезапно ветра взвил порыв
Светлозелёные знамёна
Ещё живых прибрежных ив.

От прошлого – такая малость,
И всё же хватит, может быть,
Чтоб ненароком вызвать жалость,
Случайно юность пробудить.

Бишкек

Г.А.

А меж тем это город, в котором
Той колдуньи давно уже нет,
Что пронзала всезнающим взором
Приближенье прихлынувших лет.

Но куда ненароком ни гляну,
Встречу этих зрачков остриё,
Словно снова пришёл под охрану
Неспокойного духа её.

Да ведь кто же здесь толком узнает
Посреди каждодневных забот,
Чья при жизни душа умирает,
Чья по смерти живёт и живёт.

В доме Алыкула

Утварь тихого музея
Так обыденно проста.
Этот быт, забвеньем вея,
Обступает пустота.

Речь твоя прошла, как туча,
Над горами в серебре,
Но лишь яблоня живуча
В этом маленьком дворе.

Только музыка в остатке –
Ни потомства, ни родни.
Только вязкий, кисло-сладкий
Привкус яблок в эти дни.

Так они в исходе лета
Розовеют, не горчат!
И, как будто в грудь поэта,
В землю гулкую стучат.

Анэс ЗАРИФЬЯН

ИЗ СТИХОВ ЛИРИЧЕСКИХ, А НЕ САТИРИЧЕСКИХ

* * *

Удар копья
 пришёлся в сердце зверя...
А страшной ночью,
 греясь у огня,
Охотник прошептал
 в сырой пещере:
«Любовь моя!
 Не покидай меня!»

Воитель Рима,
 гордый и надменный,
По миру шёл,
 спокойствие храня,
Но повторял
 в поэмах неизменно:
«Любовь моя!
 Не покидай меня!»

Судьбы десница
 рыцаря карала,
Он падал ниц,
 доспехами звеня, –

И слабый шёпот
бился под забралом:
«Любовь моя!
Не покидай меня!»

Наш жёсткий век
не падок на сердечность,
Всё холодней
иронии брони,
Но те же губы
шепчут через вечность:
«Любовь моя!
Не покидай меня!»

* * *

Я – зверь.
Но ты меня погладь,
Коснись
горячего загривка
И ласки
нежною прививкой
Попробуй зверя обуздать.

У ног твоих
хочу я лечь,
Дыханье хриплое смиряя.
Хочу, другим не доверяя,
Тебя, любимая,
стеречь.

Но если вдруг
почую ложь,
Подобную
змеистой твари, –
Такая боль
в меня ударит,

На ветру, как жёлтый лист, верчусь,
За двоих с лихвою расплачусь.
Сядь-ка, выпей старого вина...

А сегодня в дом вошла она.
«Я тебе, – призналась, – не верна,
На разлад с собой обречена.
Ты ведь сильный. Сможешь ли помочь?
Подари, прошу, мне эту ночь.

От тоски осенней излечи.
...Отчего вино твоё горчит?»

– Не грехи на терпкое вино –
Многих вин целебнее оно.
Я спиной к тебе не повернусь,
До слезы осенней дотянусь,
Со щеки твоей её сотру.
Будешь ты счастливою к утру.

Я себе весёлым стать велю,
Я тебя от грусти исцелю,
А моя – останется при мне.

Осень – в сердце.
Истина – в вине.
...В моей вине.

* * *

Нет
в моей любви уюта.
Я ль виновен, что она
Не квартира, а каюта? –
За волной идёт волна.

Нет
 в моей любви везенья –
Самолётик без руля.
Парашюта для спасенья
Не сыскать.
 Молчит земля.

Нет
 в моей любви резона –
Полустанки мельтешат...
От плацкартного вагона
Не устанет ли душа?

Нет
 в моей любви расчёта.
Помолись же, не кляня,
Сразу Господу и чёрту –
За себя и за меня.

СЛЕГКА НЕ ПО ШЕКСПИРУ

Мне видится,
 что Яго был бедняга,
А вовсе не коварен,
 не жесток.
Из слабости решил
 себе во благо
Использовать
 им найденный платок.

Мне мыслится,
 что мавр венецианский
Тиранствовал,
 как всякий бывший раб;
Привык себя вести
 по-хулигански

В твоих глазах
я вижу лишь себя,
А ты в моих –
своё изображение.

В зелёных
отшлифованных зрачках,
Чуть только
подойду к тебе поближе,
Кривляются
два жалких дурачка,
Которых я
за сходство ненавижу!

Но знаю:
и тебе неволю
(Не оттого ль
наигранно хохочешь?)
В глазах моих
всечасно видеть ту,
Двулицую,
какою быть не хочешь.

Я взгляд холодный
прячу, словно вор,
Боясь случайной резкостью
обидеть.
Довольно на меня
смотреть в упор!
Закрой глаза –
позволь тебя увидеть!

Назойливую лампу
потуши.
Быть может,
в темноте прозреют двое.
Глаза и вправду
зеркало души...

Чужой души...

И зеркало – кривое...

1980–81 гг.

* * *

Ни машин, ни шагов,
ни объятий,
ни тайных свиданий –
Только звёздная дрожь,
фонарей нагловатая спесь.
Телефонные будки...
забытые исповедальни...
Никого не найдёшь,
кто рискнул бы
покаяться здесь.

Мостовая блестит,
как огромных размеров
галоши.

Я иду, пересмешник,
мятежник,
себе господин.

Если все норовят
записаться
в благие святоши,
Значит, должен быть грешник –
хотя бы,
хотя бы один!

Как пустынно вокруг!
Не сыскать мне
друзей своих прежних.
Та, что грезилась, – спит,
отдыхая
от дум и вранья.

Чтоб считаться святой,
 нужен ей
 хоть какой-нибудь грешник.
Если должен быть грешник,
 пусть буду
 тем грешником
 я!

* * *

«Седина – в бороду,
 бес – в ребро!»
Предпочту золоту
 серебро.
На года плюну я,
 раб былой! –
Предпочту юную
 пожилой,
Предпочту грешную
 всем святым,
Её страсть нежную –
 снам пустым.
Не бывать холоду!
 Пой перо!
«Седина – в бороду,
 бес – в ребро!»

* * *

И я не жалел,
И меня не жалели...
От пылких романов
Мы слишком шалели!

И я не щадил,
И меня не щадили...

В момент расставанья
Ещё и шутили!

И я покидал,
И меня покидали...
Да что там! – всё новые
Виделись дали...

И я не нашёл,
И меня не нашли...
А лучшие годы
Так быстро прошли!

* * *

*...Вы пропойте, вы пропойте
славу женщине моей.*

Булат Окуджава

Пропойте Женщине хвалу! –
Не той, весёлой, легкокрылой,
Что всем нам головы кружила
На жизни ветреном балу.

Пропойте Женщине хвалу! –
Той, неизбывно одинокой,
К чьей ласке, нежной и высокой,
Нас тянет властно, как к теплу.

Пропойте Женщине хвалу! –
Той, по-житейски благородной,
Что нас, усталых и голодных,
Зовёт к нехитрому столу.

Пропойте Женщине хвалу! –
Той, на кого так зло и колко
Глядят порой глаза-двустволки,

Кристина
УБАЙДУЛЛАЕВА

НОВЫЕ СТИХИ

Кай

Хорошо быть снегом, лететь за тобою следом,
Прятать твой силуэт в белоснежных пушистых звездах.
Я иду, и ты глубже вдыхаешь колючий воздух,
Ты не ждал меня и едва ли простился с летом.
Не заменит, знаю, беспечного разноцветья
Белый бархат сугробов и льда серебристый глянец,
Но тебе так к лицу этот зимний скупой румянец,
Что другим оттенкам не место на этом свете.
Ты и сам полюбишь холодную безупречность
Симметричных сверкающих линий, хрустальных граней,
И морозным узором, причудливой филигранью
На стекле напишешь волшебное слово «Вечность».
Мы уйдём, накинув серебряный дым на плечи,
Чтоб навек затеряться в заснеженных сонных парках.
Таает мой поцелуй на губах непривычно жарких,
Ледяной звездой, обещанием скорой встречи.

Я изучаю тебя – осторожно,
как редкую птицу,
Слушаю песни твои и люблюсь
магическим танцем,

Но не иду за тобой – мне тревожно,
что может случиться,
Если, став ближе на шаг, не смогу я с
тобою расстаться.

31 августа

По углам небесного чулана
Облака разбросаны небрежно:
Лето собирает чемоданы,
Лето покидает побережье.
Отливая мягким перламутром,
Волны дышат глубоко и ровно,
А на горизонте златокудром
Догорает алая корона.
Это было тихое прощанье,
Будто не на год, а на неделю,
Только рябь на отмели песчаной
Пронеслась мурашками по телу.
Осень прибывает завтра утром...

Кто нас придумал, детка,
Сплавил, собрал, построил
И отпустил на волю –
Помнишь, как мы летели?
Фиги с запретной ветки,
Будущие герои,
С невыносимой болью
К недостижимой цели.
Пламя, вода и трубы...
Как мы в живых остались,
И не разбились оземь,
И не сошли с катушек?
Твари скалили зубы,
Но подойти боялись:
Жгли их немой угрозой
Лейблы на наших душах.

Мы же их не щадили.
Вой отличить от плача
Часто не удавалось.
Что нам чужие чувства?
Слёзы ли крокодильи,
Нежности ли телячьи,
Нам незнакома жалость,
В наших настройках – пусто.
К дому забудь дорогу,
Плотно закрыты двери
И тишина за ними,
Хоть под окном – окурки.
Кто нам придумал бога?
Кто нас заставил верить?
Вспомни хотя бы имя
Чёртова демиурга!
Если не отзовётся –
Так хоть помянем всуе,
Чувствуя каждой клеткой
Боли стальное жало.
Чёрная копоть вьётся,
Нашу судьбу рисуя,
Кто мы такие, детка?
Лучше не знать, пожалуй.

Всё пройдёт, и твоя печаль
Превратится в золу с рассветом,
И впервые не будет жаль
Расставаться с плаксивым летом.
Откровения на песке,
Что чертила рука невольной,
Непрочитанные никем,
Уничтожат ночные волны.
Этот берег не любит тайн,
Собеседник ему не нужен.
Если хочешь звезду – взлтай,
Если жемчуг – ныряй поглубже,

Но не медли, не пустословь,
Здесь и так чересчур тоскливо.
Всё пройдёт и вернётся вновь,
Как пропавший челнок, с приливом.

Добрый гений

Мой добрый гений рядом не со мной,
Его второе имя – Неизвестность,
И нет ни крыльев за его спиной,
Ни ореола святости небесной.
Не взглянет, не окликнет, промолчит,
Но я не жду его благословений,
Я знаю точно: в призрачной ночи
Хранит меня от слёз мой добрый гений.
Под зорким оком тлеющей луны,
Прогнав долой заботы и усталость,
Он сочиняет сказочные сны,
Чтоб я смотрела их и улыбалась.

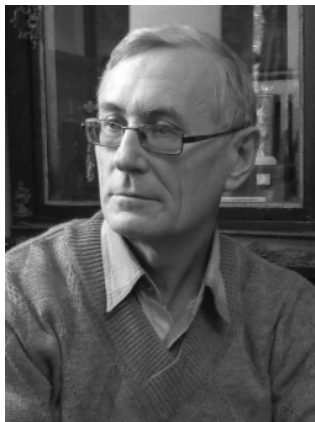
Кокон

*Как некогда в разросшихся хвощах
Ревела от сознания бессилья
Тварь скользкая, почуя на плечах
Еще не появившиеся крылья.
Н. Гумилев*

Меня завернули в кокон,
Никто меня не поранит,
Никто меня не обидит.
Я в небо гляжу из окон,
Кричу и машу руками,
Но небо меня не видит.
Мигая лучистым оком,
Лелея других, крылатых,
Оно, как всегда, безопасно.

И крепнет надёжный кокон,
И давят тугие латы,
Стремясь удержать навечно
Ту силу, что раньше срока
Проснулась под мягкой кожей
И грубо наружу рвётся,
Трещит и пылает кокон,
Пронизанный мелкой дрожью,
Но держит, не поддаётся.
Однажды пробьются крылья,
Ломая хребет и рёбра.
Безумным цветным потоком,
И сны мои станут былью.
Но кто-то большой и добрый
Меня пеленает в кокон:
«Никто тебя не поранит,
Никто тебя не обидит».

ОЧЕРКИ. ПУБЛИЦИСТИКА

Александр КАМЫШЕВ

НУМИЗМАТЫ И «НУМИЗМАТЕРИ»

*В лучах чужой бессмертной славы,
погреться каждый не дурак.*

*(Песня из кинофильма
«Дульсинья Тобосская»
по мюзиклу Г. Гладкова).*

Аня Белова

Атеистическое воспитание эпохи развитого социализма не допускало мистики и досужих размышлений о предназначениях судьбы. Человек сам кузнец своего счастья, а пророчества гадалок и гороскопы – пережитки мрачного средневековья и царского режима, – внушали нам советские учителя. Этот принцип укоренился во мне навеки, и поменять его уже не представляется возможным, хотя порой, вспоминая прожитые годы, нельзя не заметить целый ряд удивительных случайностей, приведших в конечном итоге к результату, о котором я узнал еще в двенадцать лет от одноклассницы Ани Беловой.

Анин папа – начальник железнодорожной станции Плотниково – считался большим человеком. Жил он с женой и дочкой в доме, построенном для железнодорожников по дореволюционному типовому проекту. Интеллигентом он прослыл из-за двух этажерок с книгами, к тому же Беловы скотину не держали, огород не сажали, а в своем палисаднике и рядом с вокзалом разбивали большие клумбы. Всей семьёй они белили и поправляли кирпичи, поставленные под углом, наподобие зубчатой короны. Городские цветы, зажатые кирпичной оправой, особых восторгов у односельчан не вызывали, поскольку сразу за железной дорогой начинались вольные луга, покрытые вес-

ной ковром из крупных подснежников, а летом ярко красными жарками.

– Интеллигенция, всё у них как не у людей, – говорила нараспев мама, – лучше бы морковку посеяли. – В нашем многодетном крестьянском семействе слово «интеллигенция» повторялось часто по разному поводу, то с сожалением, то с пренебрежением. «Интеллигенцией» мама, которой учиться не довелось, обзывала и меня, когда провинюсь или сделаю что-нибудь не так.

Несмотря на негативное восприятие интеллигенции, Аня мне нравилась, даже очень: во-первых, она была отличницей, во-вторых, сидела со мной за одной партой и разрешала списывать, а еще она знала несколько фраз на английском и обещала меня им обучить. Однажды она принесла в школу небольшую книжцу из отцовской библиотеки, и украдкой, вынимая её на переменках, показывала подружкам. Те, сбившись в тесный кружок, интригуя охали с видом заговорщиков, перешептываясь между собой, подогревая интерес к старой брошюре. На просьбу посмотреть таинственную книжку Аня почему-то ответила отказом. Глядя на меня своими добрыми светлыми глазками, она произносила решительное «нет», и мне пришлось ходить за ней целую неделю, пока она уступила, взяв с меня «честное пионерское» никому об этом не говорить.

Так после долгого возжелания запретного плода я познакомился с антинаучным дореволюционным изданием «Гороскопа». Сейчас дословно не воспроизвести предначертанное будущее для тельца, под чьим знаком я родился, но запомнились сведения, что суждено мне добиться успеха по коммерческой и научной части, поскольку деньги будут липнуть к моим рукам. Тогда я воспринял это дословно, тщетно пытаюсь раскрытой ладошкой поднять лежащие на столе монетки. Неудачи укрепили мнение о шарлатанстве предсказателей, ведь трудиться в Сельпо «работником прилавка» я не собирался, а мечтал, когда вырасту, стать путешественником.

Копить монеты (слово «коллекционировать» в обиходе не использовалось) также представлялось скучным занятием. Да и где их возьмешь? Другое дело спичечные этикетки, их собирали многие мальчишки в классе. Увлечение, не требующее особых затрат, надо только незаметно для мамы умыкнуть лежащие у

печи спички и осторожно отлепить картинку. Можно меняться с другими пацанами, хотя за этикетку с первыми спутниками Земли и погибшей собачкой «Лайкой» просили пять коробков с идущими по степи верблюдами. Простейшие способы пополнения коллекции быстро себя исчерпали, наклейки на завозимых в Сельпо спичках не отличались многообразием сюжетов. И тогда Володька Скорюпин, близкий друг, заразивший меня идеей накопить тысячу разных наклеек, предложил оригинальный метод. Каждый вечер мы с ним бежали на станцию к прибывающему поезду Кисловодск-Новокузнецк и досаждали выскочившим покурить пассажирам обменом спичечными коробками.

– Дяденька, давайте меняться спичками, – канючили мы, бегая вдоль состава, пытаясь за короткие минуты стоянки охватить как можно больше курильщиков. Поиски новых экспонатов напоминали настоящую охоту, будоражащую кровь борьбу со страхом при обращении с подвыпившими незнакомцами, которые долго не понимали, что от них хотят. Кроме нас у тамбуров крутились местные торговки, предлагавшие пассажирам семечки, вареную картошку, посыпанную укропом и варенные куриные яйца, тем самым отвлекая по пустякам наших поставщиков коллекционных экспонатов. Проводив поезд, мы захлебывались от восторга, обмениваясь впечатлениями от удачных приобретений.

Осенью набег на станцию пришлось прекратить. Кто-то из торговков пустил слух, будто мы попрошайничаем около поезда. Мама и раньше считала моё увлечение глупой интеллигентской забавой, а теперь грозилась сжечь тетрадку с этикетками. Пришлось оставить коллекцию на сохранение Ане.

На день рождения Красной Армии девочки готовили будущим защитникам Родины подарки. В преддверье праздника они шушукались по углам, и в воздухе висело предчувствие тайны. Вытягивали одноклассницы из шапки бумажку с именем избранника или обсуждали личные предпочтения, оставалось секретом. Томительное ожидание праздника сопровождалось мечтой получить подарок именно от Ани. Презенты выбирались самые незатейливые и в школе необходимые; книжки, цветные карандаши или почтовые открытки, с подписанными под диктовку учительницы пожеланиями. Мальчишкам право выбора не давалось, они делали на 8 марта ответный подарок.

Серьезная или как сейчас сказали бы «продвинутая» Аня на 23 февраля вручила мне брошюру «Твоя коллекция», издательства ЦК ВЛКСМ, на обложке которой красовались изображения монет, марок, почтовых открыток и спичечных этикеток. Изобилие необычной информации поражало воображение, хотя соседке по парте хотелось просветить начинающего филумениста, как правильно собирать спичечные наклейки, меня увлекли прорисовки старинных и иностранных монет. На них я любовался часами, рассматривая экзотических зверей и птиц, величественные парусники, портреты правителей и многое другое. Заморские страны с «несерьезными» изображениями на денежках причудливой формы представлялись обителью с легкой и безмятежной жизнью. Эта брошюра стала первой ласточкой в популяризации нумизматики, считавшейся в Советском Союзе уделом ученой братии. Коллекционеры моего поколения вспоминают о ней с большой теплотой. С тех пор я тоже решил собирать монеты, а все накопленные этикетки достались Володьке в обмен на затертый медный пятак 1831 года. Друг уверял, что этой монеткой рассчитывался Александр Сергеевич Пушкин, и я ему верил.

Страсть, охватившая меня, вытеснила другие интересы, хотелось думать лишь о монетах, читать о них, говорить о них, со стороны я, наверное, выглядел страшным занудой, зациклившимся на своем увлечении. Распаленному мозгу требовалась новая информация, но из литературы по нумизматике в сельской библиотеке мне предлагали только трагедию Пушкина «Скупой рыцарь» и Стивенсона «Остров сокровищ», и опять на помощь пришла Аня, снабдив меня дореволюционным изданием лекций «Древняя нумизматика». Книгу я читал и перечитывал, безуспешно пытаюсь уловить суть в обилии терминов, написанных на греческом и на латыни. Брошюру я вернул через месяц, переписав лишь места, смысл которых понял, признаюсь, их не набралось и на половину ученической тетрадки. Следующей книгой, под большим секретом принесенной Аней, был каталог русских монет нумизматического магазина В. И. Петрова в Москве. В свою тетрадку я переписал выдержку из предисловия к изданию 1899 года и потому могу воспроизвести её полностью.

«Занимаясь с 1865 года церковной живописью, я не раз

сталкивался с целой кучей монет, валявшихся по монастырским колокольням и сараям. Разбираясь с любовью в свободное время в этой позеленевшей меди, я мало помалу окончательно пристрастился к нумизматике и убедился, что знатоку-собирателю монетной старины необязательно быть ученым историком». Последняя фраза подчеркнута в тетрадке красным карандашом, и рядом дописано шариковой ручкой уже гораздо позднее: «но желательно». В каталоге помещались прорисовки российских монет от удельных князей до Николая II. Их просмотр приносил ни с чем несравнимое наслаждение, я представлял, в чьих руках могла находиться такая монета, и фантазии уносили меня в далекое прошлое. А еще я мечтал стать археологом и разыскивать древние клады.

Авторы нескольких брошюр из библиотеки Аниного папы в тетрадку не внесены, остались лишь выписки о том, как расшифровывать сокращения легенд на римской антике и средневековых европейских монетах. Последняя запись в тетрадке, наоборот, сохранила только фамилию археолога-консультанта Узкомстариса М.Е. Массона и название прочитанного оттиска статьи 1933 года «Клад утвари мастерской фальшивомонетчика XIV века под Ташкентом». Кто бы мог предположить, что эта фамилия будет встречаться на моем жизненном пути неоднократно.

Много лет спустя, сопоставив факты о крайней редкости книг, интересных лишь узкому кругу специалистов, и то, что нумизматику в досоветские времена называли «увлечением князей», я мучаюсь в догадках, а не хранились ли в семействе Беловых и сами монеты? И не аристократических ли кровей моя первая пассия? А, может, и я сам?

Аня заканчивала шестой класс, когда её отца перевели на узловую станцию в город Ленинск-Кузнецк, больше я никогда не встречал эту девочку, предопределившую мою судьбу.

Ракинцев Владимир Алексеевич

По семейным обстоятельствам в 1977 году я переехал во Фрунзе и устроился на работу в Институт инженерных изысканий Киргиз ГИИЗ. Почти сразу я влился в ряды клуба нумизматов,

встречи которого проходили по воскресным дням в парке имени Панфилова, именуемый старожилами «Звездочка». На тенистой аллее одного из лучей на скамейках сидели маститые коллекционеры со своим товаром. Начинающие собиратели, прогуливались вдоль скамеек, рассматривая в самодельных кляссерах и на планшетах царские копейки и иностранные монетки, случайно залетевшие через «железный занавес». У коллекционеров со стажем еще не выветрились из памяти «Дела нумизматов», прокатившиеся по всему Советскому Союзу, когда владельцы крупных коллекций монет из драгоценных металлов попали под жернова закона, приравнявшего валютчиков и нумизматов. В литературе того времени даже делалась оговорка «советские коллекционеры золотые и серебряные монеты не собирают». Тем не менее, такие монеты имелись в потайном кляссере почти у каждого, но их, завернутых в бумажку с определениями, не показывали новичкам и незнакомцам.

Когда я впервые попал в парк Панфилова, глаза у меня разбежались от обилия монет, хотя небольших сбережений, оторванных от семейного бюджета, хватало лишь на пару затертых пятак, но и их купить оказалось проблематично. Продавать монеты никто не хотел, предпочтение отдавалось обмену. «Обмен—обман», — шутили между собой нумизматы. В коллекционировании, как и на бирже, выигрывает тот, кто больше знает и свободно ориентируется в ценах на нумизматическом рынке. Часто незначительная деталь, к примеру, рубчатый гурт на 3 и 5 копейках 1924 года увеличивает стоимость монеты в десятки, если ни в сотни раз.

В лучшие свои времена фрунзенский клуб нумизматов насчитывал около четырехсот активных членов, еженедельные встречи и общения с удивительными неординарными людьми разнообразных профессий, сохранились в памяти множеством интересных и занимательных случаев. Упоминание одних и замалчивание других может расцениваться, как знак неуважения к моим друзьям, как коллекционерам, так и ученым-нумизматам. Потому, оставив эти воспоминания пока за скобками, расскажу лишь о самых близких и тех, кого уже нет рядом.

Мэтром среди Фрунзенских коллекционеров почитался Владимир Алексеевич Ракинцев по профессии инженер-энер-

гетик, занимавший какой-то важный пост. Высокий, прямой, немногословный старец всегда садился на крайней скамейке у входа, и на его место никто не покушался, даже если мэтр отсутствовал. Обменный фонд он носил в газетах или плотных листах, свернутых в виде рулета, где начинкой выступали монеты на все вкусы. Полной его коллекции увидеть мне не довелось, но среди монет, приготовленных для обмена, насчитывались десятки рублевиков Петра I, его супруги Екатерины и дочери Елизаветы Петровны и увесистый пакет с трофейными серебряными монетами кайзеровской Германии, которые ценились невысоко.

– Покажите, что у вас есть, – повелевал Владимир Алексеевич, встречая всех заходящих в парк. Пользуясь непрерываемым авторитетом, он первым осматривал приносимые на продажу монеты. Новички также вытряхивали перед ним из спичечного коробка или из кармана разные монетки. Зажав их в свою огромную ладонь, Владимир Алексеевич восседал в полной задумчивости, и складывалось ощущение, что он забыл о своем существовании и принял монеты в качестве невозвратной дани. Удивить профессионала сложно, но иногда, как бы очнувшись ото сна, мэтр снисходил до короткой фразы:

– За все могу дать десять рублей.

Перед коллекционерами он разворачивал газетную колбаску с равноценными, на его взгляд, монетами. До торгов он не опускался, если выбрать на обмен из предложенного изобилия не удавалось, он возвращал приглянувшуюся ему монету. Иногда Владимир Алексеевич, находясь в хорошем настроении, раздавал любознательным подросткам по горсточке мелочи, под устные гарантии, что все найденные монеты они будут приносить ему.

– Это словно мелкая песчинка, подброшенная в раковину, глядишь, через несколько лет вокруг неё как жемчужина вырастит новая коллекция, – предрекал Владимир Алексеевич. Самое интересное, что он оказался прав, многие местные коллекционеры вспоминают его как основоположника своего увлечения.

Как ветеран нумизматического общества Владимир Алексеевич тщательно следил за соблюдением правил и традиций.

При совершении купли-продажи все остальные коллекционеры не вмешивались в сделку и не перебивали цену, а терпеливо ожидали её завершения, а уж после этого по очереди осматривали оставшиеся монеты. Особенно нетерпеливым Ракинцев делал строгое замечание, а при повторном проступке общество игнорировало торопыгу, не вступая с ним в контакты.

Как-то раз желание положить редкую монету в коллекцию напрочь отключило способность к мышлению. В кляссере у заезжего паренька я увидел несколько «панतिकопеек» – бронзовых монет из причерноморского античного города Пантикапей, на которых изображалась голова быка. Отличной сохранности, покрытые почти черной благородной патиной, как свидетельство их солидного возраста, монеты оценили недорого – по три серебряных полтинника за штуку. Раньше я видел их только в книге «Античные монеты» и никогда не держал в руках. Совершив обмен, я поспешил к Ракинцеву похвалиться. Мельком взглянув на мое приобретение, Владимир Алексеевич зажал монетку в кулак и попросил подвести к нему продавца.

«Хочет забрать все антику оптом», – подумалось мне, и довольный, что успел перехватить «панतिकопейку», пригласил гостя пройти до мэтра, шепнув ему о своей догадке.

Владимир Алексеевич повел себя странно. Выбрав из кляссера античные монеты, он присовокупил их к моей в необъятную длань:

– Отдай, что ты взял в обмен у нашего парня.

Гастролер, как-то сникнув, вернул мои полтинники. Я прямо оторопел от такой наглости мэтра. Мало того, что он забрал всю антику у гостя, он покусился и на мой экземпляр. Обида чуть не вырвалась наружу, но пока я моргал, подбирая резкие слова для протеста, Ракинцев разжал свою ладонь, высыпав монеты прямо на асфальт:

– Забирай своё фуффло, и чтобы я тебя здесь больше не видел.

Современные копии древних монет или «фальшаки», как их называют коллекционеры, заполонившие нынешние нумизматические рынки, изредка попадались и в те благопристойные времена.

Лаконичность в общении старого нумизмата не допускала праздных разговоров, но порой так хотелось пообщаться с

опытным коллекционером, больше узнать о предметах общей страсти. В период полулегального существования любительской нумизматики и дефицита как научной, так и справочной информации, сведениями о монетах коллекционеры делились между собой при встречах, хотя домыслов в них содержалось гораздо больше, чем зерен истины. Хранить знания о монетах, собранных по крупицам из разных газетных и журнальных заметок, в отличие от Ракинцева, я не умел, и стремился ими поделиться с окружающими. В газете «Вечерний Фрунзе» появились мои первые популярные заметки по теме «Фауна на монетах мира». На очередной встрече Владимир Алексеевич подозвал меня к себе и, порывшись в своих закромах, извлек треть германского талера 1673 года с изображением оленя. Дав возможность полюбоваться на раритет, Ракинцев снова упрятал его в бумажный рулончик.

– Читал, одобряю. Я придержу эту монету, поищи в обмен что-нибудь из императорской России.

С той поры олень стал сниться мне по ночам. О, как достойно смотрелась бы старинная германская монета в коллекции среди нескольких десятков её современных собратьев, но где взять начинающему собирателю равноценный этому уникаму обмен. Спустя полгода мой друг геофизик Борис Анфилатов, один из первооткрывателей золоторудного месторождения Кумтор, привез из командировки по Таласской долине серебряную пятимискалевую кашгарскую монету начала XX века, найденную рядом с полуразвалившимся мазаром. Предварительно определив её редкость в каталоге «Монеты стран зарубежной Азии и Африки XIX-XX вв.», я в ближайшее воскресенье помчался на встречу с Ракинцевым. Зажав монету в кулак, Владимир Алексеевич после нескольких минут раздумий размотал одну из своих бумажных колбасок, засветив пару десятков не первой свежести российских рублевиков XIX века.

Внимательно осмотрев предложенный обменный фонд, я осмелился напомнить ему о талере с оленем. Владимир Алексеевич медленно свернул свой рулет и, подумав несколько минут, вернул мне пятимискалевик. Кроме Ракинцева, монета никого из коллекционеров в парке не заинтересовала. Вероятно, Владимира Алексеевича удивил мой непомерный аппетит, и в дальнейшем он встречал меня с прохладцей, а, может, мне

просто показалось. Улыбающимся его никто не видел.

После того, как рядом с парком Панфилова закончилось строительство правительственного здания, по аналогии с Америкой названного «Белым домом», коллекционеров попросили перебазироваться подальше от начальственных глаз. Новым местом встречи стал парк «Дружба» (сейчас он носит имя первого турецкого президента Кемаля Ататюрка) вот там и появились однажды несколько крепких парней в штатском. Потолкавшись среди коллекционеров, они приценивались к монетам и даже пытались торговаться, но потом, достав служебные удостоверения, объявили, что наша стихийная барахолка никакого отношения к заявленному клубу по интересам не имеет. Поскольку купля-продажа монет из драгметаллов, мягко говоря, незаконна, то во избежание неприятностей нам лучше разойтись. Все коллекционеры по-быстрому стали уносить ноги, и только Владимир Алексеевич потребовал письменного обоснования прекращения деятельности нумизматического клуба, существующего почти четверть века. Его, меня и еще двух зазевавшихся нумизматов комитетчики вежливо пригласили проехаться с ними. В конторе глубокого бурения (так тогда в шутку расшифровывали аббревиатуру КГБ) нам показали инструкцию Министерства Культуры СССР «О порядке учета и хранения движимых памятников истории и культуры, находящихся в личной собственности граждан». Суть её – в зачислении всех без исключения монет из драгоценного металла в категорию памятников и в обязательном учете любых нумизматических коллекций. Нарушителям грозило уголовное наказание.

– Тот, кто писал эти инструкции, даже не представляет, какой объем бесполезной информации он хочет взвалить на плечи Министерства Культуры. Каждый забитый советский полтинник, не имеющий нумизматической ценности, который ювелиры используют как сырье для своих поделок, придется фиксировать, – начал возмущаться Владимир Алексеевич. – У какого чинуши хватило фантазии уравнивать рублевики XVIII века и современные монеты только потому, что они отчеканены из серебра?

– Законы не обсуждаются, они должны выполняться, – прервал его строгий комитетчик. – Хотите продолжать собирать свои монетки – регистрируйтесь.

Не прошло и месяца, когда общее собрание коллекционеров приняло устав Фрунзенского клуба нумизматов и неожиданно избрало меня его председателем. Вообще-то единственной кандидатурой проходила фамилия Ракинцева, но он сделал самоотвод, сославшись на возраст, и предложил меня, а все дружно проголосовали.

Умер Владимир Алексеевич как-то неожиданно, незадолго до распада Советского Союза, его огромную коллекцию сестра увезла в Москву. На сороковины в парк зашла пожилая женщина, разыскивая меня.

– Вот, Владимир Алексеевич завещал вам монетку, – и она протянула мне треть талера.

«Нумизмать», она же «мама Валя» (В.Д. Горячева)

Слово «нумизмать» вырвалось у меня само собой на юбилее доктора исторических наук, крупного специалиста по городской культуре Семиречья – Валентины Дмитриевны Горячевой. «Археолог №1 в Кыргызстане», первая, защитившаяся в республике по этой специальности, она внесла в историческую науку весомый вклад, чтобы по праву так называться. Венцом её многолетней работы стала фундаментальная монография «Городская культура тюркских каганатов на Тянь-Шане (середина VI - начало XIII вв.)», изданная в 2010 году. Начальник экспедиций на Краснореченском и Буранинском городищах, которые я вспоминаю, как лучшие времена в своей жизни, «научной мамой» и руководителем по кандидатской диссертации она стала не только для меня. «Мамой Валеи» звал её на раскопках студент Кыргызско-Российского Славянского университета, а ныне старший научный сотрудник Отдела Востока в Государственном Эрмитаже Асан Торгоев. В свое время она привлекла в науку и молодого военного переводчика с арабского Владимира Ниловича Настича, командированного во Фрунзенскую лётную часть из Алма-Аты. После нескольких совместных работ по дешифровке эпитафий на средневековых каменных могильных камнях (кайраках) и легенд на новых типах согдийских и караханидских монет Настич поменял ампула

переводчика на исследователя. Сегодня он ученый с мировым именем, заведует отделом в институте Востоковедения Российской академии наук.

Заочное знакомство с Валентиной Дмитриевной состоялось в далеком 1983 году, когда газета «Вечерний Фрунзе» напечатала подряд две её статьи о монетных находках на Краснореченском городище, расположенном в 35 километрах от столицы Киргизии. Увлекательный рассказ о раннесредневековых тюркешских монетах как исторических источниках, играющих важную роль в восстановлении прошлого, заражал романтикой научного поиска. Вторая статья повествовала о мелкой золотой монете, династии Фатимидов, совершившей в одиннадцатом веке далекий путь из Египта в Среднюю Азию, находившейся под властью крупнейшей мусульманской династии Караханидов. Детская мечта принять участие в археологической экспедиции и самому сделать «сенсационное открытие» вновь проснулась и не давала покоя. Однажды, напросившись в отряд к Валентине Дмитриевне, я «заболел» археологией. Несколько летних отпусков мне, горному инженеру, далекому от истории, руководитель экспедиции прививала теоретические и практические навыки полевого исследователя.

Совместная раскопная работа на объектах Красной Речки (Навеката) и Бураны (Баласагуна) с долгими разговорами после ужина, когда уже темнело, а идти спать еще не хочется, сближала и располагала к воспоминаниям всех участников экспедиции.

– Стать археологом я даже не мечтала, даже больше скажу, в школе историю терпеть не могла, – откровенничала Валентина Дмитриевна. – Рабоче-крестьянское происхождение диктовало и соответствующий выбор основательной профессии. И я поступила в Новосибирский институт железнодорожного транспорта, а до того два года работала кондуктором-кассиром на автобусе.

– Не смогли с первого раза поступить? – перебивал я её некорректным вопросом.

– В хрущевские времена молодежь до поступления в ВУЗ обязывали два года отработать на производстве, а запись в трудовой книжке транспортного предприятия давала какие-то иллюзорные преимущества при поступлении в институт железнодоро-

рожников. Но я быстро поняла, что это не моё и размечталась стать журналисткой. Поступила в Ташкентский государственный университет, но и там не сложилось, не вписалась я в элитный студенческий контингент. Оказавшись перед выбором: бросать университет либо менять специализацию, я предпочла второе, перешла на гуманитарное отделение исторического факультета, единственное, где преподавание велось на русском языке. Так археология стала моей судьбой. И тут мне крупно повезло с учителями, преподавали нам патриархи востоковедения и основатели среднеазиатской археологической школы, светила мировой величины Михаил Евгеньевич Массон, его жена Галина Анатольевна Пугаченкова и их ученики.

– Я в детстве читал статью Массона про фальшивомонетчиков, – вспомнил я запись в ученической тетрадке, – и почему-то считал, что он давно умер.

– Типун тебе на язык, – не сдержалась Валентина Дмитриевна. – Он жив и продолжает работать. Мы с ним готовим к выпуску монографию по истории изучения городища Бурана, как я считаю – столицы Караханидского каганата Баласагуна. Михаил Евгеньевич передал мне старые архивные осмотры башни начала века, а я подобрала свои материалы с последними исследованиями. Кто бы знал, сколько нервов мне это стоило! Все ученые, начиная с Василия Владимировича Бартольда, считали Ак-Бешим столицей Караханидов, а городище Бурана его предместьем, ну и местные историки, конечно, вторили авторитетнейшему востоковеду. Доводы мои слушали, но всерьез не воспринимали, чуть ли не в глаза говорили о моей наглости, что осмелилась, оспаривать классиков. Даже Михаил Евгеньевич прислал письмо-назидание «не торопись с выводами». Поддержал меня однокурсник Борис Кочнев, работавший тогда во Фрунзенском историческом музее, он опубликовал нумизматический материал с городища с обозначением монетных дворов Куз-Орду и Баласагун, доказав, что это два названия одного города. А потом и Володя Настич прочитал эпитафии на найденных там же кайраках с упоминанием топонима Баласагун. Теперь Массон называет меня своей ученицей. Он часто говорил нам, что слушателей у него много, а вот ученики лишь те, кто дальше него пошел в избранной специальности.

Близкое знакомство с Валентиной Дмитриевной открыло доступ к её огромной библиотеке, а некоторые книги и статьи по археологии она мне просто подарила. Затем последовало приглашение послушать курс лекций по нумизматике, читаемый ею в Кыргызско-Российском (Славянском) университете историкам и культурологам. Лекции, расписание которых помечались в моем календаре, как праздничные дни, открывали тайны истории денежного обращения средневековой Средней Азии. В клубе коллекционеров я стал присматриваться к восточным монетам, и скоро нумизматика Кыргызстана стала основной темой моих исследований, вылившихся в полусотню научных статей и несколько монографий.

В 1989 году на общем собрании института Киргиз ГИИЗ меня избрали освобожденным председателем профсоюзного комитета, а так как в делах профсоюзных я смыслил мало, послали на двухнедельные курсы в Ташкент. По счастливой случайности в это же время в столице Узбекистана проходила конференция, посвященная 50 летнему юбилею кафедры истории и археологии, на которой присутствовали «птенцы - Массонята». Сбежав с профсоюзных курсов, я проник на конференцию.

Профессор МГУ Герман Алексеевич Федоров-Давыдов тоже прилетел в Ташкент на юбилей кафедры. Его книги «Курганы, идолы и монеты», «Монеты рассказывают» и «Монеты – свидетели прошлого» увлекательные как детективный роман истории поисков и открытий, написанные живым образным языком, я перечитывал десятки раз. Во время докладов Герман Алексеевич сидел один на последнем ряду, желание познакомиться с любимым автором и пожать ему руку прямо свербело внутри. Подсев к Герману Алексеевичу и, не найдя другого повода для разговора, я протянул ему на определение несколько серебряных тенге династии Шейбанидов, подаренных Александром Грошевым.

– Вот нашли у нас в Чуйской долине, – ляпнул я первое, что пришло на ум, наивно полагая, что монеты, купленные в Термезе, могли случайно найти на территории Кыргызстана, ведь попал же треть динара династии Фатимидов с далеких берегов Нила в средневековый Навекат, где его подняла Валентина Дмитриевна.

– Это монеты из одного клада, – сразу определил профессор, – вот то, что они найдены в Семиречье у меня вызывает большие сомнения. Там они просто не могли находиться. Скорее всего, это монеты из клада в районе Термеза, все они, – за исключением одной, биты в этом городе. Так что, молодой человек, вы, что-то темните.

Настаивать на своем было глупо, и на этом общение оборвалось. Позднее, работая над проектом ЮНЕСКО о Тимуридских и Шейбанидских кладах, я осознал всю нелепость выдачи серебряных тенге за семиреченские находки. Во времена их обращения города Чуйской долины уже лежали в руинах, а оседлое население перебито или угнано в полон в результате карательных походов Тамерлана и его внука Улугбека.

Из всех докладов, прослушанных на конференции, мне понравилось выступление Валентины Дмитриевны, особенно его эмоциональный настрой. Столько искренней радости от встречи с коллегами и преподавателями звучало в задорном спиче, как мне всегда казалось строгой научной дамы.

В конце девяностых Валентина Дмитриевна предложила мне подготовить курс по нумизматике, предупредив, что нужно собрать и проанализировать все научные статьи о монетных находках и кладах Кыргызстана, поскольку её программа, составленная по лекциям Массона М.Е., давно нуждается в дополнениях и переосмыслении из-за обильного нумизматического материала, поступившего за последние годы. Так потянулась цепочка преемственности поколений от Массона и Горячевой ко мне.

Вынашиваемая десятилетиями идея издать альбом «Нумизматическое наследие Кыргызстана» неожиданно нашла поддержку в Национальном Банке. Владимир Настич согласился стать научным консультантом, дав определения мусульманским монетам, а Валентина Дмитриевна отредактировала мой текст. С ним вышла незадача. Банк отдал рукопись в Академию Наук на рецензию, и каково же было мое удивление, когда перед запуском издания в печать на месте научного редактора я увидел другую фамилию. Радость от выхода первенца сменилась глубоким разочарованием. Как после этого смотреть в глаза своему научному руководителю, столько времени потратившему

на доработку достаточно сырого материала? Отправившись на приём к председателю банка, я выдвинул требование, если не будет указана фамилия Горячевой, то пусть вычеркивают и мою. Компромисс нашли быстро, поместив в выпускных данных дополнительную строку «Выражаем благодарность Горячевой В.Д. за помощь в подготовке текста настоящего альбома». Валентину Дмитриевну бесцеремонная подмена не удивила:

– Привыкай, Саша, с такими подлянками в научной среде тебе придется сталкиваться неоднократно, желающих воспользоваться плодами чужого труда хоть отбавляй, но бороться с ними необходимо, иначе перестанешь себя уважать.

Бескомпромиссный ученый, не допускающая фальши и передергивания научных фактов, Валентина Дмитриевна снискала себе международную известность среди ученых и большое количество недоброжелателей в местной научной элите. Ей долго не давали возможности защитить докторскую диссертацию и отлучили от кафедры истории в Славянском университете. После своего 75-летнего юбилея, оставшегося незаметным в официальных кругах, Валентина Дмитриевна переехала в Россию к своей дочери и внучке.

Георгий Иванович

Самым авторитетным из фрунзенских коллекционеров для меня был инвалид Великой Отечественной войны Величко Георгий Иванович, ведущий инженер ОКБ ИКИ (раньше всем известная аббревиатура сегодня требует расшифровки – Особое конструкторское бюро Института космических исследований). Георгий Иванович был единственный в клубе, кто собирал средневековые восточные монеты, «родненькую Азию», как он сам говорил. Это был неисчерпаемый источник, из которого я заимствовал свои знания по нумизматике Средней Азии. Георгий Иванович обладал задатками исследователя, он фиксировал места находок средневековых монет, делая записи: где, какие и сколько их было найдено. Еще Георгий Иванович славился золотыми руками, он «лечил» монеты. По собственной разработанной технологии он ввинчивал заклепки в редкие просверленные монеты, да так аккуратно дорезал, полировал и

патинировал их, что вставка просматривалась только через лупу с хорошим увеличением. Национальная традиция киргизских женщин носить чолпу – накосное украшение, изготовленное из крупных серебряных монет, соединенных в цепочки, выходила из моды, и в парк к нумизматам их приносили постоянно. В основном такие украшения собирались из просверленных царских рублевиков, но встречались подвески из трофейных европейских средневековых талеров, и чагатаидских динаров времен правления монгольского хана Кепека. Всем им Георгий Иванович вернул вторую жизнь, залечив сквозные раны.

Георгий Иванович познакомил меня с Владимиром Ниловичем Настичем, военным переводчиком-арабистом из Алматы. В свои редкие посещения фрунзенских нумизматов Настич делал атрибуцию восточных монет из коллекции Георгия Ивановича, свободно читая монетные легенды: кто, где и когда отчеканили этот фельс или дирхем. Мне он казался небожителем. Тогда я только начинал собирать монеты с изображениями животных и приставал ко всем с просьбами. Володя Настич откликнулся на призыв и существенно пополнил моё собрание, привозя по бросовым ценам средневековые азиатские монеты с изображениями хищников. Мы подружились, и Нилыч стал моим лучшим другом, и позднее научным редактором, а по большому счету, соавтором всех моих монографий.

Однажды, посмотрев дома у Георгия Ивановича коллекцию «родненькой Азии», я поразился разнообразию монетных типов. Здесь лежали раритеты, проникшие на территорию Киргизии по Великому шелковому пути, раннесредневековые деньги Тюркешского каганата отлитые из бронзы в местных мастерских, сменившие их дирхемы династии Караханидов и чагатайские динары. Такое изобилие дензнаков увидишь не в каждом музее. Предложение сделать альбом с определениями и иллюстрациями нумизматических памятников появилось само собой, на что ветеран парировал:

– А займись-ка ты этим сам, для чего ты оканчивал Университет народной журналистики, а я тебе помогу, сделаю фотографии и дам научные статьи из своей библиотеки.

Кое-какая литература по истории Средней Азии у меня уже накопилась, но взяться за такую работу я не рискнул, и от имени нумизматического клуба предложил подготовить её

Михаилу Николаевичу Федорову, профессору Национального университета и тогда уже доктору исторических наук и нумизмату. Федорова в среде коллекционеров поминали часто, в сборниках «Нумизматика и эпиграфика» печатались его статьи о монетах династии Караханидов, но с нами он не общался. Зато во время сессий в парк заглядывали его студенты, разыскивая восточные монеты, видимо надеясь такими презентами задобрить строгого профессора.

Фотографии монет из коллекции Величко, найденных в разное время на территории Кыргызстана, их размеры и определения, передали Михаилу Николаевичу. Примерно через полгода Федоров принес более семидесяти страниц печатного текста под названием «Популярная нумизматика Кыргызстана». По правде говоря, хорошая научная работа, насыщенная интереснейшим, ранее не опубликованным материалом, но, на мой взгляд, тяжелая для восприятия людям с невысоким уровнем исторического образования. Об этом я безапелляционно заявил профессору, добавив, что надо все переписать, поскольку здесь обилие научных терминов, а излагать историю надо проще и популярно. Михаил Николаевич обиделся:

– Царских путей в науке не бывает, это вам надо дорасти до уровня понимания научной нумизматики, а не мне опускаться до примитивизма.– Добавив, что не исправит ни строчки, он забрал свою рукопись, и среди опубликованных работ Михаила Николаевича, выехавшего вскоре на ПМЖ в Германию, она не встречается.

Перерабатывать материал, собранный Георгием Ивановичем, пришлось самим, в результате получился нумизматический очерк, который из-за отсутствия средств на издание вышел в четырех номерах журнала «Литературный Кыргызстан» в 1993 году. Спустя два года мой наставник переехал к дочери в Россию, подарив мне на прощание несколько монет, в том числе и древнейшую на территории Кыргызстана нумизматическую находку – монету-нож IV века до н.э. Сейчас реликвии хранятся в нумизматической коллекции Национального банка Кыргызстана.

Переписывались мы с Георгием Ивановичем несколько лет, но когда я переслал ему в подарок альбом «Нумизматическое наследие Кыргызстана», о котором мы так долго вместе мечтали, ответа уже не получил.

Массон, сын Массона

Конец XX века и начало следующего запомнились в Кыргызстане помпезными празднованиями юбилеев – 1000-летие эпоса Манас, 3000 лет городу Ош и следом 2200 лет Кыргызской государственности. Для обоснования круглых дат требовалось заключение именитых зарубежных историков, как бы подтверждающих старую истину, что нет пророков в своем отечестве. В республику пригласили Юрия Александровича Заднепровского, академика Российской академии естественных наук, начальника археологической экспедиции, в 70-х годах проводившего раскопки на Сулайман-Тоо, священной горе в центре Оша. Результаты радиоуглеродного анализа находок с Ошского поселения показали их почтенный возраст в три тысячелетия. В советское время особого значения этому открытию не придали, а вот для независимого Кыргызстана столь круглая дата явилась дополнительным поводом заявить о себе, и 2000 год объявили годом всенародного празднования юбилея города.

Оживление в научной среде историков вызвали различные семинары и конференции, посвященные памятным датам. При поддержке ЮНЕСКО стали выходить сборники статей под редакцией российского академика Вадима Михайловича Массона, не раз наведавшегося с визитами в нашу республику.

Как-то, заглянув на кафедру истории и культурологии Славянского университета к Горячевой, я застал в кабинете грузного мужчину преклонного возраста в профессорской шапочке и в очках с толстыми линзами.

– Наш нумизмат, – представила меня Валентина Дмитриевна, а это академик Массон.

– Тот самый, – непроизвольно вырвалось у меня.

– Тот самый, сын Михаила Евгеньевича, – рассмеялась Валентина Дмитриевна, догадавшись, кого я имел в виду.

Со мной случайно находилась подборка раннесредневековых монет с непрочитанными согдийскими легендами, и я решил показать их академику.

– Это не ко мне, их надо передать Володе Лившицу, и много у тебя монет?

– Около двух тысяч, я работаю в нумизматическом салоне,

и к нам их приносят постоянно, в основном с Чуйской долины, – доложил я.

– Сможешь написать научную статью о монетных находках. Я кивнул в знак согласия.

На следующую встречу, которая состоялась вскоре после выхода сборника со статьей о начале денежного обращения в Семиречье, Вадим Михайлович сам пригласил меня.

– Не собираешься защищать диссертацию? – спросил он, поздоровавшись.

– Не думал. Я по профессии горный инженер, а не гуманитарий, к тому же поздно, мне скоро полтинник стукнет.

– А ты подумай! Высшее образование у тебя есть, поступаи в заочную аспирантуру. Собранный тобой материал уникален, его необходимо сохранить для науки, систематизировать и издать, – напутствовал меня сын Массона. – Если понадобится помощь, обращайся.

Действительно, в процессе работы над диссертацией потребовалось содействие многих специалистов, и остались приятные воспоминания от общения с интересными отзывчивыми людьми. Прежде всего, живое участие проявил питерский согдолог Владимир Аронович Лившиц, расшифровавший имена тюркских каганов на новых монетных типах. Конкретную помощь оказали и казахстанские ученые. Тема возникновения денежного обращения в Семиречье и восстановление хронологии выпуска раннесредневековых монет заинтересовала директора института археологии им. А.Х. Маргулана академика Байпакова Карла Молдахметовича и его жену, доктора исторических наук Тамару Владимировну, согласившихся впоследствии стать моими оппонентами на защите диссертации.

Диссертационный совет возглавил Массон Вадим Михайлович, он же принимал экзамен по специальности, который проходил за чашкой чая в кабинете академика Владимира Михайловича Плоских.

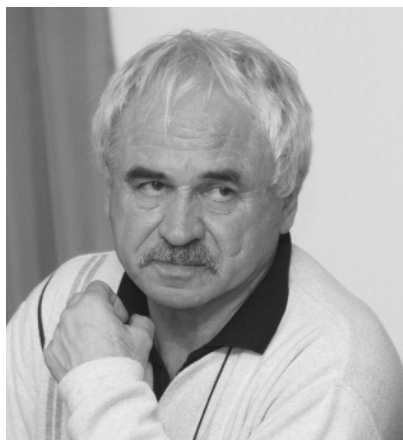
– О да, мы тут все Михальчи, можно сказать тезки, – начал Плоских, нарушив официоз мероприятия.

– Тогда уж родные братья, – подправила его Галина Федоровна, супруга Массона, археолог и тоже академик.

– Ну, отвечай по-братски, давно увлекаешься монетами, – продолжил шутливый тон Вадим Михайлович.

– С тех пор, как почти сорок лет назад в сибирском поселке прочитал статью вашего отца о ташкентских фальшивомонетчиках. Очевидно, то был знак судьбы, даровавший мне впоследствии встречу и дружбу с его учениками, Горячевой, Кочневым, Ртвезадзе и Федоровым, довелось мне попить чай и с Еленой Абрамовной Давидович, а сейчас сдаю экзамен сыну Массона.

Больше вопросов по отечественной истории не задавали.

Сергей ДУДАШВИЛИ

ПОЭЗИЯ ЗАОБЛАЧНЫХ ВЫСОТ

Эссе

Григорьевская щель (Долина Чон-Аксу)

Стояли прекрасные весенние дни, и мы решили продолжить путешествие в поисках самого красивого уголка нашей земли.

Ехали северным берегом Иссык-Куля. Горы Терскея, повиснув над водой, мерцали сказочным миражом.

Вот также когда-то я восхищался красотой горных озер в долине Чон-Аксу. «Жива ли та красота?» – задал я себе вопрос и поехал за ответом.

Григорьевская щель – настоящее природное чудо света. Она простирается почти параллельно береговой линии Иссык-Куля между хребтами Карагай-Булак и Кунгей-Ала-Тоо. По лесным опушкам, полянам и берегам рек растут барбарис, малина, ежевика... Извивы боковых притоков открывают живописные водопады. Возвышенны и монументальны берилловый цвет утесов и постаменты скал. Воздух чист, как дыхание утренней росы.

Три озёра сияют, словно жемчужины в оправе из густого леса. Отвести от них взгляд, увидев впервые, не удаётся никому. Озера расположены в глубине еловых лесов, пышных береговых трав и альпийских полей. Каждое озеро – это отдельный пейзаж, отдельная философия, отдельная красота.

Несмотря на длительную историю и чарующий вид, озера пока не имеют романтических имен. Они называются просто - Нижнее, Среднее и Верхнее. Чтобы найти эти удивительные творения, не нужны особые ориентиры. Все три озера расположены по руслу основной реки. Можно подъехать сюда на машине или подойти пешком. Нижнее и Среднее прячутся в лесной чаще, а Верхнее на границе альпийских лугов открыто для отражений снежных вершин.

Тысячелетия река и силы земли творили эту волшебную долину, и очень жаль, что с развитием туризма на озере Иссык-Куль уникальные озера превращаются в место для пикников и корпоративного препровождения времени со всем набором последствий. На фоне изумрудных берегов – свалки мусора. Печально.

Трудно сказать, какое из трех озер самое красивое. У каждого свой рассказ и своя тайна. Мне нравится Среднее озеро своей застенчивостью, вытянутой строгой формой, молчаливыми образами утопленных коряг и камней, красной россыпью земляничных зерен.

Хорошо, что заехал в эти места, порадовался: жива еще та красота, которой подарил когда-то частицу своего сердца!

Диво Дивное (Пещера Чиль-Устун в Араване)

К подножью горы Чиль-Устун мы подъехали в сумерках. Роцца Чарвак приютила на ночлег. А утром в ярких красках рассвета мы увидели пещеру.

Вход не каждому под силу. По наклонному дну ущелья тропа, набирая высоту, упирается в скалы. Дальше она взбирается по вертикалям и, вопреки логике, переползает на едва заметный, нависающий над пропастью карниз.

Пещеры еще не видно, но вот за поворотом тропа растекается по стене и взору открывается огромный вход. Его прикрывают три раскидистых дерева.

...Включаем фонари. Своды полости стремительно снижаются. Как жалок свет фонарного луча! Он с трудом пробивает застоявшийся мрак подземелья. Со всех сторон наползают, сгу-

щая мрак, колеблющиеся тени кальцитовых сталагмитов, эстакады гофрированных колонн и резных пилонов, подпирающих заросшие каменными сосульками литые своды. Кажется, что это не своды вовсе, а стремительные потоки воды, застывшие одновременно во времени. Некоторые из них достигли пола, но большинство так и застыло, повиснув в пространствах, словно люстры богатого президентского дворца.

Потолок первого зала пещеры украшен разноцветными полосами мраморного оникса, впитавшего кровавые узоры растворённых в нем окислов железа. Гладкие, отполированные колонны покрыты снизу доверху не прочитанными никем текстами. Здесь арабская вязь и санскрит, латынь и кириллица, магические знаки и символы... Натечные образования в первом и втором залах пещеры сильно пострадали от рук людей, они отбиты или бесцельно уничтожены пещерными браконьерами. Слава богу, они добирались только до второго зала, не рискуя идти дальше сквозь узкий коридор, за которым таилось Диво Дивное – третий зал.

Колонн-сталогнатов так много, будто находишься в дремучем лесу среди стволов каменных деревьев и кустарников. Третий зал самый большой. Стены увешаны каменными кружевами. Кристаллы не безмолвны, они хранят в себе чарующую музыку прошлых веков, которая звучит от легкого прикосновения.

... Настоящий подземный храм. Здесь есть все: и чистые озера, и гигантские сталактиты, и резные каменные колонны, сливающиеся в причудливые пагоды, маленькие тонкие сталактиты-трубочки, создающие впечатление застывшего каменного дождя. Здесь поражающие взор массивные плоские занавеси, фигурные плотины, люстры кальцитовых переплетений-гелектиты, отливающие голубизной кристаллы, каменные цветы и многое другое, чему пока еще нет названий ни в научной, ни в фантастической литературе.

Долина Журавлей (Каркыра)

Истоки реки Каркыра формируются из ручьев высокогорного массива Аюсай, прописанного на крайнем северо-востоке страны. Спускаясь с хребта Кунгей-Алатоо на севере и набирая

мощь в своём среднем течении, Каркыра примыкает к границе Кыргызстана и обретает статус пограничной черты.

От Каракола в Каркыру около 70 километров. После известного перевала Сан таш грунтовая дорога приводит к берегу реки, мосту и пограничной заставе. За мостом река, утратив титул пограничной, течет по казахской территории. Стремясь к Чарыну, она раздольно разливается по заболоченной равнине меандрами и рукавами.

Едем по левому Киргизскому берегу. Вот на широкой зеленой береговой террасе лагерь альпинистов, еще чуть дальше лесхоз, за которым собственно и начинается то, что принято называть Каркырой, – одно из самых впечатляющих ущелий Тянь-Шаня.

Сюда вначале лета прилетают журавли, в этих настоянных на прохладе местах они остаются чуть ли не до середины осени. Вероятно, в честь этих красивых и гордых птиц долина иназывается Каркыра, что в переводе с киргизского языка означает «журавль».

В прошлом веке здесь проходили известные русские путешественники Чокан Валиханов и Петр Семенов, оставившие свои восхищения не только красотой здешней природы, но гостеприимством самоверховного правителя киргизского рода бугу Боромбая Бекмуратова. По Каркыре шли и участники высокогорных экспедиции советского периода. Идут и нынешние экспедиции альпинистов. По сути, это был и остается наиболее удобный путь к сердцу Тянь-Шаня - пику Хан - Тенгри.

Чтобы погрузиться в красоты Каркыры, нужно, оставив машину, отдать предпочтение пешей экскурсии. Особый климат, перепад высот и разнообразные почвы создают условия для развития богатой флоры. Влажная от взбитой порогами реки долина - настоящая сокровищница природных красот. Стремительно бежит по ущелью Каркыра, преодолевая пороги. Над водой серебрятся ели, светится рябина и лучится лаванда в ареале изумрудных мхов.

Река Каркыра образуется от слияния трех основных притоков – Кок -Джара, Чон -Джиланача и Турука. Каждая из этих долин – мир первозданной природы, в который она поместила свои самые дорогие сокровища. Открывающиеся картины пре-

красны, хотя и лишены преобладающего в Долине журавлей волшебного света...

Снимая в ущелье Каркыра, сложно выставить экспозицию. Солнечный свет, достигнув дна долины, теряет мягкость расцвета. Ждать Заката нет смысла, поскольку ущелье заполнится тенями, и нежный закатный свет достается лишь гранитным пикам вершин.

Заповедный уголок (Озеро Кёль. Токтогульский район)

Давно мечтал проехать вдоль Узун-Ахмата и её правому притоку Каракульдже. И вот долгожданная встреча...

Чудная природа, яркие краски осени и нежное очарование гор. Прекрасны террасы Узун-Ахмата, еще более прекрасна упавшая с небес Каракульджа.

Вечер застал нас у крохотного кишлака. Укрывшись одеялом из мерцающих звезд, заночевали в сказочном лесу, вблизи которого, среди ручьев и скал, пряталась заветная тропа.

Наутро, когда солнца луч коснулся западного гребня, отправились в путь. Преодолев реку, растерявшийся джип замер в поисках едва заметной и давно забытой колеи. Оставив машину, идем по росистой тропе к крохотному, обозначенному на карте озеру. Путь оказался не легкий, было пасмурно, моросил дождь, рождая сомнения.

Перевалив через гребень, тропа пошла под уклон. Идем по изумрудной долине, широкой и красивой, заросшей деревьями самых неожиданных форм. Особенно эффектно выглядела арча: она стелилась по склону, раскрывалась веером, напоминающая райских птиц, вытягивалась стройным кипарисом, катилась зелеными шарами по склону, в каких-то местах взывала к небу высохшими стволами.

Дождь прекратился. Низкие молочные облака снижались, вытягивая пространства в узкие панорамы. В какой-то момент сквозь матовую пелену проглянуло солнце, показав верхний ярус пространств: легкие облака, девственно чистый свет, бледная синяя даль, заглянувшая сквозь пелену тумана из верхнего мира в реальность.

И вот меж зеленых волн арчового леса, взору открылось нечто! Замкнутая и вытянутая вдоль хребта котловина, и в ней, в ожидании встречи, переливаясь темной бирюзой, разлившееся восхитительным безмолвием озеро Кель – воплощенная красота природы, одно из самых идиллических мест Южной Киргизии.

Озеро не избаловано вниманием, оторвано от цивилизации, и пройдет еще немало времени, прежде чем сюда пожалует массовый турист. А пока усыпанные свежим снегом гребни, смешавшиеся со слоями тумана, разделили все на два мира. От самых верхних границ, припорошенных свежим снегом, погрузились в жидкий сапфир крутые изумрудные берега. И хотя нет солнца, присутствие тумана и света позволяет сделать чрезвычайно редкие пейзажные снимки. Все вокруг, как волшебная сказка. И всё в тонах шоколада и дорогого темно-зеленого бархата.

Вокруг никого, только магия – абсолютная, осязаемая. И выраженная мера красоты.

Истина. Золотая пропорция да Винчи. Внеземной заповедный уголок.

Затерянный мир (Долина Чаткала)

Мраморные горы, распиленные глубочайшими каньонами рек, парящие меж облаков вершины и пики, скрытые в замкнутых долинах рощи, океан цветов.... Эти места – не фрагменты экзотических морских побережий, они не спрятаны в дремучих джунглях, не расположены на недоступных плато. Могучий Чаткал охраняет этот таинственный затерянный мир.

Сюда в июне приходит весна. И природа бушует во всю мощь. Аромат цветов и свежих трав растекается в пространствах, пьянит, кружит голову.

С трёх сторон ущелья западных склонов замкнуты отвесными стенами хребтов. Но мы твердо намерены посетить этот заповедный мир.

Незаметно горизонтальная плоскость ландшафта приобрела этажность. И теперь мы едем по дну широкой, с крутыми берегами лощине, выработанной безобидной речушкой в слоях четвертичных отложений.

Вскоре долина замкнулась амфитеатром, выложенным блоками известняка. Прекрасная поляна на берегу речного разлива стала нашим причалом.

К вечеру небесная синь выпала блеклым туманом. Солнце, переключившись на более дальний свет, окрасило гребни и вершины оттенками тлеющего рубина. Закат угасал. Лимонный свет слился с тенями сумрака и пошел дождь. Всю ночь капли тарабанили по крыше палатки. Ветер трепал защитную накидку и призраки ненастья носились в потоках обиженного ветра.

И вот в розовом свечении над восточной стеной долины родилось утро, и мир снова пробудился светом возвышенной радости. Сияющие алмазами травы светились волшебным светом детства. Небо чистое - ни соринки, ни штриха - сплошная глубокая синь и бесконечность.

По скальным ступеням поднимаемся на первую волну гребня. За ним в чаше из мрамора и малахита береговых трав - юное в грустном спокойствии озеро.

Дальше подъем и снова долина, теперь уже четко отмеренная вертикалями слоистых каменных стен. Высоченная трава скрывает русло реки. Дно ущелья все гуще и плотнее забирается под зеленый плащ густых зарослей, парящих миражами после ночного дождя. На карнизах крутых стен выстраиваются пирамиды елей и пихт, повисают кудри кустарников и корней. Стены обнажают пещеры. Все дальше и дальше пробираемся сквозь заросли, пытаюсь достичь истоков каньона. Все выше и выше к небу тянутся красно-зеленые стены. И этим райским кушам нет ни конца, ни меры. Заросли малины, смородины, облепихи, шиповника.... Вот бы попасть сюда по осени.

Два дня пробыли в этом затерянном мире и не встретили никого. Ни охотников, ни пастухов, ни туристов.

Лики Алая (Долина Кызыл-Ункур. Алайская долина)

В горах время имеет совершенно другие измерения. Час, заполненный бесчисленными впечатлениями, проходит мгновенно, а другой течет медленно без каких-то восторгов. Каждое

путешествие, в которое устремляется человек, – одновременно и вечность и мгновенье.

Алайская долина, повисшая между хребтами Памира и Алая, без сомнения – одно из интересных и красивейших явлений в Кыргызстане. В этом суровом, редкостной красоты крае, нужно побывать непременно. Величественные горы, ползущая лента красной реки и безлюдный простор парящих в потоках ветра пространств. Это край, где панорамы поражают своим величием и грандиозностью, а высокие труднопроходимые выси доступны лишь богам и альпинистам. Два десятка притоков, стекающих друг другу навстречу, сформировали гигантское поле. В прошлом эти реки были настолько водообильны, что весь сносимый ими материал, достигнув устьев друг друга, образовывал у подножья хребтов огромный шлейф отложений.

По одному из притоков, стекающему с Алайского хребта, поднимаемся к подножью. Чем ближе к скалам, тем четче выделяются на фоне серых гранитных стен красноцветные песчаники и конгломераты. Маленькая на вид речушка струится по дну не по размеру обширного русла. Каньон то сужается, выталкивая тропу на перемычку холма, то снова возвращает её обратно.

Природа, сохраняя первозданность, проявляет свое искусство в самых неожиданных местах. Обнаженные стены пестрят узорами красно-желтых слоев, нишами, гrotами и отверстиями. С крутых берегов каньона вас разглядывают сказочные персонажи - огромные черепахи, ящеры и драконы, волшебники и кощеи...

Но вот ярус конгломератов закончился, и долина вновь распахнулась ширью. Сквозь мягкие пушистые облака мы видим колеблющиеся образы близких снежных вершин и ярко-красные пашни спрятанной в котловине зимовки. И вот главная награда нашим стараниям— могучая панорама Алайской долины и Памира на одном холсте. Найдя точку для обозрения, я долго любуюсь совершенством этого высокохудожественного чуда, вобравшего в себя сразу несколько параллельных миров. Просто невероятно, как величественна и многокрасочна здесь природа! Желтые, коричневые, красные, голубые полосы до самого горизонта.

Боясь быть застигнутыми ненастьем, мы мчимся в долину.

Потеряв высоту, теряем и то божественное зрелище, которым восторгались ещё минуту назад.

Было ли все это в реальности? Мысленно возвращаю себя к скалам Кызыл-Ункура, где в гулких пространствах каменных теснин остались, яркие, удивительные образы Алая. Значит – было. И лики, сохраненные на матрице памяти, тому подтверждение.

Мраморный замок (Долина реки Узун-Ахмат)

Собираясь на этот раз в путешествие, мы точно знали, куда поедем. Перед Токтогулом сворачиваем на запад и дальше берегом реки. Узун-Ахмат встретила красками осени, прозрачной водой, чистым глубоким небом и пронзительным великолепием пейзажей. Постепенно дорога втянулась в ущелье, на террасах которого уютно пристроились древние, как мир, экзотические деревушки...

Наша задача проехать от Узун-Ахмата через хребет в долину Таласа. Когда-то здесь была проложена дорога, факт ее присутствия подтверждала и карта.

Чем дальше вглубь ущелья, тем круче хребты, гуще пойменный лес. Дорога, как и подобает проселочной, разбита до основания. Впрочем, для нашего внедорожника принцип «чем хуже, тем лучше» самый смысл жизни.

Ничто не манит так сильно, как старая горная дорога. Что-то есть в этой израненной стихиями полосе жизни. Неспешно ведет она, рассказывая подробности горного бытия. Всего можно коснуться, ко всему приглядеться. Запахи осенних трав. Чья-то пасека возле кривоствольных лип. Скрипучий мосток. Синеющий космос за взгорьем...

А вот и место, где Узун-Ахмат встречает притоки Каркарагай и Терек. Вокруг обширная пойма, заросшая дремучим сказочным лесом.

Где - то здесь и прячется тот заветный поворот. По едва заметной дороге, ползем интуитивно, угадывая древние серпантины. Объезжаем скалы и заросли. Накинувшись, они в ярости скребут тело машины, сдирая покраску. Частые размывы и

обнаженные камни преодолеваем с большим трудом. Рождаются сомнения. И вот, как-бы в подтверждение тому - мощная промоина. Не проехать.

Еще долго и безуспешно пытаемся найти объездной вариант. Рискую, поднимаемся на близкий гребень. Кутаясь в платок из тумана, словно мираж, встает, возвышаясь мраморной стеной, волшебный замок. Клубятся сгустки тумана, кружась вокруг главной башни. Прямо-таки коллекция идиллических картин, проникающих одна в другую, подчеркивая и утверждая тезис о величии и единстве природы. Филигранные башни с резными тонкими, как струны, перемычками, полированные уступы, карнизы и балконы, лестницы и отвесы, стекающиеся по беломраморной облицовки стен... А ниже, у самых подножий замка, висячие еловые опушки на уступах скал и серебряные струи водопадов, рождающиеся из невидимых пространств.

Зачарованные красотой наблюдали, затаив дыхание всё это...

Спасибо карте и этой старой дороге, подаривших встречу с прекрасным Мраморным замком.

Ностальгия по Чумышу (Окрестности Бишкека)

Сегодня Чумышская плотина почти рядом с городской чертой. И мало кому известно, что когда-то эта территория была чуть ли не самая популярная для горожан туристическая зона. Сюда приезжали на отдых и пикники. Купались, ходили на лодках, рыбачили. Здесь проводились соревнования по технике туризма и ориентированию.

Помню, как приезжали сюда во время сессии. Отдыхали и заодно готовились к экзаменам. Жили в палатках. Время было чудное. В окружении природы каждый понимал, для чего живет и к чему стремится. Постепенно эта зона потеряла популярность. А после развала Союза и вообще не рассматривалась как территория туристических интересов жителей столицы.

И вот спустя много лет мы снова на Чумыше. С трудом узнаю места, где когда-то ставили палатки, где бродили и проводили соревнования. Как изменчива с годами природа.

Тем ни менее здесь по-прежнему живы милые сердцу уголки: тополиные рощи, фазаны стаи... Обширное водохранилище в золотой оправе осенних красок, как и прежде, прекрасно. Рядом Чу скользит в плотном камышовом лабиринте. С трудом пробирюсь сквозь плотную двухметровую камышовую стену. На противоположном берегу невысокие скалы и укутанная колючей проволокой пограничная полоса. Там земля наших друзей казахов. Во времена, о которых я вспоминаю, здесь не было границ. Была общая территория, общий дом и общие радости. Теперь Чу – нейтральная зона и принадлежит бакланам и уткам.

По правую сторону, на казахской территории, знаменитые чумышские скалы с наскальными рисунками. По левую – лесные чащи, вотчина зайцев, фазанов и охотников.

Чу, хотя и пересыхающая, но крупная река. Длина ее от истока до устья составляет 1275 километров, то есть приблизительно половину длины Дуная.

По берегам перед платиной несколько сот метров тянется прекрасный тугайный лес – настоящие камышовые джунгли, такие, что не пробраться к воде. А дальше на разливах относительно открытые пространства и полный набор коренных представителей тугайных лесов – тополь, ива, береза, облепиха, лох, тамариск и пр...

Словом природа не умерла, не канула в небытие, она сузилась, сжалась, как и все наше время, в ожидание нового миропорядка.

Жизнь – это кругооборот. День, ночь, год, десятилетия..... Встает и заходит солнце, отсчитывая время. Так что все вернется, и Чумыш снова наполнится жизнью, ибо все прекрасное вечно. Придет новая весна, и я обязательно поеду на Чумыш со своими внуками. Память – это не только ностальгия, но и соединение поколений.

Огненный город (Нарынская область)

Река Ат-Баши, резко поменяв направление с юго-восточного на северное, устремляется на штурм хребта Кара-Тоо. С моста, если смотреть вниз по течению, не трудно заметить

как бы парящие над зеленой полосой пойменного леса нежно-красные, молочные и золотисто-желтые холмы.

Это Бедленды, в буквальном переводе с английского «дурные земли» – особый вид ландшафта. В полдень, когда отсутствуют тени, пейзаж бедлендов выглядит мрачно-важно. Солнце, склоняясь к закату, порождает тени. Безликость, собираясь из каньонов, ложбин и ущелий, превращается в волшебный город.

Разноцветье этих образований отражает их развитие с доисторических времен. Различные слои содержат кварц, принесенный разливами давно исчезнувших рек, а спрессованный пепел – результат вулканических извержений. Сухие и рыхлые породы – слишком легкая добыча для местных стихий, и формирования ландшафтного дизайнера не прекращается здесь никогда.

Съехав с дороги, пробираемся среди промоин, почти касаясь склонов безжизненных гор. Дальше дороги нет, её унесли недавние ливни, превратив местность в первобытный ландшафт. Несколько минут идем вдоль берегового отвеса. Над нами причудливые красные скалы, собранные в абстрактной инсталляции. Попытка подняться на террасу заканчивается неудачей. Слишком отвесны рыхлые обрывы... Наконец полчища колючих кустарников отступают, и прямо со дна долины широкая эстакада на каменных опорах приглашает в огненный город.

Вокруг причудливые нагромождения нелогичных гор. Вот ступенчатое панно печали, а там чудовище с мохнатыми лапами. Громадный зверь с нелепой головой на длинной шее. Чудо случайностей на крохотной опоре. А сколько ликов! Вот старуха с длинными космами седых волос, а это голова девушки с новогодней прической. Дальше каньоны улиц, замки, бастионы, остатки разрушенных крепостей. Город вымерших чудовищ, мастерская абстракции, застывшие волны... Ползущая по вертикалям жаба, и зелено-красный контраст симбиоза соприкасающихся миров.

Солнце, зависнув над горизонтом, осветило город. Еще несколько секунд и все потухло, превратившись в мрачный ландшафт.

С грустью и надеждой на новую встречу покидаем город. За

спиной остывающий в рубиновом ареале огненный город. На востоке в темно-синей накидке заката гряда снежно - ледовых гор. Внизу река в зеленом халате берегов и бескрайняя даль просторств, пронизанная лучами заката.

Какое замечательное место, и как жаль, что о нем никому не известно.

Панорама Памира или что есть высота? (Перевал Тенгиз- Бай)

За Дароот-Коргоном неожиданно пришла, как мне показалось, удачная мысль. Когда-то, не так давно, со стороны Ферганы можно было проехать горной дорогой через перевал Тенгизбай в Алайскую долину. Года два назад дорогу с ферганской стороны разрушил мощный оползень. И хотя она на карте продолжает существовать, в реальности этой дороги нет.

И вот та самая мысль, посланная мне невесть откуда, подсказала, что надо бы поехать и посмотреть: может, удастся подняться до Тенгизбая? С высоты-то картина откроется редчайшей красоты.

Сворачиваем. От близких алайских гор струится прозрачное, полное тепла и ультрафиолета утро. Сквозь него, паря над землей, змеится меж холмов и утесов дорога. Она в хорошем состоянии. Ложась размашистыми серпантинами, она поднимает нас на высоту, раз за разом все больше и больше открывая панораму Памира. Чем выше петля дороги, тем больше и обширнее панорама.

Вот он, Тенгизбай, застывший в восторженном молчании от величия и восхищения собственных творений! Стокилометровая долина, пятидесятикилометровая ширь и почти двухкилометровая высота – таков формат этих невероятных пейзажей.

Что есть высота? Как описать увиденное? Где найти правильные слова? Нет ни слов, ни оценки. Только чувства и эмоции, рожденные первоминутным созерцанием. И кайф, растекающийся по телу сладостным потоком.

Прошло немного времени, прежде чем вернулась способность думать и принимать решения. Видимость, свет,

ракурс – все на сто процентов! Но возможности фотокамеры ограничены. Тем ни мение, мне кажется, что я сделал несколько удачных снимков.

Высота – одно из лучших одеяний пейзажей, которые предстают в своей исконной сути. С помощью высоты они достигают высшей гармонии и совершенства. Высота спасает их от нашествия низин, заполненных хрупкими плоскостями и монолитной посредственностью.

Высота рождает таланты и творит лучшие пейзажи, превосходя картины равнин непримиримой степенью свободы. Картины, рожденные высотой, это мир парадоксальных гипотез, смелых умолчаний, близких бесконечностей, пьедестал высшей световой каллиграфии и свободы!

Вот, что есть высота.

Самая известная достопримечательность (Ущелье Чичкан).

Ущелье Чичкан! Не ошибусь, если скажу, что это место – самое известное из всех природных достопримечательностей республики. Произошло это вовсе не от пристрастия народа к туризму и путешествиям. Так уж сложилось и было угодно Богу, что через Чичкан в начале шестидесятых прошлого века проложили главную дорогу страны Бишкек - Ош.

Сегодня по дороге ежедневно проезжают сотни автомобилей. Все они видят Чичкан – сказочной красоты фильм о природе Тянь-Шаня. На экране автомобильного окна проплывают удивительной красоты пейзажи небесных гор, которые невозможно забыть. Фильм идет около часа. Альпы и Кавказы отдыхают. Замечено, что даже самые безразличные к природе люди, проезжая по Чичкану, протирают глаза.

Впервые я увидел этот содержательный фильм про Чичкан, в далеком 1963 году, когда мне было 12 лет. С тех пор я проехал здесь тысячу раз и увидел тысячу его ликов, во все времена года. Истоки зачарованной реки лежат на перевале Ала-Бель, отделяющего чудную долину от высокогорного джайлоо. Спуск... буквально пару серпантинов и вот он – живописный каньон, сомкнувшийся из распахнутых, в снежных заплатках

ложбин. Его имя Чичкан, что в переводе означает «Мышь». Название кажется не совсем уместным. Но вскоре понимаешь, что в нем заложен не визуальный, а функциональный смысл, связанный с характером зверька: юркий, быстрый, скрытный, внезапный, изменчивый, добрый...

У Чичкана несколько коротких притоков: Итагар, Кызыл-Кель и Туя-Арча. В них тоже много интересного: украшенные лоскутами осыпей склоны, цветочные поляны, лесные чащи, малиновые гущи, березовые рощи и водопады.... В Итагаре, например, скрывается красивое озеро Саз-Кель, в ущелье Кызыл-Кель - легендарная Красная пещера, в Туя-Арче – нависающий над тропой утес со свечами елей, устремленных к небу. Чичкан изменчив, осень здесь – настоящее волшебство. В октябре, потеряв изумрудный цвет, его картины приобретают золотисто-красную раскраску. После короткой, двухнедельной весны, в начале июня в ущелье приходят пасечники и сборщики ягод. Окончательно пробудившись, Чичкан наполняется изумрудным сиянием растительного мира, ароматом красоты и запахом звуков. И найти в это время свободное от отдыхающих путников местечко практически невозможно.

Замыкает галерею чудес Мраморный карьер. В советское время здесь его выпиливали прямо из скальной горы. Спрос на редкий искрящийся под солнечными лучами камень был огромный. Но экологи победили, и теперь в память о былом многоярусная пирамида ничуть не хуже великих пирамид Майя.

Скалы Кара -Джыгач (Джалал - Абадская область)

Нельзя, оставаясь безразличным, проехать мимо этого ансамбля филигранно выточенных силами природы каменных скульптур. Однако то, что открывается с дороги Таш-Кумыр – Ала-Бука, всего лишь малая часть долины чудес.

Чтобы прикоснуться к скрытым сокровищам Кара-Джигача, продолжаем путь в сторону Сары-Челека через мост над рекой Кара-Су и дальше правым берегом подбираемся к подножью экзотических скал. Высота памятников поражает. За строем

великанов по застывшим красным волнам поднимаемся к началу извилистого каньона.

Природная фантазия Кара-Джигача не знает границ. Фигуры, столбы, ансамбли, замки, взлетающие «корабли», падающие башни... Если взглядеться, вслушаться в застывшее пространство, можно ощутить время, его бесконечность и смысл.

История возникновения скульптур Кара-Джигача – пример непрекращающегося процесса эволюции и борьбы стихий. Много миллионов лет назад красные пески долины были покрыты водами неглубокого моря. Обильные отложения ила скапливались на морском дне, спрессовывая песок и пористый песчаник. После того, как море покинуло эти места, за дело взялись вода и ветер. Постепенно возвышающиеся над долиной плато обнажились лощинами и каньонами, у подножий, где процессы эрозии происходили с большей активностью, возникли башни и статуи. Красно-коричневый цвет монолитам придали окислы железа.

Скалы, совсем недавно казавшиеся воплощением постоянства, оказались многоликими, очертания принимали самые необычные, в зависимости от расположения солнца, расстояний, времени года, дня, погоды, облачности, настроения... Может, поэтому у них нет ни имен, ни историй. Есть только красота, и чтобы понять её, погрузиться в самую суть, лучше разбить палатку у подножья магических скал. Важно не упустить момент, когда скалы окунутся в жидкую медь закатных лучей, а луна опустит фату из мерцающих звезд.

...На рассвете мы покидали Кара-Джигач. Волшебная долина, стряхивая ночные тени, заполнялась теплым золотистым светом восхода. Забравшись на одну из вершин, я увидел горы в курчавых стволах орешин, реку в оправе изумрудных колец, сёла в светлых тополиных тенях, глубину небес и помыслы облаков, затаившийся ветер и весь каньон от края и до края, от низа и до верха со всеми образами, нишами и ячейками, узорами и штрихами, оттенками и звуками.

Вот она – высшая гармония искусства от Бога! Какой еще искать красоты, какой поэзии, какой истины?!

Зайнидин КУРМАНОВ

ФИЛОСОФСКИЕ АФОРИЗМЫ

О власти и правителях

У хороших правителей мысли и поступки совпадают.

...

Сильные правители это мудрецы, которые умеют поведовать!

...

У плохого правителя две повестки дня: одна для обмана народа (озолочу, восстановлю, построю), другая - для личного обогащения.

...

Для посредственности власть это комфорт и удовольствие, для достойных это еще большая ответственность.

...

Посредственных правителей миллионы, талантливых – сотни, великих – единицы, счастливых - никого.

...

Для посредственного политика должность главы правительства или государства - пик и конец карьеры, для сильного - начало пути в бессмертие.

...

Сильному власть нужна для того, чтобы изменить мир, слабому - чтобы удовлетворить свое ничтожное честолюбие.

...

Пустому человеку нужна не власть, а развлечения.

...

История изобилует свидетельствами, что правители из рабов были самыми жестокими и несправедливыми тиранами.

...

Слабые политики мечтают сохранить свою власть, сильные - передать ее лучшим.

...

Те, кому нужны советы, как правило, мало к ним прислушиваются.

...

Только истинные демократы готовы проиграть свою власть на выборах.

...

Некоторые политики созданы для того, чтобы своей кипучей деятельностью «во благо» народа подтвердить, что, вопреки одной известной притче, в рай на чужом горбу можно въехать.

...

Чтобы быть успешным реформатором мало хотеть, надо еще знать и уметь.

...

На постсоветском пространстве демократия имеет странное свойство превращаться в плутократию и представляться властью как завоевание демократии.

...

Демократия, как ценность, имеющая естественное начало, вездесуща, только масштабы у нее везде разные.

...

Сильный правитель повелевает чиновниками, слабый следует их указаниям.

...

Если в стране есть свободные граждане, у нее есть будущее!

...

Чем отличается Франция от Кыргызстана? Франция – это политический союз свободных граждан. Кыргызстан – это аморфный конгломерат племен и народов.

...

Парламенту, где все представляют самих себя и своих хозяев, опасно доверить даже курятник!

...

Пропорциональные выборы сейчас считаются самым прогрессивным способом избрания представителей народа. Но и это дело легко опоганить там, где все партии фальшивые.

...

Когда олигархи путем подкупа стали захватывать власть, древние греки в противовес им, чтобы не погубить народ, придумали жребий!

...

Многие правители могли бы остаться в Истории великими, если бы каждый день занимались своими прямыми обязанностями.

...

Все правители мечтают о величии и славе, но многих из них забывают еще при должности.

...

Есть должности почетные, но не важные, а есть неважные, но главные.

...

В политике самый главный приз – это Слава и Бессмертие, а не Деньги и фальшивая любовь окружения.

О разном

Раб не может повелевать свободными, он попытается превратить их в рабов.

...

Рабскую сущность человека нельзя выкорчевать богатством, это можно сделать только воспитанием.

...

Все время зарабатывать деньги азартно, но опасно. Очнулся, а жизнь уже прошла!

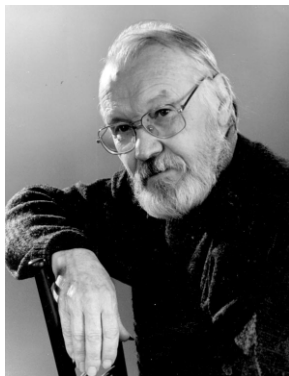
...

Как правило, у молодежи много энергии, но нет знаний и опыта. У стариков много опыта и знаний, но нет энергии!

...

Восточная мудрость всегда думала о нравственности и морали, а западная еще и о политике.

***КУЛЬТУРА.
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ***

Алексей АГИБАЛОВ

Па дэ дэ с ЕКАТЕРИНОЙ МАКСИМОВОЙ

В конце октября 2004 года я был приглашен в Астану на фестиваль «Шабьт» в качестве члена жюри конкурса гитаристов. Фестиваль этот проводился в столице Казахстана уже не в первый раз, и проводился он под эгидой ЮНЕСКО и под патронажем президента республики Нурсултана Назарбаева – прекрасного руководителя старой советской закалки, кстати, моего ровесника. Он, как и я, родился в 1940 году. Так вот, фестиваль проводился по 12 номинациям: балет, народный танец, эстрадная песня, классическое пение, фортепиано, гитара, живопись, ювелирный дизайн и другие жанры, поэтому членов жюри было 48, и у каждого жюри был свой председатель. У гитаристов жюри состояло из: Алексея Зимакова (Омск), председателя Алексея Агибалова (Бишкек), Виктора Мельниченко (Томск), Нурлана Джекшенбаева (Бишкек). Участников же конкурса-фестиваля было около тысячи. Только в жанре классическая гитара их было 32.

Сама новая столица Казахстана произвела на меня неизгладимое впечатление. В далеком 1958 году товарный поезд, на котором я ехал вместе с другими комсомольцами-добровольцами на целину, остановился на вокзале Акмолинска, пыльного, серого, глинобитного провинциального городишки, постоял и поехал дальше в Ерментау – к нашей конечной станции. Теперь же, в 2004 году, город было не узнать. Новый, из стекла и бетона вокзал. Новая столица на левом берегу реки Ишим

еще в строительных лесах, старый же город помолодел, пере-строился, в центре города новые правительственные здания, широкие площади, бульвары, проспекты, огромный Конгресс-Холл - современное здание полукруглой формы, со зрительным залом на 3000 мест; внутри – огромные холлы, украшенные живописными полотнами и чеканными плакатами современных казахских художников. Партер обрамлен многоярусным амфи-театром, огромная сцена.

В день открытия фестиваля был аншлаг. Все 3000 мест были заполнены. В партере первые два ряда – для членов жюри. На спинке каждого кресла вывешен вымпел с фамилией члена жюри. Растерянный и взволнованный я сел на свое место.

Открыл фестиваль мэр новой столицы. Обращаясь к огромной аудитории, он сказал: «вместе со всеми присутствующими я бы хотел поприветствовать членов жюри конкурса, тем более, что эти люди – цвет культуры великого Советского Союза».

В эту секунду зал взревел, заполнил пространство каким-то восторгом, люди аплодировали стоя, кто-то пронзительно свистел, кто-то выкрикивал слово «Браво». Члены жюри встали со своих мест и повернулись лицом к зрительному залу... Этот волнующий восторг длился несколько минут... Когда аплодисменты утихли он продолжил:

–Вы, участники фестиваля, видите – строится новая столица нашего независимого государства Казахстан. В ней будет два оперных театра, драматические театры, музеи, новая консерватория и огромная библиотека имени нашего президента Нурсултана Назарбаева... Нужны молодые талантливые специалисты во всех жанрах искусства и культуры... Пройдет фестиваль, будут победители и побежденные, но мы предлагаем вам всем остаться в новой столице. Мы дадим вам работу, дадим благоустроенные квартиры, хорошие зарплаты. Оставайтесь!...

Тогда, на открытии фестиваля, я заметил несколько ярких, запоминающихся своим необычным, каким-то артистическим поведением и внешностью членов жюри, это: Нагима Ескалиева – красавица лет 35 – эстрадная певица, со «звездной» внешне-

стью, особенно необычной прической – где пряди волос были то золотистые, то каштановые, и уложены невероятно красиво. Она была обаятельна.

Досхан Жолжаксынов – казахский «Ален Делон», как его называли в кинематографических кругах, сыгравший, множество ролей в советских фильмах. Он возглавлял секцию документального кино как председатель жюри. Действительно красавец. И другие члены жюри выделялись своей неординарностью.

Максимовой я в первые дни фестиваля не видел. Ее не было и в ресторане на обедах и ужинах, где были все члены жюри. Ее не было и утром на завтраках в кафе в отеле. А была ли она на фестивале в первые дни? Или же она приехала только к закрытию? Не знаю.

Фестиваль шел по всем номинациям весьма успешно, как и конкурс гитаристов. Были на нем и звезды. Например, Дмитрий Мурин (из Чимкента), третьекурсник Академии музыки им. Гнесиных в Москве, студент профессора, лауреата Международного конкурса Александра Фраучи.

Все гитарные мероприятия, а это и конкурс в два тура, и концерты, проходили в новом, красивом, современном здании, специально построенном для Академии музыки Казахстана. 4 ноября там выступил Алексей Зимаков с концертом – он играл и соло, и в дуэте с пианисткой Ольгой Анюхиной, играл блистательно, ведь на этот момент ему не было равных в стране, с его феерической техникой. 7 ноября я дал сольный концерт в этом же теплом, уютном зале (а на улице было -17°), с великолепной акустикой. Я играл свой «Конек» - русская гитарная классика.

Когда я исполнил свою программу концерта, была овация, я долго кланялся публике и потом вышел за кулисы.

За кулисами стоял Зимаков. Обращаясь ко мне, он сказал: «Исполнение вами «Двух евреев» Мусоргского не хуже, чем у Ямашиты, а, может быть, и лучше!»

Приближался финал фестиваля. Некстати я сильно простудился, кашлял, болела голова и, кажется, вечером, 8 ноября, решил сходить в аптеку за лекарством от простуды.

Было уже темно, отель светился ярким, уютным светом.

На улице было зябко, шел легкий снег. Я пересек небольшой парк, в глубине которого стоял отель, прошел мимо памятника казахскому акыну – он сидел на высоком постаменте и в руках у него была домбра, его плечи были присыпаны снежком.

«А ведь ему холодно играть на таком холоде,» – подумал я мимоходом.

Потом я вышел на широкий проспект, уже ночной, с редкими автомобилями, с ярко освещенными первыми этажами многоэтажек, где, вероятно еще работали магазины, кафе, и, наверное, аптеки. Я шел по правой стороне проспекта, вдали увидел неоновые буквы «Аптека» и неторопливо направился к ней. На улице не было прохожих, и только когда до «Аптеки» осталось метров 15-20, оттуда вышла женщина. Она шла мне навстречу. Она была среднего роста, стройная, одетая в демисезонное пальто с поднятым меховым воротником и в шляпке, как у «Незнакомки» на картине И. Крамского, только без перьев. Шла она, едва касаясь земли ногами, как-будто плыла, и шла странно – если все наступают сначала на пятку, а потом и на всю ступню, то она наступала сначала на пальцы, а потом на ступню.

– «Так ходят балерины,» – подумал я. И когда мы приблизились друг к другу, я увидел красивое лицо этой хрупкой, невысокой женщины, ее слегка удлинненные миндалины глаз, и вдруг узнал ее! Это же легендарная балерина, Екатерина Максимова! Я потерял дар речи! Пройти мимо молча? Или же как-то дать понять, что я ее узнал? Во рту от волнения пересохло, и я неуверенно хрипло выдавил:

– Добрый вечер!

Она на секунду остановилась, как бы разглядывая меня.

Я, чуть осмелев, все еще растерянный, но уже окрепнувшим голосом выдохнул, чтобы как-то выразить свой восторг:

– А можно Вас поблагодарить за все то, что вы сотворили?

Она, чуть повернувшись ко мне плечом и головой, теперь уже явно с улыбкой ответила негромко и мудро, как бы понимая мою растерянность:

– Можно.

И пошла, как я понял, в сторону отеля.

Я зашел в аптеку, купил лекарств, вышел на улицу и пока шел в отель, думал: «Как должно вести себя, когда ты встретил Легенду Советского Балета? Как дать понять, что знаешь о ней многое, что ты восхищен, что ты музыкант, играющий хорошо на инструменте, но до конца не понимающий, как можно языком тела рассказать целую жизнь, без единого слова?»

Я внутренним взором вдруг увидел ее танцующую в балете «Анюта», там, где Валерий Гаврилин написал для дуэта гитар что-то вроде цыганского танца. Она танцует его в окружении обожателей, так легко и свободно, что растворяется в танце, бесконечно импровизируя, словно рассказывая о своей нелегкой судьбе женщины, у которой много восторженных поклонников, но нет любви, настоящей, подлинной, рассказывая языком танца о своей беззащитности в этом мире продажности и лицемерия...

Я видел много балетов с Екатериной Максимовой. Особенно восторгался ее Фригией в балете А. Хачатуряна «Спартак», где Спартака танцевал выдающийся танцовщик Владимир Васильев, Эгину – Нина Тимофеева, а Краса – Марис Лиела, которого в 1989 году нелепый «художественный совет» уволил как профнепригодного!!!... И ведь это произошло не только с ним. После 1991 года, когда власть в стране была захвачена либерал-демократами. Они начали разрушать не только экономику, но и культуру. Взялись «громить» Большой театр – сердце русской культуры, основанного в 1825 году. Беспричинно были уволены из театра Наталья Бессмертнова, Юрий Николаевич Григорович, Владимир Васильев, Екатерина Максимова, а позже Николай Цискаридзе. «Появились» балетмейстеры: Алексей Ратманский, Борис Эйфман, новаторы-разрушители старых традиций, разрушители классики, ставящие на ее месте нечто вроде американских мюзиклов вперемешку с акробатикой и мимансом, под прикрытием теории, что все старое «пронафталиненное» сегодня не актуально, что во всем мире балет стремительно меняется.

Об этом я размышлял за завтраком в кафетерии отеля.

События закрутились стремительно. Алексей Зимаков и Ольга Анохина за три дня до закрытия фестиваля уехали в Челябинск, где у них был запланирован концерт.

10 ноября в семь вечера назначено закрытие фестиваля. Служебный автобус приехал к отелю за членами жюри с опозданием, довез нас к Конгресс-Холлу, к служебному входу. У входа огромная толпа желающих попасть на закрытие. Мы с трудом протиснулись к служебному входу. Меня стремительно повели по коридорам холла вверх на первый этаж, туда, где и расположился зрительный зал, за кулисы. Я помню, что в микрофон уже объявляли:

– Председатель жюри конкурса гитаристов, дипломант международных фестивалей Алексей Агибалов.

В этот момент кто-то рядом снимал с меня пальто и, слегка похлопав по плечу, подтолкнул из-за кулис на сцену. Я был последним из 12 представителей жюри, закрывающих официальную часть вечера. Я, пытаясь изобразить уверенность, окруженный облаком аплодисментов, пошел к середине сцены, поклонился публике. Ко мне шли из-за противоположной кулисы три юные казахские красавицы в снежно-белых до пят национальных платьях и островерхих национальных головных уборах, с ослепительными улыбками. Одна вручила мне на подносе конверт, две другие ждали, пока я не открою его и не прочту. Я открыл конверт, достал текст и произнес:

– Победитель конкурса гитаристов, лауреат фестиваля «Шабьт» Дмитрий Мурин.

Из зала на сцену поднялся Мурин. Я помню, что вручил ему поданный на другом подносе диплом в шикарной стекляннo-золоченой раме и конверт с денежным вознаграждением. Все это время не прекращались аплодисменты... Потом я спустился в зал, в первый ряд, взволнованный происходящим, слегка растерянный – не часто приходилось быть лицом к лицу с такой огромной аудиторией, от которой, как будто исходила мощная волна любопытства, возбужденности, радостного ожидания какого-то грандиозного спектакля.

Меж тем ведущий вечера объявил в микрофон:

– А теперь предлагаю всем двенадцати председателям жюри подняться на сцену, мы раздадим им закрытые конверты со списком из 12 победителей Гран-при, а потом каждый из них выберет одного из лучших – это и будет кульминацией, высшей

точкой, когда мы узнаем самого талантливого из равных...

Члены жюри один за другим поднялись из кресел первого ряда по ступенькам (а их там было пять или шесть) на сцену. Нам вручили закрытые конверты и попросили снова спуститься в зал на свои места, с тем, чтобы, вскрыв конверт, в списке из 12 победителей подчеркнуть одну.

И вот тут произошло то неожиданное, невероятное событие в моей жизни.

Поскольку я был крайним в ряду, я и пошел первым в зал со сцены, с конвертом в правой руке, подошел к ступенькам, которые были слабо освещены, почти спустился до последней, когда мелькнула мысль: «Надо помочь идущим за мной преодолеть эти ступеньки.» Я снова поднялся на одну-две из них, поднял глаза и вдруг увидел, что следом за мной к ступеням шла Екатерина Максимова.

Это было как сон, как мираж. Я подал ей левую руку, она приняла предложение и положила в мою раскрытую ладонь свою ладонь правой руки. Она была легкая и теплая, и мы стали медленно, целую вечность, спускаться по ступеням. И тут зал взорвался, овация была такой силы, что, казалось, рухнут стены зала. Это была неистовая овация, кто-то по-разбойничьи свистел, кто-то кричал что-то восторженное. Овация длилась до того времени, пока я не провел Максимова к ее креслу. Только спустя дни, недели, месяцы я осмыслил природу этой овации – это было уважение и восхищение перед Великой Русской балериной. А для меня это было па-дэ-дэ с Великой Екатериной Максимовой. Ничего подобного в моей жизни не было и, вероятно, не будет уже никогда!

Мы сидели рядом с Екатериной Сергеевной, я открыл конверт, прочел список, выбрал лучшего, на мой взгляд, хотел подчеркнуть и выяснилось, что у меня нет ручки. Максимова, видя мое замешательство, дала свою. Я подчеркнул нужную фамилию, закрыл конверт и стал по привычке писать на конверте свою фамилию.

—А вот этого делать не надо, - мягко подсказала она. И вновь я почувствовал себя неуверенно и взволнованно. Отдавая

ручку, благодарно взглянул в ее чуть удлинённые миндалины глаз, которые смотрели на меня спокойно и ободряюще.

– Благодарю Вас, Екатерина Сергеевна!

Все, что было потом: и вручение самого Гран-при, и га-ла-концерт в честь закрытия фестиваля, были как в тумане и показались мне уже незначительными. Я был счастлив.

«АЛЬ-ХАЯТ» – БЛАГОСЛОВЕНИЕ ЖИЗНИ!

«Жизнь – игра рождения и смерти, встреч и расставаний, света и тени, добра и зла, памяти и забвения...», – подумалось мне, когда я узнал о предстоящей выставке живописных картин художников советской эпохи, а так же игрушек той поры, проводимой арт-галереей «Аль-Хаят».

Владельцы «Аль-Хаята» Дамир, Татьяна и Тумур Акмановы известны своей подвижнической меценатской деятельностью, как организаторы выставок, творческих встреч, пленэров, музыкальных вечеров и множества других арт-мероприятий. В 2012 г. в журнале «Литературный Кыргызстан» была опубликована статья Вилора Акчурина с многоговорящим названием «Искусство быть добрым», в которой освещается жизненный путь и меценатская деятельность этой дружной и творческой семьи.

Советское время – время надежд и мечтаний особенно дорого Дамиру Исмаиловичу. В нем, по его словам, были заложены те неповторимые нигде и никогда нравственные устои, которые наполняли жизнь, общения между людьми светом и теплом. И так изображать окружающий мир, как это делали представленные на выставке художники, вряд ли кому-то когда-нибудь удастся. В этом он убежден.

Дамир Акманов рассказывает, что собирать игрушки начал в последние годы, и это особые ощущения, до дрожи в теле будоражащие память... Есть у него мечта, найти модель железной дороги, под названием «Пионер». Постепенно собралась коллекция игрушек советской поры, которые было решено вынести на обозрение широкой публике.

Действительно, когда же проводить подобную выставку как не накануне новогодних праздников, неизменно ускоряющих восприятие жизни, позволяющих окунуться в страну детства, с присущим ей ожиданием сказочных чудес.

Тёплый уютный зал арт-галереи встречал новогодним оформлением, красочной ёлкой, обрамлённой игрушками, экспозицией картин художников Кыргызстана советского периода, звуками классической музыки, волнами окутывающей зал и создающей атмосферу дружелюбия и сотрудничества.

Реалистические полотна художников Акылбекова, Духанина, Ефременко, Кожаметова, Усубалиева и других, всего шестьдесят полотен, воссоздавали реалии утраченной эпохи, и игрушки вновь начинали наполняться жизнью, возвращая в мир детства и мечты.

В современном потребительском обществе достаточно широкий выбор всевозможных игрушек, компьютерных игр,

Дамир Акманов среди картин художников советского периода

всевозможных гаджетов на любой вкус... Однако, почему-то волнуют именно те, старые, потрёпанные временем, с зарубками житейских детских игр и битв.

Наверное, прав был Йохан Хейзинг, отмечая особую роль игры в жизни человека. Игры, в которые мы играем, формируют нас, во многом определяя личностные судьбы.

На новогодней ёлке в центре арт-галереи я увидел игрушечные шары, напомнившие детские годы. Подобные висели на принесённых с мороза, живых и свежо пахнущих ёлках моего детства. Я любил подходить к этим игрушечным шарам, смотрел в своё отражение, строил смешные рожицы, ловил в них осколки родного мира – дома. Захотелось подойти и посмотреть в сверкающий зеркальный шар. Взглянул и оторопел, увидев свое нынешнее отражение – слепок прожитых лет. Расстроился, и вдруг шар засверкал, отражая иллюминацию зала, и на фоне звучащей музыки, вновь увиделись картины, столь реалистично отражающие прошедшие времена, будоражащие память и напоминающие жизнь такой, какой она была, нет, есть и продолжается... Если творениям человека дарят новую жизнь, значит, это кому-то нужно... Значит, продолжается жизнь – игра, творящая новые жизни.

Хаят с татарского переводится как жизнь, бытие, существование. Арт-галерея Аль-Хаят – это место, где сохраняется и поддерживается искусство, возвращаются семена добра и творчества, зажигающие фонарики – сверкающие и разноцветные гирлянды в причудливом саду мировой культуры.

Фото Г. Михайлиной.

Валентин ЯНЦЕН

В КРУГЕ ОЗМИТЕЛЕВСКОГО ПРИТЯЖЕНИЯ

Замечательную школу крупного ученого-литературоведа, доктора филологических наук, профессора Евгения Кузьмича Озмителя прошли поколения учителей, научных работников, общественных и государственных деятелей. Выдающийся педагог и исследователь, он стоял у истоков современного университетского образования.

К девяностолетию Евгения Кузьмича его ученики и коллеги выпустили книгу, в которую вошли избранные научные труды, очерки, рассказы и стихи Евгения Озмителя, а также воспоминания о нем тех, кто с гордостью связывают свою судьбу с его именем.

Среди учеников и соратников Евгения Кузьмича – профессор Валентин Корнеевич Янцен, чью статью, посвященную Учителю, журнал с удовольствием представляет читателям.

С именем Евгения Кузьмича Озмителя у людей, близко знавших его, работавших с ним, учившихся у него, наверняка в первую очередь связано представление о широкой многогранной личности с обострённым предчувствием грядущего нового, со стремлением понять и познать его и сделать доступным и понятным для других. Особый интерес вызывали у него явления,

связанные с формами, границами и возможностями духовной самореализации человека в художественном творчестве, в процессе создания произведений литературы и искусства.

Судьба позволила мне свыше тридцати лет находиться в орбите озмителевского притяжения: учиться у него, работать с ним, иметь возможность неформально общаться в повседневных условиях. В конце 50-ых гг. прошлого века для меня, как и для многих студентов-филологов Киргизского Государственного университета, Евгений Кузьмич был небожителем, восседавшим на филологическом Олимпе. У него уже тогда была репутация авторитетного литературоведа-эрудита, строгого, но справедливого преподавателя. При этом всё это было покрыто неким романтическим флером, сотканным из изустных сведений о его фронтовой юности и послевоенной биографии. Однако в отличие от античных олимпийцев он был открытым и доступным преподавателем, не особенно пекущимся о соблюдении академической дистанции в общении со студентами.

Первые мои опыты общения с Евгением Кузьмичом пришлись на время хрущёвской оттепели. Тогда многих удивляла прямота, резкость и неподдельная искренность его оценок истории, состояния и перспектив развития литературного процесса в стране. Могло тогда показаться, что это было следствием смены векторов общественно-политического развития в СССР. Сегодня, читая дневниковые записи молодого Озмителя, фронтовика, понимаешь, что он всегда был таким: непримиримым к несправедливости, лжи, лицемерию и стремящимся дойти до сути волновавших его проблем. При чтении отрывочных записей в юношеском дневнике Евгения Кузьмича, фронтового разведчика, поражаешься, с каких высоких нравственных начал он оценивает поступки своих сослуживцев, непосредственных военных начальников и одновременно пытается критически оценить образы литературных произведений, в частности, трилогии А. Толстого «Хождение по мукам». Это единство опыта пережитой им и переживаемой реальности и её художественного воплощения, как мне представляется, стало алтарём, на который он приносил свои мысли, творчество, результаты которых были для него далеко не всегда безопасными.

Поражает, с каким искренним желанием писал в 1945 году

Евгений Кузьмич о желании учиться, находясь вдали от Родины на берегах Рейна. Сегодня можно сказать, что его фронтовой и послевоенный опыт был основой его звёздного часа в 60-ые годы.

В отличие от многих своих коллег он пытается выйти из застывших идеологических установок в научной и преподавательской работе. Он обращается к изучению новых источников по истории литературы и искусства. На своих лекциях он говорит о новых именах писателей, ранее неизвестных или запрещённых, знакомит студентов с новыми литературными направлениями и формами художественного творчества. Многие тогдашние студенты именно от него впервые узнали об абстрактном искусстве, потоке сознания как литературном приёме, «Чёрном квадрате» Малевича и других модернистских направлениях и новых веяниях в мировой и советской литературе. С окончанием оттепели и появлением новых запретов на имена, взгляды, идеи для него наступили нелёгкие времена, но он пользуется каждой возможностью сохранить и развить новые подходы к изучению и преподаванию литературы. Так, на возглавляемой им кафедре теории и истории литературы начинает в 60-ые гг. работать семинар по проблемам семиотики и структурализма в литературоведении. Семинары часто проходили в достаточно нервной обстановке. Нередко оппоненты его не понимали из-за опасения быть обвинёнными в отступлении от господствовавших тогда идеологических догматов, иногда он сам по присущему ему бескомпромиссному стремлению идти до конца в достижении поставленных целей допускал ошибки. Это не помешало ему проторить свою дорогу в литературоведении Киргизстана, по которой он увлёк за собой целую плеяду своих учеников. Следуя совету Б. Пастернака не отличать победу от поражений, он не боялся высказывать и отстаивать свои взгляды по самым актуальным и спорным вопросам современной поэтики, стихосложения, становления и развития литературных взаимосвязей и взаимовлияния национальных литератур.

Будучи талантливым и оригинальным литературоведом и ведущим профессором, Евгений Кузьмич был одновременно и успешным организатором и руководителем научных исследований. Во время совместной работы с ним в Педагогическом

институте русского языка и литературы в 80 – 90-ые гг. мне пришлось воочию убедиться в широте его взглядов на роль вузовской науки в подготовке педагогических кадров. Тогда предпринимались робкие, а потому большей частью неудачные попытки реформирования высшего образования. Их непоследовательность и неэффективность объяснялась тем, что большинство реформаторов по причине идеологической зашоренности и боязни ответственности за результаты возможных преобразований не желали обсуждать необходимость коренных изменений в понимании целей, задач, современных форм и методов обучения в вузах. В этих условиях с присущей ему решительностью и напористостью он поставил вопрос о пересмотре содержания высшего филологического образования и внедрении новых форм организации учебного процесса. По его инициативе в ПИРЯЛе в эти годы разработали индивидуальный учебный план, по которому после многочисленных переговоров с московскими чиновниками и дискуссий с учёными Академии педагогических наук СССР было разрешено в порядке эксперимента вести подготовку учителей русского языка и литературы для школ Кыргызстана. Предложенный учебный план был основан на необходимости расширения прав вуза в определении содержания обучения, выборе методов обучения и внедрения асинхронных форм организации учебного процесса. Следует заметить, что всё это происходило задолго до разговоров и дискуссий по поводу Болонского процесса. Можно с большой вероятностью предположить, что если бы идеи, заложенные в основу индивидуального плана ПИРЯЛа получили бы дальнейшее развитие, то сегодня можно было с уверенностью говорить о Бишкекском образовательном процессе на территории СНГ. К сожалению, последовавшие вскоре ликвидация ПИРЯЛа и кончина Евгения Кузьмича поставили крест на этой работе. Попытки сегодняшних менеджеров от высшего образования модернизировать нашу систему подготовки филологов сводятся в основном к внедрению разного рода бюрократических процедур в научно-педагогическую деятельность вузовского преподавателя. По их заявлениям, они якобы направлены на повышение качества высшего филологического образования, но на самом деле, как показывает практика, производят прямо

противоположный эффект, так как не дают ответа на самые злободневные вопросы: чему учить, как учить и для чего учить сегодняшних филологов.

Существует традиция, вспоминая ушедших от нас, раздельно говорить о том, какими они были профессионалами в своём деле и какими запомнились в повседневной, как говорится, в личной жизни. В моей памяти Евгений Кузьмич в любой ситуации – на работе, на отдыхе, в обиходном общении, в застолье – остался человеком, постоянно погружённым в творчество. Его работоспособность поражала своими масштабами, целенаправленностью и глубиной. Он был и мудрым наставником, и строгим критиком, и ироничным собеседником, и непримиримым оппонентом, и гостеприимным хозяином, но всегда на первом плане у него была его любимая наука, которой он посвятил всю свою жизнь и для которой он сделал всё, что мог.

Кратко об авторах

АГИБАЛОВ Алексей

Родился в 1940 году. Окончил музыкальное училище им. Гнесиных (г. Москва). Занимался педагогической деятельностью. Знаменитый гитарист-семиструнник, композитор. Дипломант Международных фестивалей. Единственный композитор, пишущий произведения для гитары с симфоническим оркестром. Автор книги «Плач гитары» и ряда рассказов, опубликованных в «Литературном Кыргызстане». Увлекается альпинизмом и горными лыжами.

АЛЕКСАНДРОВ Вячеслав

Родился в Беларуси в 1947 году, в семье офицера Советской Армии. Живет в Киргизии с 1954 года. Окончил Киргизский государственный университет по специальности экспериментальная физика. Командовал два года мотострелковой ротой в Советской Армии. Затем строил датчики для космических спутников. Потом резкий поворот в судьбе. Как при слаломном спуске с горы на лыжах. Работа на телевидении в качестве снимающего корреспондента, сценариста, телеведущего, режиссера. Затем – кинооператора документальных фильмов – «Испытание», «Пятый угол», «Конечная остановка». И снова резкий поворот. На этот раз на стезю бизнеса в области туризма. С бизнесом столкнулся впервые, а с туризмом, альпинизмом и горными лыжами был давний роман, который продолжается до сих пор. Автор книг «Азиатские Белые Горы», «Алеет Восток» и др.

БАЗАРОВ Геннадий

Кинорежиссер-сценарист, народный артист КР. Автор таких фильмов как «Материнское поле», «Засада», «Улица», «Приют для совершеннолетних», «Заговор», «Аномалия», «Карагыз», «Метаморфоза», «Исход» и др. В разные годы опубликовал повести «Пауза для размышления», «Гримаса», «Суть», «Стойбище», «Ноктюрн» в журнале «Литературный Кыргызстан». На телевидении ведет свою авторскую программу «Альтернатива» о проблемах духовности.

БАШМАНОВ Юрий

Родился в городе Фрунзе в 1961 г. Получив средне-специальное образование, отправился служить в Советскую Армию. Будучи совсем юным, он стал мастером спорта по альпинизму и получил спортивное звание «снежный барс», покорив все семитысячники Советского Союза.

В 1995 году, когда в сфере альпинизма в Киргизии был совершенный упадок, Юрий организовал экспедицию на вершину 5 категории трудности, дав ей название «Манас-1000». А в 1999 году также стал организатором и руководителем экспедиции на безымянную вершину, посвятив ее памяти киргизского поэта Алыкула Осмонова.

В настоящее время является основателем и руководителем Бишкекской кровельной компании. Женат, имеет двух дочерей.

Тонкий внутренний мир, богатый и яркий жизненный опыт Юрия Башманова нашли свое отражение в сборнике рассказов «Момент истины» (2015).

ДУДАШВИЛИ Сергей

Родился 21.01.1951 года на юге Кыргызстана, в селе Араван Ошской области. Окончил Киргизский государственный институт физической культуры по специальности туризм. Известный спелеолог и первооткрыватель большинства пещер в Центральной Азии. Автор 16 книг. Президент компании Международный центр путешествий «Горы Азии», фонда сохранения и исследования пещер. Член-корреспондент Всемирной энциклопедии путешествий.

ЗАРИФЬЯН Анэс

Родился в г. Фрунзе в 1946 г. Окончил Киргизский госмединститут. Учёный-физиолог, профессор, академик Международной Академии Информатизации, профессор Российской Академии Естествознания. Работал преподавателем, научным сотрудником в КГМИ, проректором – в КГИФК, МУК, КРСУ. В настоящее время – декан медицинского факультета КРСУ.

Поэт, бард. Автор 19 поэтических книг, песенника, двух пластинок песен, выпущенных ещё в советские времена Всесоюзной фирмой грамзаписи «Мелодия», и компакт-диска «Выше головы!».

Лауреат, член жюри, ведущий творческих мастерских на многих региональных и всесоюзных фестивалях авторской песни. В 80-х годах вёл в нашем журнале рубрику о творчестве бардов «Стихи, что с музыкой слились...».

Песенно-поэтическое творчество представлено, помимо изданий, на сайтах: www.bards.ru, www.glavmedinfo.ru.

В 1989 г. был принят в Союз писателей СССР, в настоящее время – член Союза писателей Кыргызстана. Заслуженный деятель культуры Кыргызстана, кавалер ордена «Данакер» и медали «Даңк».

КАМЫШЕВ Александр

Родился в 1953 году в Кемеровской области. Окончил геологоразведочный факультет Томского политехнического института. Работал начальником буровой партии в институте КиргизГИИЗ. С 1992 года эксперт в антикварно-нумизматическом салоне. В 2002 году защитил кандидатскую диссертацию по специальностям «Отечественная история» и «Археология», автор 8 книг и более 200 научных и популярных статей по нумизматике Кыргызстана. В 2013 вышел сборник его рассказов «Записки кладоискателя».

КОЙЧУЕВ Бахтияр

Родился в 1963 году в Бишкеке. Доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой истории и теории литературы Кыргызско-Российского Славянского университета. Опубликовал более 80 литературно-критических и научных работ по истории и теории мировой литературы, в том числе – о творчестве русскоязычных писателей Кыргызстана. Член Национального Союза писателей КР.

КУЛЕШОВА Юлия

Родилась 24 января 1985 года в тогда ещё городе Фрунзе. Окончила Кыргызско-Российский Славянский Университет по специальности Международная Журналистика. Работает новостным корреспондентом на телевидении.

Заниматься творчеством начала с 13-ти лет. Тогда же один из первых рассказов был опубликован в детской газете «Ай-Данек». Позже были публикации в газете «Блиц-ИНФО», литературном журнале «Жаңы Ала-Тоо», литературном альманахе «Много языков – один мир», журналах «Бишкекчанка» и «#ONEMAGAZINE».

Является победителем нескольких литературных конкурсов, в разное время проводившихся на Интернет-площадках Кыргызстана. В частности, на Дизель-форуме и tvorchestvo.kg. Большая часть произведений написана в жанре мистики. Но достаточно много и социальной прозы и сюрреализма.

КУРМАНОВ Зайнидин

Заведующий кафедрой международных отношений Кыргызско-Российского Славянского университета, доктор исторических наук, профессор. Закончил ЛГУ и аспирантуру Института истории СССР АН СССР в Москве. Работал ректором Киргизского государственного педагогического института, дважды избирался депутатом Жогорку Кенеша, избирался спикером Жогорку Кенеша 4-го созыва. Опубликовал свыше 220 научных работ, в т.ч. автор и соавтор 36 книг и брошюр. Лауреат многих международных конкурсов. Заслуженный работник образования КР. Государственный советник Кыргызской Республики 2-го класса.

ХЕГАЙ Артем

Родился в 1986 году в г. Фрунзе. Окончил Бишкекский гуманитарный университет по специальности журналистика. Лауреат специальной премии фестиваля «Айкол-Манас – Человек года» – «Крылатое будущее Кыргызстана» в номинации «Дебют в литературе – Проза» 2009 года. Участник мастер-класса в летней школе «Дебют IV 2008 МФА». Публиковался в сборнике «Новые писатели»/Фонд СЭИП (Москва 2014), в журнале «Литературный Кыргызстан» и в альманахе «Много языков – один мир».

УБАЙДУЛЛАЕВА Кристина

Родилась 27 ноября 1988 года в городе Оше. В 2011 году окончила Кыргызско-Российский Славянский университет по специальности «Филология». В настоящее время – корреспон-

дент, редактор отдела новостей в медиа-центре «Россия» (вкл. редакции печатных изданий «АиФ-Кыргызстан», «МК-Азия», информационного портала «News-Asia» и представительства РИА «Новый Регион-Азия»).

Стихи публиковались в «ЛК» и поэтических сборниках, в том числе в сборнике «Новые писатели», изданном в Москве в 2014 году, а также были представлены на различных конкурсах и фестивалях.

ЯНЦЕН Валентин

Янцен Валентин Корнеевич родился в 1941 году в Северном Казахстане. Окончил Кыргызский государственный университет по специальности учитель русского языка и литературы. Работал школьным учителем. После окончания аспирантуры преподавал в Кыргызгосуниверситете, Пржевальском пединституте, Омском госуниверситете. Был ректором Пединститута русского языка и литературы, проректором Международного университета Кыргызстана. В настоящее время работает в КРСУ. Имеет ученую степень кандидата наук и ученое звание профессора. Является автором нескольких научных монографий и свыше ста статей по русскому языкознанию и педагогике высшей школы.

Корректурa Александра Молчанова

Компьютерная верстка и дизайн Светланы Терезуловой

Подписано в печать 10.01.2017 г.
Формат 84x108 1/32. Бумага офсетная.
Гарнитура Arial. Заказ 9.
Тираж 300 экз.